

Анне-Кат.
Вестли

АВРОРА НА ТЕПЛОХОДЕ

Повести

Перевод с норвежского
Б. А. Ерхова

Художник
Елена Белоусова

Москва
«Махаон»

УДК 821.113.5-31-93
ББК 84(4Нор)
B38

Anne-Cath. Vestly

AURORA PÅ HURTIGRUTEN, 1971
AURORA FRA FABELVIK, 1972

Вестли А.-К.

B38 Аврора на теплоходе : повести / Анне-Кат. Вестли ; пер. с норв. Б. А. Ерхова ; ил. Е. Н. Белоусовой. – М. : Махаон, Азбука-Аттикус, 2022. – 224 с. : ил.

ISBN 978-5-389-20595-6

Маме Авроры и Сократика предложили новую работу в городке Фабельвике, и вся семья отправляется в путешествие на север Норвегии. Сначала они едут на машине, потом – на поезде, потом на теплоходе и, наконец, на катере. Их ждут приключения и новые знакомства. Но особенно все обрадовались, когда к ним в гости приехали старые друзья вместе с бабушкой восьмерых внуков.

УДК 821.113.5-31-93
ББК 84(4Нор)

Aurora på Hurtigruten and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1971
Aurora fra Fabelvik and the following copyright notice:
Copyright © Gyldendal Norsk Forlag AS 1972
© Ерхов Б. А., перевод на русский язык, 2022
© Белоусова Е. Н., иллюстрации, 2022
© Издание на русском языке. Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
Machaon®

ISBN 978-5-389-20595-6

АВРОРА НА ТЕПЛОХОДЕ

Один-единственный корпус «Ц»

Корпуса зданий в Тириллтопене отличаются цветом. Белые, жёлтые и серые, они стоят на широких лужайках.

Среди них выделяется один. Он тоже стоит на лужайке, но на особенной. Она вся поросла кустами красной и чёрной смородины, сливами и яблонями. Деревца совсем молоденькие, они тянутся к небу и гордятся тем, что уже живут.

Случалось, люди останавливались перед корпусом «Ц». Наверное, удивлялись. Кое-кто радовался, указывая на него, говорил что-то соседу и кивал головой, но были и другие – они смотрели на здание с раздражением, потому что оно отличалось от других.

А вы знаете, каким образом корпус «Ц» обзавёлся деревьями и кустами?

Когда-то давным-давно Аврора увидела, как мама Нюсси готовила варенье на зиму. Тогда в кухне стоял такой аппетитный запах! Авроре, после того как мама Нюсси наполнила банки, разрешили пальчиком собирать варенье со стенок таза и тут же отправлять его в рот. Ещё она помогла

относить банки в кладовку в подвале и ставить их на полку. В тот же день Аврора подошла к папе и строго спросила его, будут ли они запасаться вареньем на зиму или нет. Папа ответил, что идея варенья сама по себе очень хорошая, но уж больно дорого стоят ягоды и денег на них у него сейчас нет. Вот так. Ну и что? Папа с Авророй пошли в лес, собрали там малины и черники и сварили целую банку «чернично-малинового», как назвал его папа, варенья. Тут-то они и подумали о том, как было бы хорошо, если бы у их корпуса, на лужайке, росли ягодные кусты. Слово за слово, и папа нарисовал на бумаге план лужайки с растущими на ней кустами красной и чёрной смородины, сливовыми деревьями и яблонями. Рисунок получился такой красивый, что под щекой у Авроры тут же защипало, словно там была кислая ягодка.

Но папа не остановился на этом. Он взял с собой рисунок на общее собрание жильцов и выступил перед ними с такой зажигательной речью, что они его план одобрили. Конечно, некоторые заявили, что он говорит чепуху и ничего из задуманного не получится. Хулиганы погубят посадки – вот были их доводы. Но всё-таки большая часть жильцов посчитала его план заманчивым, и когда папа, мама, Аврора и Сократ вернулись из поездки в Голландию, первое, что бросилось им в глаза, были ягодные кусты и деревца на лужайке, а когда они пригляделись к ним внимательнее, то обнаружили, что каждый ребёнок в их корпусе получил свой ягодный куст или плодовое деревце.

Общее дело объединило жильцов корпуса «Ц». Все ухаживали за посадками, а летом молодежь чуть ли не жалела, что уезжает из дома на каникулы, вместо того чтобы заботиться о своих собственных кустах и деревьях. Аврора и Сократ тоже ненадолго уезжали к папиной маме в Бесбю, но, когда вернулись домой, обнаружили на лужайке кусты с почти созревшей красной и чёрной смородиной.

– Может, соберём ягоды сразу же? – предложила Аврора.
– Нет, дадим им дозреть, – сказал папа. – Тогда они станут ещё вкуснее, к тому же я хочу, чтобы в сборе поучаствовала наша мама. В субботу у неё как раз короткий день на работе и она придёт из конторы пораньше.

Аврора свои ягодки ещё не собирала, но каждый день приходила на них смотреть. Нюсси делала то же самое. Она даже пересчитала ягоды на своём

кусте и обнаружила, что их у неё больше, чем у Авроры, хотя у Авроры они были чуть крупнее, так что большой разницы между Нюссиними и Аврориними ягодами не было.

Аврора не брала с собой Сократа, когда навещала свой куст красной смородины. Он не понимал, что на лужайке растёт только один его собственный куст чёрной смородины, «Куст Сократа», и считал, что все остальные тоже принадлежат ему.

А из Кнута этим летом получился настоящий садовник. Он на каникулы не уезжал, потому что работал помощником сторожа, и чуть ли не поселился на лужайке. Кнут ухаживал за растениями и следил за тем, чтобы никто их не трогал. На его деревце появилось целых две сливы, и он ими очень гордился, потому что сливы обычно начинают плодоносить только через несколько лет, а не через год, как у него. Впрочем, охранять сад и ухаживать за ним этим летом было нетрудно – в Тириллтопене оставалось не много детей. Но ближе к осени они стали возвращаться, и подростки из других домов стали поглядывать на сад вокруг корпуса «Ц».

- Да у вас здесь целое поместье, – говорили одни.
- Ну и что? – отвечал Кнут. – За лето растения подросли.
- А почему только у вас растет сад? – говорили другие. – Вокруг других корпусов их нет.
- Это потому, что так решили люди, которые живут в нашем корпусе, – объяснял Кнут.
- И вы, значит, заимели настоящую виллу?
- Нет, у нас на лужайке стоит всего один дом, – отвечал Кнут, согибаясь и выдергивая сорняки из-под своего сливового деревца.
- И вы считаете себя лучше других, – сказал подросток из тех, что побольше.
- Совсем нет. Вы можете посадить точно такие же кусты.
- Ты дашь мне попробовать хоть одну ягодку? – спросила одна девочка.
- Они не мои. Как же я могу тебе её дать?
- В субботу мы соберём ягоды, – сказала Аврора. – И Нюсси свои тоже соберёт.
- А я соберу урожай нескоро, – вздохнул Кнут и взглянул на свои две сливы – маленькие, жёсткие и зелёные.

На лужайку вышел папа и ещё несколько взрослых, и подростки из других домов ничего больше не спрашивали.

Они только стояли неподалеку и глядели на кусты, а потом повернулись, заговорили о чём-то между собой и пошли восвояси. Но, отойдя на некоторое расстояние, обернулись.

— Хорошо, что Кнут присматривает за кустами, — сказала Аврора, — они глядят на наши ягоды неспроста.

— Да, — задумался папа. — Плохо, что их так много и на всех ягод не хватит. Если мы раздадим ягоды всем, кто живёт в Тириллтопене, на нашу долю не останется ни одной. А теперь, Аврора, иди и ложись спать.

— А можно мне ещё немножечко здесь побывать? — попросила Аврора. — Сейчас в потёмках стало так интересно.

— Только недолго, — разрешил папа и ушёл.

— Мы ведь уже большие, — сказала Нюсси. — И можем выходить из дома, даже когда темнеет.

— Ага, — согласилась Аврора и оглянулась. Было ещё не совсем темно, но и не светло, и всем маленьким детям пора было спать. Сократ, наверное, давно уже купается в ванне, а они с Нюсси ещё гуляют.

Кнут тоже собрался уходить, хотя он и был старше. Ему надо было готовить уроки, и тут уж не важно — большой ты или маленький.

— Если вы здесь, в кустах, вздумаете играть в прятки, смотрите не поломайте ветки, — серьёзно предупредил он.

— Хорошо, — сказала Аврора. — Ну что, Нюсси, спрячемся!

— Сначала решим, кто будет водить. Давай посчитаемся! Я знаю одну считалку. «На златом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой? Выходи поскорей, не задерживай добрых людей!» Значит, водить тебе!

— Ничего подобного, я выбыла по считалке, а это значит — водить тебе, а я спрячусь. Я тоже знаю считалку: «Эники беники, съели вареники, эники беники, хлоп, съели вареники — стоп!»

— Ну вот, «стоп» — на мне, значит, водить тебе!

— Может, мы потянем травинки разной длины? — предложила Аврора.

— Нет, если мы так будем гадать, у нас никогда ничего не получится. Да-вай водить по очереди, я согласна водить первая.

- Я тоже могу водить первая.
- Но я уже решила. Я посчитаю до трёх миллионов и пойду тебя искать, но ты должна спрятаться где-нибудь здесь, на лужайке у дома.
- Здесь в кустах? — спросила Аврора.
- Да. Один, два, три, четыре, пять, шесть, восемь, десять, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, восемнадцать, девятнадцать, сорок, пятьдесят, сто, сто много тысяч, миллион трёх миллионов, кто не спрятался, я не виновата.

Сначала Аврора спряталась за кустом, который назывался «Красная смородина Авроры», но потом решила, что это глупо — Нюсси будет искать прежде всего здесь, и она полезла дальше и спряталась за маленьким кустом чёрной смородины.

А Нюсси уже искала её вовсю. Она залезала под каждый куст, и, хотя уже стемнело, Аврора хорошо её видела. Было так смешно смотреть, как Нюсси бегает по кустам, но Аврора постаралась сдержать смех. Она как раз стояла на четвереньках носом в землю. Ах, как хорошо здесь пахло! Не только землей и травой, но и ягодами. В субботу она соберёт ягоды. Мама сказала, что засыплет их сахаром и добавит в них ванильного крема, а из оставшихся ягодок и чёрной смородины Сократа приготовит варенье на зиму.

— Ах, вот ты где, — нашла её Нюсси. — Теперь твоя очередь водить. Ты умеешь считать до трёх миллионов?

— Нет. Но я знаю число, которое даже больше, чем миллионы, и оно называется миллиард.

— Только не считай слишком быстро, — предупредила Нюсси.

Аврора произнесла про себя много чисел и, когда решила, что насчитала достаточно, сказала:

— Миллиард. Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Кто не спрятался, я не виновата.

Когда она открыла глаза, стало ещё темнее, и куст красной смородины перед ней стал чёрным. Нюсси нигде видно не было. И Аврора вдруг услышала вокруг себя множество звуков.

— Аврора, — услышала она шёпот. — Это я, Нюсси. Я решила не прятаться, стало страшно. Я пойду домой купаться. Может, тебе разрешат поужинать у нас дома? Ты спроси!

— Хорошо, — ответила Аврора. Она так обрадовалась тому, что Нюсси решила не прятаться.

И они побежали к дому.

— Сначала беги домой, и я тоже побегу к себе, а потом позову тебя, если мне разрешат.

— Хорошо.

Когда Аврора вошла к себе, Сократ уже спал, папа сидел и читал, а мама перебирала бумаги. Дома было светло и уютно.

— Можно я поужинаю у Нюсси?

— М-да, — ответил папа. — Хорошо всё же, что ты пришла, я уже собирался идти за тобой.

Чуть позже в дверь позвонили, и появилась Нюсси.

— Тебе разрешили? — спросила она. — У нас на ужин какао. Можно Аврора придёт обратно сразу же после «Новостей».

— После новостей? — не понял папа. — А, ты говоришь о телевидении... А когда они начинаются, не в восемь ли?

— Да, в восемь.

— Ну, один раз можно, — сказал папа, — но не каждый вечер.

— Нет, только на сегодня, — пообещала Нюсси.

Мама Нюсси накрыла большой стол в гостиной толстой скатертью, а маленький столик накрыла салфеткой, здесь они попьют какао и посмотрят «Новости».

— Жалко, что сегодня не передают детскую программу, — сказала мама Нюсси.

— А у Авроры дома вообще нет телевизора. И ей будет интересно посмотреть «Новости». Аврора, ты когда-нибудь их видела? — спросила Нюсси.

— Нет, — покачала головой Аврора. — Хотя я смотрела у тебя телевизор.

— Угощайтесь, — предложила мама Нюсси, — передача скоро начнётся.

Какао было очень вкусное, и Аврора радовалась, что оказалась тут, а не среди чёрных кустов и незнакомых звуков.

— Та-тата-та-таата! — пропела Нюсси.

Как раз эта мелодия донеслась из телевизора. Авроре понравилось, что Нюсси её помнила. Сначала на экране выступал человек, который говорил о печальном положении дел в мире. Точно так же говорили и по радио. Аврора часто слушала радио, когда его слушал папа. И, хотя она сидела и занималась чем-нибудь другим, она прислушивалась к тому, что передают, и часто просила папу объяснить ей то, чего она не понимала.

Человек на экране закончил свою речь, но вдруг снова заговорил и стал показывать съёмки из разных мест: где-то люди стреляли, а в других местах дрались друг с другом и падали на землю. Аврора забыла о еде, она только сидела и глядела на экран. Нюсси болтала, как обычно:

— Они ведут себя так каждый день, но только на экране, понимаешь? Взьми вот эту булочку с мёдом, она такая вкусная.

Но у Авроры уже пропал аппетит. Она заслонила глаза всеми десятью пальцами, но иногда подглядывала в щёлочку, что происходит, а потом снова пряталась за пальцы.

— Ну вот, больше ничего страшного не показывают, — сказала Нюссиная мама. — Мы уже снова в Норвегии. Смотри, какое прекрасное здание больницы! Его только что построили. Ты больше ничего не хочешь, Аврора?

— Нет, спасибо.

— Я провожу тебя домой, — предложила Нюсси. — Ты не огорчайся. Это же телевизор.

Когда Аврора вернулась домой, она сказала:

— Я теперь сама себе не рада. Как хорошо было тем папиным древним грекам, которые жили тысячи лет назад. Тогда ничего подобного не происходило.

— Чего не происходило? — спросил папа, он не понял Аврору.

— Того, что происходит сейчас. Я смотрела по телевизору «Новости»: все на свете так озлоблены друг на друга, они дерутся и стреляют, дети голодают, а тут ещё происходит землетрясение.

— Что ж, видно, мне придётся отложить эту книгу. Давай с тобой серьёзно поговорим. Сейчас я возьму глобус, ты ложись в постель, а я постараюсь всё объяснить.

Сократ уже спал, а папа стал рассказывать. Уснув, Сократ просыпался редко.

— Вот, погляди на глобус, Аврора! Ты видишь эту маленькую страну, это — Норвегия.

— Здесь живут хорошие люди, — ответила Аврора, — и никто не воюет.

— Э, если бы ты видела её в давние времена. Тогда все здесь воевали друг против друга. Одного главного короля тогда не было, только мелкие корольки, и все они хотели стать главными. Они уезжали из дома, нападали на соседей и безжалостно их преследовали, ты уж мне поверь: они жгли дома соседей и убивали их жителей. В те времена малые дети лежали по вечерам и боялись, как бы ночью на их дома не напали. Представь себе, Аврора: мы, жители корпуса «Ц», лежим ночью в постели и дрожим от страха, как бы на нас не напали жители корпуса «Ч».

В древности люди ничего не знали о том, кто живёт на другой стороне земли, а сейчас мы изучили весь земной шар. Мы знаем, что многие живут плохо, голодают и не понимают, как нужно управлять своей страной. Не мало и таких, кто беспокоится за свою страну и боится нападения других, более мощных стран. Ты знаешь, на что я надеюсь, Аврора? Что когда-нибудь объединится весь мир и все будут помогать всем. Те, у кого много еды, будут делиться ею с теми, у кого её мало. Если бы это произошло, войны исчезли бы, понимаешь, потому что все жили бы в одной большой стране.

— Если бы началась война, я бы спряталась за свой куст, — сказала Аврора, — или убежала бы в лесной домик к бабушке.

— Мы не должны терять надежды, Аврора. Когда ты станешь большая, ты тоже будешь стремиться к тому, чтобы все люди на свете стали друзьями.

— Хорошо, что у нас в Тириллтопене все происходит совсем не так, как в «Новостях», — сказала Аврора и заснула.

Тириллтопен и остальной мир

Рано утром на следующий день им позвонили в дверь. Пришёл Кнут, лицо у него было бледное.

— Идём! — пробормотал он. — Они испортили всё.

— Что случилось? — спросил папа.

Он, мама, Аврора и Сократ пошли за Кнутом. Когда они спустились и посмотрели на сад перед их корпусом, Аврора поняла, о чём говорил Кнут. Ягоды из сада пропали, две жёсткие зелёные сливы с деревца Кнута тоже исчезли, но это было не всё. Собиравшие урожай, видимо, торопились и, вместо того чтобы собирать ягоды, они отламывали от кустов целые ветки. Кругом стояли покалеченные кусты и деревья.

— Это те самые, из корпуса «Ч», — заговорил наконец Кнут. — Я мог бы догадаться, что они замышляют, но вчера вечером я должен был делать уроки и не подумал об этом. Правда, среди них было немало больших мальчишек, так что я всё равно не смог бы уберечь сад, даже если бы остался сторожить.

— Вот видишь, папа, — сказала Аврора, — мир из вчерашних «Новостей» сам пришёл к нам.

Ничего больше она не сказала. По папиному лицу она видела, что он расстроился ещё больше её, и ей оставалось только его утешать.

— Вот! Они пришли и напали на нас в нашем корпусе «Ц», — сказала она.

А папа ответил:

— Не понимаю. Они же видели, как мы работаем и ухаживаем за садом и как весь корпус «Ц» любит эти кусты и деревья.

Подошли ещё люди, и кто-то пробормотал:

— Я же говорил. Хулиганье пришло и всё испортило.

— Да, ты, пожалуй, был прав, — согласился другой.

Люди разошлись. Кто-то отправился на работу, а кто-то обратно в корпус, в саду остались только Аврора с Нюсси, Кнут и Сократ.

— Я должен бежать в школу, — сказал Кнут. — Ещё увидимся. Но я знаю, что делать.

— Ты что же, хочешь подраться с целым корпусом «Ч»? — встревожилась Нюсси.

— Нет, — покачал головой Кнут. — Я придумал другое.

— На моём кусте остались четыре ягодки, — заметила Аврора.

— Куст разломали, — сказал Сократ. — Бедный куст!

— Мне нужно ехать, Аврора! — проговорила мама. — Всё это ужасно печально, но мы что-нибудь придумаем. Я так разозлилась, что лучше мне сейчас же уехать в город.

«Интересно, что же задумал Кнут» — эта мысль целый день не выходила у Авроры из головы, и, когда он вернулся из школы, Аврора вопросительно на него взглянула. Кнут помотал головой и сказал:

— Мы соберёмся в игровой комнате в подвале. Приводи с собой остальных. Всех, кого увидишь.

Аврора и Нюсси отправились созывать детвору. Аврора привела Сократа и ещё троих малышей. У Нюсси вышло получше, с ней пришло много ребят.

Кнут спустился в подвал с угольными палочками для рисования и большими листами белой бумаги. Он тут же стал писать и громко зачитывать. Другие дети серьёзно кивали, и было видно, что они одобряли то, что он написал, и соглашались с Кнутом.

В этот день перед корпусом «Ч» останавливались много людей. Раньше они останавливались, удивляясь тому, что здесь росло так много ягодных кустов и фруктовых деревьев. Теперь же они обнаруживали в саду множество белых плакатов с надписями. Конечно, они их читали: «Вот на этом кусте росло больше сотни ягодок красной смородины! Вчера вечером куст ограбили». Или: «На этом сливовом деревце росли всего две сливы. Сливам не удалось созреть!» Перед каждым кустом и каждым деревцем стояло подобное объявление.

— Об ограблении узнает весь Тириллтопен, — говорил Кнут. — И никто теперь не сможет сказать, что он, мол, ничего об этом не знает.

И вправду, о грабеже узнал весь Тириллтопен, и весь Тириллтопен говорил о нём этим вечером. Подростки из корпуса «Ч» в этот день быстро проходили или проезжали на велосипедах мимо корпуса «Ц». Они не останавливались и не указывали пальцами на деревца и кусты. Но они перекликались между собой громче, чем обычно, так что и они тоже видели выставленные объявления и читали их.

На следующий день Аврора стояла перед своим корпусом вместе с Нюсси и ещё одной девочкой, которую звали Бритт-Карен. Бритт-Карен раньше тоже жила в корпусе «Ц», но потом переехала в корпус «Я». Служалось, она приходила поиграть к Нюсси. Вот и сейчас она заглянула в гости. Играть с Нюсси в такие дни было невозможно. Они с Бритт-Карен были очень верными подружками и на Аврору внимания обращали мало. Но в этот день им было о чём поговорить всем троим.

– Ну и что же нам делать? – спрашивала Бритт-Карен. – Пойдём играть к тебе, Нюсси, или зайдём за дом и посмотрим, как играют маленькие?

– Я знаю, что делать, – ответила Нюсси. – Мы возненавидим всех, кто живёт в корпусе «Ч».

– Конечно, ведь это они разломали куст Авроры, – согласилась Бритт-Карен.

– А каким образом мы будем их ненавидеть? – спросила Аврора.

– Мы будем смотреть на них исподлобья, – предложила Нюсси. – И ещё мы не будем разговаривать с ними, когда они попробуют заговорить с нами, и сделаем вид, будто мы их не слышим и не видим.

Отлично! И они втроём отправились к корпусу «Ч». Аврора попробовала посмотреть исподлобья, и ей казалось, что у неё это получается здорово, пока Бритт-Карен не спросила:

– Аврора, тебя что, укусил в нос комар?

Как досадно! Значит, вид у неё не такой уж сердитый и злой. К счастью, Нюсси тут же возразила:

– А я так не считаю. Я, как на Аврору взглянула, так сразу же ужаснулась.

Аврора успокоилась. Она шла и мрачно поглядывала на всех, кто шёл им навстречу от корпуса «Ч», хотя большинство прохожих шли мимо равнодушно, думая о чём-то своём, и не замечали их вовсе.

– Уже почти пришли, – сказала Нюсси. – Мы встанем у входа.

Но у двери в корпус «Ч» не было ни души. Как глупо! Правда, Нюсси тут же нашла выход.

— Мы будем смотреть исподлобья на само здание. Смотрите, какое оно мерзкое! Оно совсем не такое красивое, как наш корпус «Ц».

— Да и на мой корпус «Я» оно тоже не похоже, — заметила Бритт-Карен.

— Вон кто-то идёт! — сказала Аврора.

И в самом деле, из корпуса вышла пожилая женщина, и вся троица девочек посмотрела на неё исподлобья. Женщина кивнула им, улыбнулась и сказала:

— Какие вы все трое милые! Вы где живёте?

— Мы живём в корпусе «Ц», — сказала Аврора, и Нюсси толкнула её локтем в бок.

— Ну что ты, Аврора. Ты не должна была ей отвечать.

— Да, но эта пожилая женщина и думать не думала трогать наши кусты, — возразила Аврора.

— Мы должны ненавидеть весь корпус «Ч», и мы его ненавидим.

Они тут же увидели бегущего к зданию мальчика, и все трое нахмурили брови и приняли вызывающий вид.

— Как жаль, что он пробежал так быстро, — вздохнула Нюсси. — Будем надеяться, что он скоро выйдет.

И он вышел. Мальчик забыл дома учебник и теперь спешил в школу с книжкой под рукой.

Теперь он шёл медленнее, и Нюсси почти загородила ему путь и пристально на него взглянула.

— Осторожней, малышка! — сказал он. — Как бы я на тебя не налетел. Я спешу, понимаешь?

Нюсси ничего не ответила, только нахмурилась, мальчик удивился, обежал её и заторопился дальше в свою школу.

— Ну и что у нас получилось? — спросила Аврора.

— На этот раз ты вела себя лучше, — одобрила Нюсси, — а самой храброй была всё-таки я!

— Вот опять кто-то идёт, — сказала Бритт-Карен. — Собака, дама и девочка.

Аврора взглянула на вход и сразу же ужаснулась: из корпуса выходили Биттелиттен, её мама и Пуффи, и две первые сразу же, увидев Аврору, от радости просияли.

— Мы переехали сюда, — сказала Биттелиттен, — и теперь будем играть с тобой, мы ведь живём почти рядом.

Аврора открыла рот, хотела что-то сказать, закрыла рот, потом снова его открыла и ничего сказать не посмела.

— Мы уже живём здесь две недели, — сказала мама Биттелиттен. — Теперь у нас квартира побольше и поуютнее. Мы уже давно живём в Тириллтопене. Так что приходи к нам обязательно. Мы живём на пятом этаже в квартире номер 518.

Аврора опять ничего не ответила, но она постаралась, хотя бы незаметно, маме Биттелиттен кивнуть. Нюсси и Бритт-Карен стояли в это время к ней спиной и смотрели на небо.

Мама Биттелиттен не понимала, почему девочки ведут себя так загадочно, и вопросительно взглянула на Аврору. Биттелиттен спряталась за спиной у мамы и глядела на Аврору испуганными глазами, а вот Пуффи лишних вопросов не задавал, он подошёл к Авроре и лизнул её прямо в нос. Тут Аврора заулыбалась, и Биттелиттен больше не смотрела на неё так испуганно.

— Пойдём с нами в магазин? — предложила мама Биттелиттен. — Или мы сходим в него вместе с тобой, когда ты будешь одна?

Аврора ещё раз кивнула, а потом сказала:

— Мне пора домой, на полдник, — и убежала.

Хватит ей играть с Нюсси и Бритт-Карен. Оказавшись у своего корпуса «Ц», она поднялась на десятый этаж и столкнулась здесь с папой и Сократом, выходившими из квартиры.

— Привет, Авророчка, ты не хочешь погулять с нами?

— Нет. Я больше вообще никогда не буду гулять.

— Да что ты такое говоришь? — недоумевал папа.

— Я больше никогда не буду гулять, — повторила Аврора, — корпус «Ч» гораздо легче ненавидеть из дома.

— Может, объяснишь мне это подробнее?

— Мы договорились ненавидеть корпус «Ч» из-за нашего сада, — объяснила Аврора, — а тут, оказывается, в него переехала Биттелиттен, ну, та самая, которая с собакой, ты её знаешь, вот почему я не хочу больше гулять, мне трудно разговаривать с ней и с пожилой женщиной...

- Ты говоришь «ненавидеть». Ты знаешь, Аврора, так недалеко до войны. Сначала две стороны ненавидят друг друга, потом кто-то выступает за корпус «Ц», а кто-то — за корпус «Ч», и не успеешь оглянуться, как все жители Тириллтопена станут врагами.
- Да, но ведь это они начали.
- Я хочу поговорить со всеми, кто живёт здесь, — сказал папа. — И со взрослыми, и с детьми.

Правда, как папа сможет поговорить с ними со всеми, Аврора не поняла. Может, он думает, что все они станут подниматься к ним на десятый этаж и встанут в очередь от самого магазина до их квартиры в корпусе «Ц»? Да он же охрипнет, если поговорит с ними со всеми.

И в самом деле, вечером того же дня папа поговорил со всеми жильцами корпуса «Ц», и это далось ему нелегко. Он отсутствовал очень долго, ведь он к тому же успел сходить в лесной дом и поговорить с родителями восьмерых детей. «Нам поможет духовой оркестр водителей-дальнобойщиков, — говорил папа, — а ещё мама восьмерых детей сказала, что нам надо устроить аукцион по продаже торты и таким образом собрать деньги. Её мама, мы называем её бабушкой, тоже сказала, что она охотно испечет для нас большой торт. Так что я тоже испеку торт завтра рано утром».

И правда, когда Аврора проснулась на следующий день, она узнала мильный и знакомый запах, который шёл из кухни, и, когда она вошла туда, на столе уже стоял торт. Во всяком случае, он очень походил на торт, ведь, когда его готовили, он, наверное, очень спорил с самим собой, нужно ли ему было составлять одно-единое целое. Сверху он слишком запёкся, в середине немного провисал, а снизу отливал чем-то светлым, как бы напоминая, что когда-то он был всего только опарой.

- «Зато, наверное, он очень вкусный?» — подумала Аврора.
- Я его разукрашу сегодня позже, ведь на завтра мы назначили самый главный для нашей лужайки день, — сказал папа.
- Я тоже пойду с тобой? — спросила Аврора. — Вместе с Сократиком?
- Конечно, пойдёшь. Ты ведь тоже живёшь в Тириллтопене.
- Да, во всяком случае, это будет не сегодня, — сказала мама. А папа с Авророй так внимательно в это время рассматривали торт, что не обратили на её слова никакого внимания.

День лужайки

Рано утром в дверь позвонили, и на пороге появился дядя Бранде.

— Ты очень вовремя, — сказал папа, хотя он ждал дядю Бранде. — Ты с Аннет?

— Она будет чуть позже. Перед тем как нам окончательно переехать в город, ей нужно ещё многое закупить.

— Хорошо. И вы пообедаете с нами, когда всё закончится.

— Я видел объявления. В программе музыка и аукцион, на котором будут продаваться торты. А кто будет держать речь?

— Папа, — ответила ему Аврора. — Он сидел за машинкой и сочинял её чуть не до утра.

— А тебе мы поручим продавать торты, — сказал папа.

— При одной мысли я уже нервничаю.

— Вы оба говорите прекрасно, — ободрила их мама. — Я приеду как можно раньше, чтобы вас послушать.

— Перед тем как ты уйдёшь, Мари, я хочу сказать тебе кое-что, — сказал дядя Бранде. — Видишь ли... ты в самом деле не догадываешься?

— О чём, интересно?

— Взгляни на меня и попробуй угадать!

— Ты, наверное, постриг бороду?

— Нет, не угадала.

— Говори сам, я должна ехать, а то опоздаю.

— Я стану... нет, лучше по-другому. Мы с Аннет станем... родителями!

— Ах, как замечательно! — воскликнула мама. — И когда, Бранде?

— К Рождеству. У вас ещё осталась книжка по уходу за новорождёнными?

— Вон она, на полке, — показал папа. — Но скажи, вам не будет холодновато в летнем домике?

— Да, — с несчастным видом признался дядя Бранде. — Он не приспособлен к зиме, хотя мы его всячески утепляли. И та комната, которую я снимаю в городе, тоже не подходит. Хозяйка говорит, что не потерпит в квартире младенца.

— Ах, вот как, — папа был озадачен. — Мы ещё поговорим об этом вечером.

— Да, вечером, — подхватила мама. — Мне тоже есть что с вами обсудить.

И она тут же убежала, а что она собиралась с ними обсуждать, никто тогда толком не понял, да и времени у них не было: папа разучивал речь, Аврора играла с Сократом, а дядя Бранде морально готовился к тому, чтобы продавать торты.

Жители Тириллтопена привыкли время от времени слушать уличную музыку. В городке имелся свой собственный школьный оркестр, который иногда выступал на открытом воздухе. Но в этот день на улице играли сразу два оркестра. У одного на знамени красовался грузовик, и он играл так громко, что заглушал всё вокруг. Это был духовой оркестр водителей- дальнобойщиков, и в нём участвовал сам отец восьмерых детей, который играл на цугтромбоне.

Словом, этот день ничуть не походил на обычный, но, когда на площадь Тириллтопена въехал грузовик духового оркестра, люди и вовсе оторопели и смотрели во все глаза. В кузове стояла самая настоящая пирамида, на каждой ступеньке которой лежало по торту, а рядом с пирамидой стоял бородатый здоровяк в широком белом переднике. Он размахивал молотком и громко кричал:

— Всем, всем жителям города! Добро пожаловать на площадь! Всем мужчинам, женщинам и детям! Здесь состоится серьёзнейшее и самое сладкое из собраний! Берите с собой деньги! Ведь здесь и сейчас состоится аукцион! И вы сможете приобрести отличные торты!

Дядя Бранде умолк, и тут же грянула музыка обоих оркестров, вступивших на площадь. Музыка созывала народ. И народ собрался. Звуки отражались от стен зданий, смешивались и улетали прочь.

— Займись Сократиком, когда я взойду на трибуну, Аврора, — сказал папа.
— Хорошо. Ой, сюда пришла Биттелиттен со своей мамой и Пуффи! Папа, что же мне делать?

— Стой спокойно и будь умницей! — посоветовал он. — Мы пришли сюда не ссориться, а для другого! Для того, ради чего придумали этот праздник.

Аврора серьёзно кивнула Биттелиттен, а Пуффи подошёл к ней и подал лапу.

— Пуффи боится музыки, — сказала мама Биттелиттен, — но хочет быть с нами. Он считает, что нам без него не обойтись. Вы подумайте, какие здесь торты!

— Это мы испекли их, — сказала Аврора. — Ну не все, а только один, да и он, кажется, не самый лучший.

Тут же к толпе подошли Нюсси с Бритт-Карен, и Аврора подумала: «Ну вот, сейчас они всё испортят».

Но пapa, по-видимому, уже поговорил с Нюсси, потому что она сказала:

— Мы больше ненавидеть не будем. Твой пapa сказал, что мы можем спокойно стоять и радоваться. Ты видела торт, который испекла мама? Он самый лучший из всех. Это — крендель-торт!

— Конечно. — В эту минуту Аврора соглашалась со всем, что ей говорили, так она обрадовалась.

Тут же появилась и мама. Но кого она привела с собой? Папину маму и ту женщину, которая жила в её доме. Как же её звали? Лужица!

— Я решила пригласить их, — сказала мама. — Маме Эдварда наверняка захочется послушать, как выступает её мальчик.

А её мальчик уже взобрался на трибуну. Он был бледен, но выглядел очень решительно.

– Это мой папа, – сказал Сократ. – Папа мой.

– Ага, – согласилась Аврора. – И сейчас мы послушаем, что он скажет.

Сократ очень удивился тому, что папин голос заговорил так громко. Он словно зазвучал во всех местах на площади сразу.

– Дорогие жители Тириллтопена, – обратился папа к толпе в микрофон. – Я сейчас задам вам один вопрос, а вы попробуйте ответить! Сколько, по-вашему, стоит куст красной смородины?

– Сто крон, – сказал один маленький мальчик.

– Нет, не так много, – сказал папа, – гадайте дальше!

– Пятьдесят, – раздался другой голос.

– Это слишком дорого. Назовите цифру поменьше!

– Пятнадцать крон, – сказала маленькая девочка, которая стояла прямо под трибуной.

– Это ближе к истине, но всё-таки слишком дорого.

– Восемь крон, – сказал мальчик.

– На одну крону меньше, и цена будет правильная. Маленький кустик чёрной смородины стоит столько же. А сейчас прикинем, сколько вам, дети, дают на карманные расходы в неделю?

– Две кроны!

– Пять крон!

– Три с половиной кроны!

– Хорошо, – сказал папа. – Если вы будете откладывать из карманных денег совсем немного, то не успеете оглянуться, как сможете купить себе маленький куст красной или чёрной смородины. И он будет принадлежать только вам. А если вы захотите посадить яблоню, сливу или грушу, то вам придётся покупать их за 22 кроны или чуть больше. Кто-нибудь из вас видел сад у корпуса «Ц»?

Некоторые дети прокричали «да», а взрослые закивали головами.

– На лужайке перед корпусом было очень красиво, – продолжил папа. – Но подумайте вот о чём! Представьте себе таким весь Тириллтопен – с фруктовыми деревьями и ягодными кустами перед каждым корпусом. Сейчас осень, но представьте себе весну, когда зацветут кусты и деревья. Вот тогда

люди из других районов большого города скажут: «Поедем в Тириллтопен поглядеть, как цветут деревья». Или за тем же самым им придётся съездить в Хардангер. А если у вас, у детей, у каждого будет свой куст или своё фруктовое деревце, вы все будете за ними ухаживать и не будете ничего друг у друга отнимать. Вы, наверное, знаете, что кто-то залез в наш сад на лужайке у корпуса «Ц». Но сегодня мы об этом говорить не будем. С этим покончено, мы это зачеркнём. Вот так!

Папа поднял вверх небольшую чёрную доску и крест-накрест перечеркнул её мелом.

— Я ведь о чём говорю. Я говорю о детях, которые здесь живут. Мы привыкли покупать ягоды в магазинах или на рынке, и многие представить себе не могут, как кусты и деревья тянутся вверх, подрастая, чтобы потом дать нам ягоды или фрукты. Бывает, что тот или иной куст боится засохнуть или того, что его поломают, но, как правило, всё обходится хорошо, и он стоит всё лето, впитывая в себя дождь и солнце, а потом рождает вкуснейшие ягоды.

Деревья и цветы, они ведь знают вас. И на них так приятно глядеть. Как завязываются на их ветвях плоды и ягоды и как они становятся всё больше и больше. Вы часто будете подходить к ним, и наступит день, когда при их виде у вас в уголках рта защиплет. А потом однажды вы решите сорвать ягодку или плод. Ведь они целиком и полностью ваши. Я уж не говорю о том, какие они все вкусные. Ничего подобного вы в магазине не купите. Представьте себе только, что весь Тириллтопен уже превратился в один большой сад, и вы не задумываясь начнёте откладывать мелочь на куст или деревце.

И вот, чтобы сразу приступить к делу, не откладывая его в долгий ящик, мы, жильцы корпуса «Ц» и усадьбы в лесу, испекли торты и сейчас будем продавать их на аукционе, а на вырученные деньги купим кусты и деревца, чтобы каждый корпус в Тириллтопене получил свою долю. И ещё я предлагаю раздать кусты и деревья детям из всех корпусов, чтобы все-все дети, даже самые маленькие, у которых ещё не водятся карманные деньги, могли бы их посадить. Водители больших грузовиков, которые так прекрасно играли для нас сейчас, обещали доставить рассаду из питомника к каждому из корпусов Тириллтопена. А теперь мне остаётся поблагодарить вас

за внимание, с которым вы меня выслушали, и перейдём немедленно... к аукциону!

Дядя Бранде стоял в кузове рядом с горой торты. В одной руке он держал микрофон с длинным шнуром, чтобы он мог свободно перемещаться по грузовику, а в другой он держал первый торт. Под мышкой был зажат молоток, а впереди стояла высокая табуретка. Всё это выглядело несуразно, потому что, как он мог бить молотком о табуретку и держать в это время торт и микрофон?

— Я помогу тебе, — крикнул папа. — Подожди немного!

Он забрался в кузов и стал держать торт для дяди Бранде, и все увидели, что Бранде стал вести себя увереннее: он как будто сложил с себя тяжкий груз, который с большим усилием долго держал.

— Ну что ж, начнём! — сказал он. — Дорогие жители Тириллтопена! Я, конечно, не тириллтопинец, но в этом городе живут мои друзья, и один раз — это было в прошлом году — я прожил здесь целых три месяца, так что я не преувеличиваю, когда говорю, что я этому городу не чужой. Но сейчас речь пойдёт не обо мне, а о тортах. Вы видели что-нибудь прелестнее, чем они? Вот, например, первый из них — если не самый большой. У него уже есть имя — торт «Падиах», а испекла его мама маленького Уле, который живёт на пятом этаже. Сколько вы за него дадите? Две кроны? Разумная цена, в торте много вкусного и полезного, яйца, шоколад и всё прочее. Ага! Вы даёте за него три кроны? Пять крон? Подумайте! А теперь поговорим о других тортах. Нас здесь ждут неожиданности. Вот торт по имени «Отелло», вот «Большой рулет», вот шоколадный торт, вот ореховый, вот «Княжеский», вот торт «Люкс», яблочные торты номер 1, номер 2 и номер 3. Вот «Телефонный» торт, вот медовый и «Бабушкин», а вот «Крендель-торт» и торт Эдварда и ещё один, который носит имя «Амврозия». Какое чудесное имя! Этот торт испекли Кнут с мамой, а ты, Эдвард, знаешь, что означает его название?

— Оно означало в Древней Элладе «бессмертный», — объяснил папа, — но также «пища богов».

— Ну что ж, тогда оно подходит и нам, — сказал дядя Бранде. — Но вернёмся к торту «Падиах». Предложено шесть крон. Кто больше? Шесть крон в третий, и последний, раз, торт — ваш! Денежки будем класть в эту коробку

из-под торта. Ну вот, мы уже почти накопили на куст красной смородины. А вот перед вами ореховый торт, торт с грецкими орехами. Он напоминает мне, что я ещё не обедал сегодня, как, может быть, и многие из вас. Представьте тогда, как вам повезло! Только назначьте подходящую цену, и вы унесёте его с собой и, может быть, по дороге съедите! Восемь крон, девять, пятнадцать крон! До чего же вы все расторопные! Шестнадцать крон? Торт ваш, пожалуйста!

Мы накопили уже на три куста красной смородины, и скоро нам хватит на четвёртый. Вот ещё один замечательный торт. Его имя – «Эдвард». Да, а что здесь написано? Это надо же, на торте так много крема, а на самом верху – три красные смородинки. Сейчас я прочитаю, что написано на бумажке. Это памятный и печальный торт. Но крем на нём, во всяком случае, очень вкусный, такой, какой и полагается торту. Его приготовил выступавший передо мной оратор. Я считаю, что мы должны вдохновить его, придать ему уверенности. Я лично предлагаю дать за этот торт две кроны. Кто больше? Восемнадцать? Кто-то даёт за него восемнадцать крон! Наверное, за произнесённую блестящую речь?

– Двадцать пять крон!

Папа едва не упал от неожиданности.

– Скинем пять крон, – сказал он. – Мы не можем брать за него так дорого.

– Ты отличный оратор и хороший отец, – сказал дядя Бранде, – но в деньгах ты не разбираешься.

– Двадцать пять крон. Кто больше? Всё, торт продан! – сказал Бранде и ударил по табуретке так сильно, что звук долетел до самого дальнего угла площади.

Аврора стояла и смотрела на эту сцену. Она тоже ещё не обедала, а торты выглядели такими аппетитными. Самым лучшим из них был «Крендель-торт», который испекла мама Нюсси. Торты раскупали один за другим, некоторые подешевели до пяти крон, другие подорожали до девятнадцати, а на самой верхней ступеньке пирамиды сидел «Крендель-торт» и как бы командовал всеми другими. Дядя Бранде снял его и передал папе.

– Вы видели когда-нибудь подобную красоту? – провозгласил он. – Вы, верно, считаете, что крендель – это всего лишь крендель, но между ними может быть огромная разница. Точно так же, как между людьми. Среди нас

очень мало людей ослепительной красоты, мне, например, досталась только борода. – И дядя Бранде довольно потёр пальцами скулы. – Этот крендель-леденец – что-то особенное, у него, конечно, нет бороды, но при помощи фляжка, леденцов и ягодок маме Нюсси удалось испечь красивейший куст красного марципана. На нём тоже есть ягодки. Это, пожалуй, даже не торт, а настоящее произведение искусства.

– Тридцать крон! – заявила одна дама.
– Сорок, – сказала другая, потому что многим захотелось его приобрести.
– Пятьдесят! – раздался третий голос.
– Это хорошая круглая цифра, – сказал дядя Бранде. – Кто больше? Крендель-торт продан! Кое-кто занялся подсчётом вырученных денег, и я могу сказать, что всего мы выручили за торты 840 крон. Не так плохо. Посмотрим, станет ли Тириллтопен таким красивым, каким расписал его папа Авроры. Большое всем собравшимся спасибо! Перейдём теперь к музыке!

Оркестр дальнобойщиков заиграл марши, и люди стали расходиться по домам.

— Мы сейчас же пойдём домой и как следует пообедаем, — сказала мама. — Ты пойдёшь с нами, Аврора, или будешь ждать папу?

— Я буду ждать папу, а Сократика забирайте с собой.

Дядя Бранде и папа прибрались немного на площади и поговорили с водителями грузовиков.

Когда наконец все собрались дома, к ним присоединилась и жена дяди Бранде Аннет, так что на обед в квартиру семьи Теге пришло очень много народа. Но, когда из кухни в гостиную внесли стол, места за столами хватило всем.

— Вот никогда не думала, — сказала папина мама, — что ты станешь у нас народным трибуном. Ты был таким застенчивым мальчиком, и я не помню, чтобы ты так любил ухаживать за растениями, когда был маленьким.

— А вот теперь полюбил. Учиться никогда не поздно.

— А я-то думала, что ты только любишь сидеть, уткнувшись носом в книги о древних греках, — довольно заметила папина мама.

И тут позвонили в дверь. На пороге стояла Нюсси. И что, вы думаете, она держала в руках? Крендель-торт! Точно такой же, какой продали в этот день. Или это был тот же самый?

— Но ведь его же купила дама, — удивилась Аврора. — Я сама это видела...

— Моя мама испекла два торта, — объяснила Нюсси, — потому что один из них решила подарить твоему отцу.

— Ах, вот как! Папа, выйди к нам!

Когда отец Авроры увидел крендель-торт, глаза у него от удивления стали круглыми.

И теперь Аврора увидела, что этот торт всё-таки отличался от того, что продали. У него на верхушке росло маленькое деревце, а по бокам свисали самые настоящие яблочки.

— Ты, Нюсси, должна сказать дома, что мы приглашаем всех ваших сёстричек вниз и попить у нас кофе, — сказал папа.

— Спасибо большое. Я принесу с собой бутылочку лимонада, который мы держим в холодильнике.

Так что в этот день в квартире у семьи Теге собралось много гостей, и весь следующий день тоже выдался необычным. Мама оставила машину

у дома, чтобы папа мог ею воспользоваться, и Аврора с Сократом побывали в питомнике, где выбрали множество кустов и деревьев, а во второй половине дня они сопровождали вереницу грузовиков, развозивших рассаду по корпусам.

Они раздавали деревца и кусты даже самым маленьким. У некоторых младенцев даже ещё не было имени, его только подбирали. Им папа писал на дощечках при кустах и деревьях «Новорождённый Ларсен» или «Новорождённый Андерсен». К концу дня все очень устали, но дело-то было сделано, и папа сказал:

— Ну вот, наступила пора подумать о наших собственных деревцах и кустах.

Он сходил в подвал и принёс оттуда ящик с краской, топорик и пилу. Аврора не сразу поняла, для чего это всё нужно.

Когда она подошла к своему кусту красной смородины и ко всем другим, оборванным и растерзанным, у неё опять испортилось настроение. Она взглянула на корпус «Ч» и чуть было снова его не возненавидела, но тут же заметила, что и возле этого корпуса суетились люди. Их было перед корпусом много, и некоторые держали в руках кусты. Наверное, люди купили их сами, и ещё Авроре показалось, что она заметила среди собравшихся чёрного пуделя, крупнее, чем все другие пудели. Пуффи был таким большим и кудрявым, что рассмотреть точно, с какой стороны у него хвост и с какой стороны голова, издалека было бы трудно.

— Сейчас посмотрим, — сказал папа и занялся чем-то странным. Он отпиливал почти поломанные ветви и разлохмаченные сучки.

— Что ты делаешь? — в ужасе спросила Аврора.

— Я отпиливаю ветки осторожно и аккуратно, — объяснил папа, — а все раны на кустах и деревьях замазываю краской, чтобы через них не вытекал наружу их сок. И ты увидишь, Аврора, что, сколько бы ни вредили кустам и деревьям люди, в них сохраняется одно желание — жить. И они сохраняют внутри себя все плоды и ягоды не только следующего года, но и всех долгих лет в будущем. А теперь им пора спать! Зимой они будут стоять здесь и радовать нас своей красотой — ты ведь знаешь, как красив иней на ветках, — и весной ты увидишь, что они плакать не будут и забудут обо всём плохом, что с ними случилось осенью. Вон идёт Кнут. Ты сочинил хорошие

объявления, Кнут! Вот, возьми кисточку и покрась ею свою сливу. В тех местах, где я отпилил ветки.

— Ты думаешь, она выздоровеет? — спросил Кнут.

— Да, я верю в это.

Кнут обрадовался:

— Это хорошо.

Перемены

После того как кусты и деревца перед корпусом привели в надлежащий вид, Аврора снова поднялась на десятый этаж, посидела немного, взглянула на маму и сказала:

— Ты хотела что-то обсудить с нами, но всё молчишь.

— У нас было много гостей, а я хотела обсудить с вами то, что касается только нас четверых. Поэтому я подождала, пока мы останемся одни.

— Мы снова поедем в Голландию?

— Нет, туда мы не поедем, но, если захотим, поедем далеко-далеко на север нашей собственной страны. Мне предложили там должность, которая называется «помощник районного судьи», но сначала я должна знать, что на этот счёт скажет папа, ты и Сократик. Ты поедешь в Нурланн на два года, Эдвард?

— В Нурланн? — переспросил папа. — Я могу взять с собой работу, так что не вижу в этом ничего невозможного. А куда в самом Нурланне?

— Там есть местечко по названию Фабельвик, — сказала мама. — Мы получим там дом, а самое приятное, что здесь у нас дома будут жить дядя Бранде, Аннет и их младенец. Мы только попросим их оставить нам детскую комнату — на всякий случай, если придётся ещё пожить дома после того, как они к нам переедут, или на время отпуска.

— Все четверо в одной комнате? — засомневалась Аврора. — Это, конечно, здорово, но как-то грустно, что мы не останемся здесь теперь, когда Биттелиттен переехала в корпус «Ч». И ещё — здесь же остаются Нюсси и мой куст!

— Мы попросим дядю Бранде за ним ухаживать, — успокоил её пapa.

— И мы не уедем отсюда до Рождества, — сказала мама, — хотя я вообще-то подумала вот о чём: мы теперь хорошо знаем Тириллтопен и немного Голландию, но мы совсем не знаем нашу собственную страну, и сейчас у нас появилась возможность лучше познакомиться с ней.

— Абсолютно согласен, — поддержал её пapa. — Сейчас я достану карту, и мы посмотрим, где это. Ага, вот фюльке Нурланн. Фабельвик находится здесь, он почти на границе с фюльке Тромс.

— Мы можем перелететь туда за пару часов. Не прямо туда, но неподалеку.

— Нет, нет, — воспротивился пapa, — если мы уж туда поедем, то надо сделать это пообстоятельнее. Мы поедем туда на рейсовом теплоходе, вот как! Иначе наши дети даже не почувствуют, насколько далеко мы заехали.

— Что ж, раз вы так решили... — сказала Аврора. — К счастью, мы поедем туда ещё не так скоро.

Но, когда события сменяют друг друга одно за другим, время летит быстро. Сначала сильно похолодало, и все кустики и деревца, в точности как говорил пapa, покрылись инеем, потом сразу же наступила настоящая зима и Аврора встала на лыжи, потом мама с папой поссорились из-за пианино: пapa хотел забрать его с собой в Нурланн, а мама настаивала, чтобы оно оставалось в Тириллтопене и ждало, когда они вернутся обратно. В этом споре победил пapa. Он сказал, что пианино всегда, с самого его раннего детства, было его добрым другом и уже успело подружиться с Авророй и даже с Сократом, который привык бить по его басовым клавишам. В результате пианино вместе с папиной и маминой кроватями, садовой скамейкой, столом и стульями поехало в Нурланн, Аврора с папой и Сократом провожали мебель на пристань и видели, как большой кран поднимал её вверх и укладывал в грузовой трюм. Гостиная после этого стала такой пустой и вроде бы незнакомой. Аврора с Сократом ходили по ней и кричали, звуки так непривычно раздавались в комнате, когда из неё убрали все вещи, но потом со своей поклажей и Аннет в неё въехал дядя Бранде. Их поклажа оказалась чуточку странной: вся мебель дяди Бранде состояла из одного стула; его он привёз для того, чтобы Аннет было на чём сидеть, ведь у неё скоро должен

был родиться ребёнок, и дядя Бранде всё время ухаживал за ней как только мог. Остальные вещи молодой пары состояли из старинной колыбели и целой горы досок, потому что дядя Бранде собрался мастерить свою мебель сам.

Хорошо, что Аннет переехала к ним из своего летнего домика, ведь всего через несколько дней её отвезли в больницу. Вскоре дядя Бранде появился у них ранним утром и всех разбудил.

- В чём дело? – проворчал папа. – Аннет уже родила?
- Ну конечно! – воскликнул дядя Бранде.
- Мальчика или девочку? – спросила мама.
- Обоих. Представь себе, Аврора! У нас близнецы. И мы стали большой семьей. А одёжка-то только на одного, – озабоченно добавил дядя Бранде.

Впрочем, особых забот это не доставило. Чуть ли не все жильцы корпуса «Ц» порылись в своих комодах и принесли дяде Бранде одёжек не на одного, а на трёх младенцев!

- Чуть позже в тот же день дядя Бранде сказал:
- Пойду-ка я и куплю к Рождеству ёлку.
  - Новорождённые уже водят хоровод? – удивилась Аврора.
  - Нет, конечно, – сказал дядя Бранде. – Но пусть лежат и поглядывают на неё, зелёную. Мне очень хочется, чтобы они полюбили лес. Вы только представьте себе, как мы, когда они вырастут, пойдём вчетвером в горы.
  - А когда они к нам переедут? – спросила Аврора.
  - Через шесть дней.
  - Подумай, Сократик, – сказала Аврора, – здесь появятся сразу два младенца.
  - Сократ будет катать младенцев.
  - Нет, нет, – сказала Аврора, – они будут лежать в колыбельке, они ведь такие маленькие, и мы будем их пеленать и купать.

Шесть дней пролетели быстро, и теперь, когда заботы с переездом стали занимать папу меньше, он стал задумываться о Рождестве. Он, Аврора, Сократ и мама стали решать, что они подарят своим знакомым.

    - У нас отложено на подарки сто крон, – сказал папа, – и, если раздавать подарки всем, кого мы знаем, ничего дорогое мы купить им не сможем.

— Мы подарим подарки бабушке и её восьмерым внукам, — сказала Аврора, — и ещё Биттелиттен. Её мама говорит, что Малышка боится отходить от своего корпуса, хотя скоро с новым местом освоится, но тогда я уже отсюда уеду.

— А когда ты вернёшься сюда из Нурланна, Биттелиттен уже пойдёт в школу, и, может быть, вы будете ходить в неё вместе, — сказал папа.

— Ага, и ещё Нюосси. Что мы подарим Нюосси, папа?

— Нашу фотографию.

— И напишем на ней: «На память об Авроре», — предположила она.

— Это звучало бы чересчур печально, — улыбнулся папа. — Лучше напишем: «Дорогой Нюосси, чтобы она нас не забывала. Привет от Авроры и всей семьи».

— Звучит хорошо, — одобрила Аврора.

В день выписки Аннет из больницы они все потрудились на славу. Они всё мыли, убирали и украшали. В ванной установили столик для пеленаний. На нём пеленали Сократа, когда он был маленький. А теперь Сократ стоял вместе с Авророй и на него глядел.

— Ты здесь лежал, когда был младенцем, — сказала Аврора. — Но теперь ты уже большой.

— Ты тоже лежала на нём, Аврора, — заметил папа. — Надо же, как быстро летит время! Я уже почти не помню, какими маленькими бывают новорождённые.

Долго ему гадать не пришлось, через час они уже прибыли. Дядя Бранде одолжил у семьи Теге их синюю машину, и он вместе с Аннет и двумя младенцами занял в ней все места.

Наконец они поднялись наверх. Аннет несла одного младенца, а дядя Бранде — второго, и пока они шли по коридору, в нём открывались многие двери и жильцы их приветствовали. Скоро оба младенца уже лежали в колыбели: один — головой в одну сторону, другая — в другую, а дядя Бранде покачивал их обоих сразу, чем был ужасно доволен.

Сократ пристально посмотрел на новорождённых, потом засмеялся и снова на них посмотрел, он ещё никогда не видел таких маленьких людей, а тут увидел их сразу двоих.

Позже в тот же день, когда их пеленали, ему и Авроре позволили на этот процесс взглянуть. Сократ не проронил ни единого слова, он только стоял и смотрел, а Аврора давала всем советы, она ещё хорошо помнила, как пеленали Сократа.

Когда Аннет покормила новорождённых, а дядя Бранде прибрался в ванной, он так устал, что пошёл и ненадолго прилёг в спальне, и Аннет постутила так же.

— Младенцы лежат сейчас в колыбели в гостиной, — сказал папа, — а мы теперь будем жить в детской комнате, чтобы никому не мешать.

Так детская комната стала их домом. Туда снесли всю одежду. Ещё они позаимствовали у мамы Нюсси две раскладушки, которые днём собирали, а на двух выдвижных кроватях укладывались Аврора с Сократом. Так они отдыхали все четверо.

— И нам нисколько не тесно, — говорил папа. — Многие так живут постоянно, да ещё в неотапливаемых комнатах, и дома не обедают. Так что мы какое-то время проживём без особых трудностей.

— Да, какое-то время мы обойдёмся малым, — сказала мама и чуть зевнула.

Папа читал, Аврора раскрашивала рождественскую открытку, а Сократ сидел и о чём-то размышлял. Через некоторое время он вышел из комнаты, и все подумали, что он удалился по малой надобности, но он всё не возвращался, и папа сказал:

— А куда делся Сократик? Не потревожил ли он наших друзей?

Аврора с папой потихоньку вышли из детской. Они не нашли Сократа ни на кухне, ни в ванной. Аврора приоткрыла дверь в гостиную и чуть было не вскрикнула. Хорошо, что папа чуть придержал её за локоть.

— Не напугай его! Иначе он их уронит.

По гостиной, нарезая круги, ходил Сократ. В каждой руке он держал по младенцу.

— Тcccccccc! Тcccccccc! — пришёптывал Сократ. Аврора как-то сказала ему: что таким образом папа успокаивал его самого, когда он был маленький.

— Ты такой большой и сильный, — сказал ему папа. — Надо же, ты носишь их обоих сразу, но сейчас их следует уложить в колыбельку.

Новорождённые должны только лежать и спать. Вот так давай уложим его, и вот так – её!

- А мы их не искупаем?
- Не сейчас. Это решают их родители, понимаешь? Давай, Сократик, пойдём!

Аннет и дядя Бранде очень удивились, когда проснулись и обнаружили, что младенцы спят голова к голове.

- Как они сумели перевернуться? – удивился дядя Бранде. – Они уже сейчас могут переворачиваться?
- Я думаю, им немного помог Сократик, – признался папа. – Но я обещаю вам, что это не повторится.

В тот же день папа сходил в магазин и купил двух пластмассовых младенцев, хотя денег у него на них не было. Но они с мамой решили, что это необходимо. Аврора и Сократ получили по одному, хотя Аврора понимала, что, если Сократу вздумается искупать их обоих, ей придётся отдать ему своего, иначе Сократ попробует искупать настоящего.

До Рождества оставались считаные дни, и папа с мамой вздохнули наконец с облегчением. Скоро-скоро они снова сядут в свою маленькую синюю машину и отправятся к папиной маме и Лужице, хотя до этого им ещё предстояло попрощаться со своими знакомыми в Тириллтопене и с обитателями дома в лесу. В Нурланн они отправятся, как только отпразднуют Рождество. Папа решил, что было бы печально прощаться с друзьями ещё один раз, так что лучше было сразу после Рождества поехать из Бесбю на железнодорожную станцию в городе, а оттуда уже прямо, не заезжая в Тириллтопен, отправиться в Нурланн. Так, во всяком случае, считала Аврора.

К счастью, в доме у папиной мамы и Лужицы младенцев, которых мог бы купать Сократ, не было. Но пластмассовых близнецов они с собой взяли, и Сократ купал их по несколько раз в день, чтобы Рождество они в любом случае встретили чистыми. И в сочельник пластмассовые близнецы вместе со всеми водили хоровод вокруг рождественской ёлочки в Бесбю, что, конечно, не шло ни в какое сравнение с тем, что творилось в доме Теге в Тириллтопене: там близняшки водили хоровод с их папой и мамой вокруг ёлочки перед каждым пеленанием, ведь дядя Бранде обещал приучить новорождённых любить всё зелёное.

Только Нильс путешествует в одиночку

Аврора стояла в поезде, поезд стоял на станции, а на перроне стояли папина мама, Лужица и дядя Бранде. Больше никого из знакомых там не было, ведь никто из них не знал, что именно в этот день Аврора с родителями и Сократом уезжали в Нурланн.

Папина мама плакала, хотя и делала вид, будто ничего особенного не происходило.

— Я, наверное, простыла, — говорила она, утирая нос. — Всё-таки это чесчур далеко. Всё равно что переезжать в Америку.

— На самолете мы бы перелетели в Нурланн за пару часов, — сказала папа.

— Тогда зачем вам понадобилось выбирать самый дальний путь? — не понимала папина мама. — Сначала на поезде через половину страны, а потом на теплоходе вдоль всего длинного-длинного северного побережья, да ещё зимой, когда море штормит.

— Послушай меня, мама. Мы ведь в первый раз едем на север и, если бы туда полетели, оказались бы на месте в мгновение ока и совсем не почувствовали бы, как далеко уехали.

— Да, но вы бы почувствовали это даже сильнее, если бы отправились туда на машине, — осторожно заметила Лужица. — Я просто не могу отвяжаться от мысли об огромных и тёмных волнах на море ночью.

— Нет, а я только рада, что они на машине не едут, — возразила папина мама. — Ведь дороги такие скользкие. Им вообще не стоило ехать на север. Как бы мы радовались, если бы Мари устроилась помощником судьи в Бесбю!

— Ну да, — сказала мама, — это было бы очень удобно, но понимаете, мы сами решили ехать на север. Жить в Норвегии и знать только нижнюю, южную, её оконечность — это же вздор!

— Вот именно, — подтвердил папа. — А вот на тележке едут наши чемоданы. Все десять штук.

— У вас будет замечательное путешествие! — сказал дядя Бранде.

Аврора стояла и смотрела на уезжавшие в багажный вагон чемоданы. Потом послышался свисток, и папина мама сказала:

- Поезд отправляется. Напишите, если вам что-нибудь понадобится.
- Спасибо, – поблагодарил папа. – Приезжайте к нам летом!
- Об этом и речи идти не может, – отрезала папина мама. – Меня туда силком не заташишь.
- Поезд тронулся, – сказала Аврора.

Поезд всё дальше увозил их от папиной мамы, Лужицы и дяди Бранде, и теперь слёзы из глаз папиной мамы полились водопадом, дядя Бранде принял её, а другой рукой замахал им вслед, а Лужица, отдавшая свой носовой платок бабушке, чтобы она им махала, сорвала со своей головы шляпку.

– Ну вот мы и уехали, – торжественно провозгласил папа, – и нас ждёт увлекательное путешествие.

– Мы впервые едем не на нашей синей машине, – сказала Аврора.

И это была правда. Как раз в это время за её рулём сидел дядя Бранде, а на задних сиденьях – папина мама и Лужица. Дядя Бранде отвозил их в Бесбю, а потом отправлялся домой в Тириллтопен, чтобы потом летом, когда дороги будут безопаснее, усадив в машину Аннет с близнецами, съездить в гости в Нурланн, оставить там машину и оттуда рейсовым теплоходом вернуться домой. Если маленькая синяя машина и удивилась подобным замыслам, своего удивления она не выразила. Дядя Бранде вёл её очень умело, а Тириллтопен она уже очень хорошо знала. Машина привыкла стоять у корпуса «Ц» вместе со всеми другими. И никакой грусти она не испытывала, своих пассажиров она всегда ждала спокойно, даже когда ждать приходилось по нескольку месяцев.

Итак, семья Теге уже ехала в поезде, и Авроре с Сократом разрешили сесть у окошечек. В первые минуты они с интересом следили за движением вагона, и даже Сократ вёл себя очень тихо и с замиранием сердца смотрел в окошко. Сначала весь вид из него заполняли провода, кабели и рельсы, бегущие совсем рядом. Чуть дальше от них проплывали дома – совсем обычные домики со шторами и цветами в окнах. Интересно, как в них люди живут? Аврора решила, что, если бы она жила в одном из них, она бы всё время сидела у окна и смотрела на поезда, со свистом пролетавшие мимо. Она махала бы рукой тем, кто сидел в вагонах, ведь, наверное, некоторые

из них ехали в одиночестве и им было бы приятно знать, что кто-то машет им вслед. Аврора огляделась. Кое-кто ехал в одиночестве в их вагоне тоже. Вон неподалеку сидит мужчина, и рядом с ним лежит папка, а вон там чуть подальше сидит ещё один – тоже с папкой, а вот напротив него стоит мужчина с чемоданом и папкой, сейчас он укладывает свой чемодан на полку.

- Я не хочу больше сидеть, – пожаловался Сократ.
- Вот как, – вздохнул папа. Он, наверное, подумал: сейчас только утро, а им ехать на поезде ещё целый день. После отъезда прошло всего пять минут, а у Сократа уже кончилось терпение.
- Ну хорошо, походи немного! – сказала мама. – А ты, Аврора, за ним присматривай!

Аврора тоже поднялась с места: интересно проверить, каково это – стоять, когда поезд идёт. Вагон немного покачивался, и, когда она стояла обеими ногами на полу, ничто не мешало ей, нужно было только двигаться в такт поезду, и это немножечко завораживало: казалось, что поезд движется быстрее, когда она стоит, а не сидит. Время от времени она выглядывала в окошко; они ещё не выехали из большого города, хотя теперь дома стояли от железной дороги намного дальше.

- Аврора, – позвал папа. – Взгляни вон туда!
- Аврора посмотрела туда, куда указывал папа, – и тут она увидела на взгорке высокие корпуса Тириллтопена, тянувшиеся до самого леса.

- Ах, вот как! Это же... это же...
- Да, это наши дома. Вот ты и попрощалась с Тириллтопеном.

Поезд шёл дальше, а вместе с ним и Аврора и все остальные. А Сократу это, по-видимому, уже надоело, и он сидел прямо на полу.

- Давай вставай! – позвала его Аврора. – Держись крепче за кресло, тогда ты сможешь встать.

И Сократу удалось встать. Поначалу ему показалось интересно стоять, в то время как поезд шёл, но потом ему и это наскучило и он захотел чего-то другого.

- Мы не нарушим правил, если пойдём и устроимся там, где никто ещё не сидит? – шепнула Аврора папе.
- Всё в порядке, – ответил папа. – Как раз поэтому удобно ездить зимой в поезде. В нём просторно.

Аврора подвела Сократа к четырём незанятым креслам. Здесь они могли свободно посидеть и представить себе, что это они управляют поездом.

- Будто мы с тобой едем одни, самостоятельно, – сказала Аврора.
- И будто я – твой пapa, – решил Сократ.
- Нет, ведь это я – взрослая. Давай сделаем вид, будто каждый из нас едет сам по себе, совершенно самостоятельно. Ты садись здесь, а я – вон там!
- Хорошо. – Сократ был ужасно доволен тем, что Аврора играет с ним как со своим сверстником. Он чувствовал себя совсем взрослым и взглянул на сестру. Как она к нему относится? Но она только кивнула ему головой.

Она сидела и притворялась, будто она – это мужчина с папкой, который сидит и смотрит в окошко.

Сократу не нравилось, когда Аврора не обращала на него внимания. Он взобрался на стол и посидел немного на новом месте. Отсюда вести поезд, как он считал, было приятнее. Поезд будто летел по воздуху.

Но потом, когда и это ему надоело, он слез и встал перед мужчиной, который в самом деле ехал куда-то по делам совершенно один. Мужчина за своей газетой словно проснулся и взглянул на Сократа.

- Привет, – сказал он. – Как тебя зовут?
- Сократ. И ещё Нильс и Теге. А как зовут тебя?
- Меня зовут только Нильс, но ещё по фамилии Берамсен, и я не Сократ.
- Ах, какой ты несчастный.

Когда Аврора услышала, что Сократ разговаривает с мужчиной, она тоже быстро слезла с кресла и превратилась в обычную Аврору.

- Это твоя сестра? – спросил мужчина.
- Да. – Сократ строго взглянул на сестрёнку и добавил: – Скажи, как тебя зовут!
- Аврора. – И она обратилась к тому, кто назвал себя «только Нильсом» и ещё Берамсеном: – Вы едете совершенно один?
- Ну сейчас – да. А дома у меня есть маленькая дочка, совсем как ты, и ещё два больших мальчика.
- Ах, вот как, а я-то думала, вы совсем одинокий.
- Нет, я одинокий, только когда в дороге. А в дороге я постоянно.

Дзинь-дзинь! – прозвучал маленький колокольчик в руке у проходившего по коридору человека в белом пиджаке. Колокольчик походил на настоящий золотой, хотя, конечно, золотым не был, а скорее всего, латунным. Он бренчал и в то же время звенел.

- Добро пожаловать в вагон-ресторан на завтрак. Свободные места к вашим услугам.
  - Мы туда пойдём? – спросила Аврора.
  - Нет, – ответила мама. – Но мы там побываем, когда будем проезжать горы.
- Аврора уже была в горах один раз летом, но она никогда не видела их зимой. Как замечательно, что поезд пойдёт по горам. Интересно, он будет взъезжать на вершины, а потом съезжать с них вниз?

Ничего подобного, поезд мчался по горным равнинам, а высокие вершины пролетали мимо них справа и слева. Время от времени они пропадали: их заслоняли изгороди, защищавшие путь от заносов. Так что даже в метель, когда ничего кроме летящего снега не видно, колёса сами находили железные рельсы. Но сегодня стояла прекрасная погода и снег сверкал на солнце. Семья Теге уютно расположилась у окна в вагоне-ресторане и с аппетитом обедала, любясь горными видами.

Один только Сократ ими не восхищался. Он, сопя, был полностью поглощён едой.

На десерт им подали чернослив с молоком. Мама, папа и Аврора наливали в тарелку с черносливом молоко из кувшинчиков, и когда папа хотел помочь в этом Сократу, тот рассердился: если другие наливают себе молоко в тарелку сами, почему не сумеет то же самое сделать он? И он сумел бы налить себе молоко, если бы вагон не качнулся как раз в тот момент, когда он наклонил кувшинчик, и вместо тарелки Сократ вылил его на себя.

Ничего страшного не случилось, но это было страшно обидно – он ведь знал, что смог бы налить себе молоко аккуратнее.

– Это не из-за тебя, – поспешила успокоить его Аврора. – Понимаешь, это качнулся поезд.

Сократ поджал губки, потом открыл рот, но не разревелся, как делал это обычно в те моменты, когда действительно злился, он просто молча запласал, так что его слёзы покатились на черносливины.

Возле них тут же появился человек в белом пиджаке с кувшинчиком молока, и мама хотела налить молоко в тарелку Сократа, но папа сказал:

– Сократ справится с этим сам, нужно только подождать, пока поезд не пойдёт по рельсам ровнее.

Сократ взглянул на папу, твёрдо взял свой кувшинчик в руки и осторожно, очень осторожно налил молоко. На этот раз у него получилось. Губы Сократа вернулись на своё обычное место, слёзы тут же перестали катиться, и он благоговейно съел все до одной черносливины, а из косточек выложил в тарелке круг.

Все сидели и с облегчением и радостью наблюдали за благополучной развязкой.

Но когда они поднялись, чтобы пойти и занять прежние места, Сократ обнаружил, что история с черносливом и молоком ещё не закончилась. Его брюочки и свитерок промокли насквозь.

— Вот ведь беда, — сказала мама. — Вся одежда Сократика лежит в одном из десяти чемоданов.

— Она так и останется в багажном вагоне, — сказал папа. — Мы не сможем достать её оттуда сейчас.

Мама с папой пошептались, и папа забрал Сократа с собой в туалет. Когда они вышли, Сократ выглядел импозантно. Вместо штанов папа надел на него свою футболку, а вместо свитера — мамину кофту, на ногах красовались папины варежки, они стали чем-то вроде колготок.

— А как мы поступим с его промокшей одеждой? — спросила мама. — Не можем же мы сойти с поезда в таком виде.

— Под моим креслом тепло, — заметил папа. — Наверное, где-то там расположены батареи.

Аврора походила по вагону а потом крикнула:

— Вот здесь, здесь тоже очень тепло.

В результате мокрые трусики Сократа попали на тёплую трубу, проходившую чуть ниже кресла, его рубашка — на трубу под другим креслом, свитерок устроили под третьим, брючки — под четвёртым, а два маленьких чулочка — под пятым. Так вагон никогда ещё не украшали, и батареи сделали всё, что могли, чтобы высушить одежду Сократа. Сам же он в это время спал.

На улице стемнело, но Аврора увидела, как на окне появились капли воды.

— Хоть сейчас и зима, но, похоже, здесь идёт дождь, — сказала она.

— Мы, наверное, приближаемся к Бергену, — предположил папа.

— Да, но зимой дождей не бывает, — возразила ему Аврора.

— Это, конечно, верно. Кстати, заметим, наши плащи тоже лежат в одном из десяти чемоданов.

— А мы сразу возьмём такси и доедем в них прямо до теплохода, — сообразила мама.

— Тогда придётся брать сразу два такси, чтобы довезти все десять чемоданов.

— Ладно! В конце концов, мы переезжаем в Нурланн не каждый день, — подытожила мама.

Рейсовый теплоход на север

—Ну вот, мы привезли на станцию Берген дождь, — сказал пapa.

На вокзале было шумно. Из репродукторов неслись объявления, звучавшие очень непривычно — по-бергенски.

Они взяли два такси, уложили свои чемоданы, и Аврора села у окошка в одной из машин. Тут она заметила, что дома в Бергене как бы парили в воздухе и дожде. Она очень удивилась.

— Это только кажется, потому что сейчас темно, — сказал пapa. — Здания в Бергене стоят на возвышенности. Я думаю, что, когда Сократик чуть подрастёт, мы вернёмся сюда и остановимся на несколько дней. Здесь есть на что посмотреть.

Аврора с интересом глядела на их скоростной рейсовый теплоход.

— «Гага», — торжественно прочитал пapa его название. — Теперь вы поняли? Наша поездка пошла всерьёз. Там уже готова для нас каюта.

Они поставили чемоданы к горе остальных. Только один из них, с туалетными принадлежностями, взяли с собой. Пapa подошёл к человеку в маленькой комнатке за стеклом.

— Меня зовут Эдвард Теге. Нам нужна каюта второго класса на четверых.

— Сейчас посмотрим, — сказал моряк и указал карандашом на список в своей тетради. Потом покачал головой. — Нет, не сходится. — Потом он перелистнул страничку, и лицо его посветлело. — Вы же едете первым классом!

— Нет, не первым, — горячо возразил пapa. — Об этом и речи идти не может. Я сам платил за второй класс.

— Вот письмо, — сказал моряк. — Может, оно объяснит вам всё?

Пapa раскрыл письмо и прочитал вслух:

— «Дорогой сынок! Я считаю, что в первую длительную поездку на другой конец страны ты должен отправиться со всеми удобствами, поэтому я немного доплатила и вы поедете сразу в двух каютах первого класса. Привет тебе! Мама».

— Нет, ну что с такой мамой поделаешь! — воскликнул пapa.

— Лучше всего написать ей и поблагодарить, — сказала стоявшая рядом мама. — А сейчас пойдём и отыщем эти каюты.

Каюты располагались рядом, и в каждой стояло по две кровати.

— Мы с Сократиком будем жить вместе! — воскликнула Аврора. — И снова будем играть в двух взрослых, которые отправились в путешествие.

— Не будем спешить, — сказал папа. — Пожалуйста, занимайте каюту днём, а на ночь мы вас разберём. На море бывает всякое, и самое правильное, чтобы рядом с каждым из вас был взрослый.

— Я думаю, мы с Авророй будем жить здесь, — решила мама. — А в пути будем ходить друг к другу в гости сколько хотим.

— Так это же всё равно что жить дома в одной квартире, — обрадовалась Аврора. — И, посмотри, мама, у нас здесь есть и комод и умывальник, а вот на стене висит спасательный жилет. Можно, я его примерю?

Жилет был восхитительный, оранжевый и, как кажется, совершенно новый, хотя Авроре он был великоват. А когда в него влез Сократ, жилет накрыл его целиком вместе с ногами и выглядел скорее как спасательное пальто. Когда папа стал снимать его с Сократа, тот упёрся, повторяя:

— Он мой, я хочу всё время носить его.

— Жилет принадлежит теплоходу, — уговаривал его папа. — Если бы ты носил его всё время, ты бы обязательно на что-нибудь натолкнулся и мог бы его испортить.

— Я не хочу, чтобы все видели.

— Что видели? — не понял папа.

— Вот это. — И Сократ ещё сильнее прижал к себе жилет.

— Я поняла, в чём дело, — сказала Аврора. — У него пятна на штанишках после приключения с молоком.

— Ну хорошо, — сказал папа. — Мы тебя переоденем. Тебя это устроит, Сократик?

— Ну да, — ответил тот. Сократ, хотя и был ещё маленький, не хотел, чтобы другие видели, как он, пусть не по своей вине, вымазался.

Когда время отправления теплохода приблизилось, Аврора так устала, что почти уже на ногах не стояла, она ведь в отличие от Сократа не спала в поезде. Но она всё равно не хотела ложиться спать, и папа обещал, что не будет её укладывать. Они оба оделись и вышли на верхнюю палубу. Отсюда они увидели ещё больше огней, чем из машины, ведь все они

отражались в море, и всегда потом, когда Аврора вспоминала о Бергене, она мысленно представляла перед собой дома в воздухе и отражающиеся в воде огни.

Наконец теплоход прогудел три раза, словно он прощался с городом и, как и подобает, благодарил его за гостеприимство. Но Сократу гудки не понравились. Он натянул на голову мамину кофточку и сказал:

- Не надо гудеть, не надо гудеть.
- Теплоход должен объявить, что он отправляется, – сказала папа, – и у него такой красивый гудок, разве ты не слышишь?

Но Сократ отрицательно затряс головой, по его мнению, сигнал теплохода звучал ужасно.

– А теперь пора укладываться спать, – сказал папа. – Утром мы встанем рано, чтобы как следует оглядеться.

– Да, мы пока ещё ничего здесь не видели, – согласилась Аврора. – И даже не знаем, долго ли нам ехать до Нурланна.

— Если проснёшься ночью, подумай о рыбакских лодках, которые проделывали свой путь в темноте, правя только на редкие маяки. А теперь мы идём на большом судне, и нам светят маяки на каждом втором островке впереди. К тому же наш теплоход снабжён устройством, которое называется радаром. Радар показывает скалы и корабли на пути. Спокойной ночи, Аврора! Мама о тебе позаботится.

— И обо мне, — заявил Сократ.

— За тобой присмотрит папа, — сказал папа, и они оба исчезли в своей каюте.

— Ну вот, — сказала мама, — а теперь, Аврора, постарайся заснуть, у тебя был долгий и утомительный день.

На широкой постели лежать удобно, а тут ещё и мама устроилась на своей кровати, так что они были вместе, почти рядом. Мама перед сном чуточку почитала, а Аврора заснула сразу. Она спала несколько часов, но потом проснулась оттого, что вроде бы встала на голову, хотя ни разу даже не шевельнулась, что было очень странно, ведь в следующий миг она уже стояла на ногах, а потом на голове — опять. Как интересно! Она словно бы сидела на той самой скачущей на месте лошади. Вверх — вниз, вверх — вниз. Аврора чуть было не рассмеялась.

Но тут же с маминой постели раздался глубокий вздох.

— Авророчка, как это ужасно.

— А мне кажется, интересно.

— Я вроде бы не больна, — сказала мама, — но стоит только пошевелиться, как мне сразу становится плохо. Попробуй подать мне мою сумочку и стакан воды. У меня кружится голова. Надо выпить таблетку. Я забыла принять её вечером, понимаешь? Держись на ногах твёрже, Авророчка!

Мама включила свет, и обстановка каюты стала ещё более странной. Теперь уже не только Аврора, но и вся каюта ходила ходуном, словно совершая странные упражнения.

Аврора, держась за кровать и как можно шире расставив ноги, стала качаться вместе с каютой. Потом она ухватила сумочку и стакан. Налить в него воды сразу не удалось, стакан не хотел качаться вместе с каютой, и Авроре всё время приходилось смотреть в него, чтобы не расплескать воду. Наконец маме удалось взять стакан.

— Спасибо тебе, Авророчка. Теперь ложись. Как же мне повезло, что ты оказалась рядом.

В дверь постучали. Авроре вновь пришлось встать. В двери стоял папа с Сократом на руках. Лицо у папы побелело как мел, но Сократ спал спокойно и мирно.

— Вот и я, Аврора, — сказал папа. — Положи его, пожалуйста, к себе! Мне сейчас с ним не справиться. Мне сейчас справиться бы с самим собой.

И папа быстро исчез в своей каюте.

— Мы сейчас сядем каждый на разных концах кровати и будем плавать на волнах вверх и вниз, — предложила Аврора Сократу.

— Ага, — согласился он. — Это весело.

И он приплыл к Авроре, после чего Аврора приплыла к нему.

Мама лежала с закрытыми глазами и не понимала, как её дети могут в такой обстановке играть. Но хорошо, что они играют. Во всяком случае, они с ней, если ей что-нибудь понадобится.

Аврора с Сократом долго играли в свою игру, но постепенно стали скатываться друг к другу всё медленнее, пока наконец судно не прекратило свои упражнения, и Аврора с Сократом заснули и встали утром уже совершенно отдохнувшими. Аврора взглянула на маму, но та натянула одеяло на голову и полностью под ним скрылась.

— Мама, — позвала Аврора, — ты проснулась?

Мама не отвечала, но Аврора видела, что она ещё глубже зарылась в одеяло и, значит, разговаривать не хотела.

— Пойдём навестим папу! — прошептала Аврора Сократу.

— Ага, — ответил он и напустил на себя таинственный вид. Он сам не мог бы сказать, почему он это сделал, но всегда, когда Аврора что-нибудь шептала ему, это означало, что она хочет сообщить ему что-то очень важное, и он ужасно это любил.

Они пошли к папе и попробовали его разбудить. Они долго будили его, и наконец-то он пробормотал:

— Идите поешьте чего-нибудь, я сегодня, наверное, пропущу завтрак.

— Идём! — звала его Аврора. — У нас что-то случилось с мамой.

— Мамы нет, мамы нет, — повторял Сократ. — Идём, — прошептал он, придвигаясь поближе к папе и глядя ему в глаза.

— Хорошо. Я иду. А где мама? Наверное, она вышла на палубу глотнуть свежего воздуха. Неплохая идея. Я приду сию же минуту. Только что-нибудь на себя накину.

Когда они вошли к маме в каюту, она лежала и плакала, она даже забыла накрыться с головой одеялом.

— Ох, что же это случилось? — спросил пapa. Мама снова попыталась натянуть на голову одеяло, чтобы никто не видел, как она плачет, но пapa задержал её руки и сказал: — Плакать под одеялом душно. Не стесняйся и скажи, что тебя расстроило.

В самом деле, что же случилось с мамой? С ней, такой деловитой и всегда спокойной. Нос у неё покраснел даже больше, чем у папиной мамы, когда та провожала их на поезд. Всхлипывая, мама попыталась им объяснить:

— Что с нами будет, Эдвард? Помощницу судьи в Нурланне не должно тошнить на море. Уж лучше бы я поступила на работу в Бесбю, как советовала твоя мама. Представь себе, я вхожу в зал суда и падаю в обморок... Что с нами будет?..

— Ты зря тревожишься, милая. Я ведь тоже этой ночью не был на высоте. Больше того, мне было гораздо хуже, чем тебе. Но морская болезнь проходит. Мы ведь с тобой настоящие сухопутные крысы.

— Да, но вот Аврора не болела совсем. И Сократик тоже.
— Мы в это время играли, — вмешалась Аврора.
— Вот именно, — сказал пapa. — Но я, кажется, знаю, что нам делать. Если подумать, это так просто.

Мама тут же всхлипывать перестала, а Аврора с Сократом перебрались на её кровать и сели рядом с папой.

— Когда мы приедем в Нурланн, мы построим рядом с домом качели. Но не такие маленькие, как для детей. Нет, мы построим их высокие и вместительные. Днём пускай на них качаются дети, но вечером, как только стемнеет, мы будем раскачиваться на них вверх и вниз до головокружения. И постепенно привыкнем к качке. Мы избавимся от морской болезни и будем играючи переносить любые волны.

Мама лежала, глядела на него, а потом засмеялась, хотя до сих пор потихоньку плакала.

— Прекрасно, Эдвард. Это самое умное, что я до сих пор от тебя слышала.

Папа тоже засмеялся, а Аврора с Сократом не смеялись: над качелями смеяться не стоило. Это же такое замечательное устройство! Они могут на них играть. И не расстраиваться, что не знают никого из детей Нурланна.

«Гага» гаёт гутки

Семья Теге оделась, прошла вдоль кают и взбралась по лестнице с гладкими коричневыми перилами в кают-компанию. Там были длинные окна по всем стенам, множество красных и синих кресел, а пол немного поднимался в середине зала.

— Вот здесь мы можем удобно расположиться, — сказал папа, — но сейчас пойдём в столовую.

В ней тоже стояло множество столов и синих стульев. И здесь тоже можно было удобно расположиться: сидеть, есть и глядеть в окна точно так же, как в поезде.

— Посмотри на горы, Аврора, — сказал папа. — Они спускаются прямо в море.

— А вон Только Нильс! — воскликнул Сократ. — Вон сидит Только Нильс.

— О ком он говорит? — спросил папа.

— О Нильсе Берамсене, — объяснила Аврора. — Он познакомился с ним в поезде.

— Ага, ты тоже здесь! — воскликнул Только Нильс. — А я как раз закончил завтракать, но теперь перейду в кают-компанию, так что приходи, поболтаем!

— Интересно, — хмыкнул папа. — Я выпью только чашечку чая. Что-то я сегодня не голоден.

— И я тоже, — сказала мама, — но я посижу здесь и полюбуюсь видами. А вы, Аврора с Сократиком, идите к стойке и наложите себе что-нибудь поесть.

— Идём, Сократик! — позвала Аврора. Поднявшись, она хотела отставить стул, но тот был прикован к полу толстой железной цепочкой, и ей пришлось слезть с него, не отодвигая.

На стойке, протянувшейся на всю длину столовой, было много вкусной еды. Чего только тут не было: самые разные подносы с выставленными на них в кувшинчиках подливами, подносы с жареными колбасками, рыбой, фрикадельками, сыром разных сортов, хлебом, хрустящими хлебцами, сухариками и вареньем, разные соки и молоко. И перед всем этим великолепием стояли одни только Аврора с Сократом. Аврора взяла тарелку и подала её Сократу. «Пожалуйста», – сказала она. Сократ взглянул на еду, а потом – на Аврору, которая стояла напротив блюда с козьим сыром. Головка сыра была намного больше той, которую они видели дома, но всё равно она показалась Авроре такой привычной и знакомой. Вот только вершинка сыра располагалась так высоко, что отрезать от неё кусочки не получалось: для этого нужно было встать на стул. Зато совсем рядом лежали колбаски и хлеб. Аврора взяла их и положила на свою тарелку, добавив ещё немного варенья.

– Пойдём сядем за столик, – предложила Аврора. – Я поделю то, что взяла, ровно напополам.

– Хорошо, – согласился Сократ. Он уже нашёл для себя одну черносливину, и она одиноко лежала на его тарелке. Зато она была самого высшего сорта!

– Что вы скажете, если я пойду и прилягу ещё, – сказала мама, – я ведь этой ночью не выспалась, а сейчас успокоилась и хочу спать.

– Иди, отдохни! – согласился пapa.

– А я пойду к Только Нильсу, – заявил Сократ и слез со своего стула.

– Хорошо, Сократик, мы с Авророй проводим тебя в кают-компанию.

Мужчина, которого Сократ назвал Только Нильсом, уже сидел в кают-компании, как и обещал, и, когда он увидел Сократа, его лицо расплылось в улыбке. Он сидел за столиком один и раскладывал пасьянс, но, когда Сократ подошёл к нему, смешал карты и сказал:

– Сейчас Нильсы поиграют друг с другом в карты.

– Ага, – согласился Сократ, хотя совсем не умел играть в карты и надеялся лишь на то, что Только Нильс его этому научит. И Только Нильс действительно знал игру, подходящую для Сократа. В ней требовалось набрать как можно больше «картинок», названия которых знать было необязательно.

– А я с Авророй пойду и осмотрю теплоход, – сказал пapa. – Ты не хочешь пойти с нами, Сократик?

- Нет, я хочу играть с Только Нильсом, – сказал Сократ.
- Приятно слышать, – отозвался тот.
- Сейчас во фьорде между горами тихо, – сказал папа. – Я думаю, мы начнём осмотр с машинного отделения, но тогда нам придётся выйти на палубу и тебе там может быть холодновато, Аврора.
- Мы же быстро.

Когда Аврора выглядела из окна кают-компании, снаружи холодно не казалось, но, когда они открыли дверь на палубу и вышли, дыхание перехватило от холода. Дул сильный ветер (всё-таки это была зима), да и судно шло быстро, и косички Авроры развевались, как хвост воздушного змея.

- Вот сюда, внутрь, – сказал папа, – вот кабинет начальника машинного отделения. Постучим!

Внутри сидел человек и читал книгу.

- Не будет ли чересчур большой смелостью попросить у вас разрешения посмотреть машину? – спросил у него папа.

– Раз уж вы просите, я вам её покажу. – И хотя мужчина отдыхал, он отложил книгу и сказал: – Идёмте со мной! Ты, девочка, повернись лицом к лестнице и спускайся вниз задом наперёд, так будет безопаснее. Первым пойду я, ты потом, а последним будет спускаться твой папа.

- Держись крепче, Аврора, и думай только об одной ступеньке за один раз, – предупредил папа.

Внизу раздавался сильный шум, и у Авроры защипало в носу, потому что здесь, внутри, было во сто раз теплее, чем в кают-компании, и всё вокруг: и воздух, и лестница и само судно – дрожало от работы мощного двигателя. Гул стоял непрерывный. В самом низу стояли двое мужчин с красными от жары лицами и пятнами масла на одежде.

- Да, здесь мотор будет помощней, чем у нашей машины! – крикнул папа Авроре.

Аврора кивнула, она не смела говорить в таком шуме, звук речи всё равно потерялся бы.

Папа ходил и осматривал многочисленные переключатели, но Аврора догадывалась, что он мало что о них знает, двигатели и механизмы его коньком не были.

Походив немного внизу, они снова вернулись к трапу, и Аврора очень-очень обрадовалась, оказавшись снова наверху, на свежем воздухе, и избавившись от постоянного глухого ритмичного гула.

Папа вежливо поблагодарил начальника машинного отделения за разрешение осмотреть машину, и они пошли дальше по судну, хотя Аврора заметно притихла.

- Ну как, Аврора, тебе было интересно? – спросил её папа.
- Я всё думаю о тех людях внизу, мне их жалко.
- Понимаешь ли, – сказал задумчиво папа, – они к своей машине привыкли, они о ней знают всё и ухаживают за ней, чтобы она работала чётко и ровно. И они так ею заняты, что забывают и о жаре, и о шуме.
- Может быть. Но, наверное, они бы хотели, чтобы она стояла на палубе, а не там, внизу.
- Ну с жарой и наверху всё в порядке, – сказал папа. – Пойдём взглянем на камбуз! Камбуз – это кухня на судне.

Сократ и Только Нильс больше не играли в карты. Теперь Только Нильс изображал из себя пристань в Бергене, а Сократ – рейсовый теплоход, и, каждый раз когда он отходил от пристани, Сократ гудел три раза как можно громче. Он ещё не забыл, как испугался гудка. И теперь, когда он гудел сам, это тоже немножко его пугало, но в то же время веселило: он будто боролся с тем звуком, который раньше пугал его. Вот почему он так часто подходил к бергенской пристани и потом от неё отходил, держа путь на север. Они играли в судно и пристань долго, и Только Нильсу эта игра нравилась. Во время неё он умудрялся читать газету и время от времени выглядывал в окошко. Ему нравилось, что в этой поездке у него появился маленький товарищ, он ведь, хоть и путешествовал почти круглый год, временами чувствовал себя одиноко. Зато теперь нет. И у Только Нильса так поднялось настроение, что возникло желание поработать.

– Пойдём в конторскую каюту? – предложил он Сократу. – Там я поработаю с моими счётами, а ты порисуешь.

Он взял Сократа за руку, и они пошли в конторскую каюту.

Там стояли два стола. Только Нильс сел за один, а Сократ – за другой. Только Нильс записывал в тетрадь множество буквок и чисел, а Сократ рисовал гудок. Тот становился всё больше и чернее, а рядом стояло судно,

которое становилось всё меньше. Они долго так работали каждый за своим столом, но потом случилось страшное происшествие: теплоход действительно загудел. И тогда Сократ спрыгнул со стула, выбежал из конторской каюты и закричал:

— Мама, мама, Аврора, гудок заберёт меня!

Гудок был действительно громкий, но крик Сократа ещё громче. Во всяком случае, так решили папа с Авророй, которые шли в кают-компанию за Сократом. Его услышала даже мама снизу, из их каюты, и выбежала на крик.

— Что ты, Сократик, — успокаивал его папа. — Это наш теплоход объявляет, что собирается зайти в Олесунн. Если бы он не гудел, откуда бы его жители узнали, что он к ним скоро придёт?

— Они его видят, — сказал Сократ.

— Да, конечно, те, кто живёт у моря и смотрит в окно, они его видят, — сказал папа, — но другие, кто живёт подальше от берега, они ведь тоже должны знать о нём, и такой порядок заведён во всех местах, куда теплоход приходит. Подумай о Нурланне, Тромсе и Финмарке — их жители внимательно слушают, не пришло ли ещё их рейсовое судно? Они даже считают, что оно принадлежит им. Рейсовый теплоход прибывает к ним каждый день и привозит пассажиров, посылки и почту. Сейчас мы увидим, как он плавно подойдёт к пристани, мы сойдём на берег, а теплоход простоит там ещё несколько часов.

Сократ на минуту затих. Он затихал всегда, когда папа брал его на руки и так приятно говорил ему прямо на ухо.

Они оделись и сошли на берег. Аврора огляделась и спросила:

— А здесь они не говорят так, как жители Бергена.

— Нет, здесь они говорят так, как говорят жители Олесунна, — сказал папа. — Вот почему так интересно путешествовать по нашей стране. В разных местах Норвегии люди разговаривают по-разному.

— Но всё равно мы их понимаем, — сказала Аврора. — Ой, как много тут чаек!

— То ли ещё увидишь, когда мы зайдём в город, — пообещал папа. Это прозвучало немного странно, но, когда они совсем немного углубились в город и оказались на горе, чайки тут же налетели на них. Чайки сидели на горе, улетали с горы и возвращались обратно на свою гору.

— Как странно, — заметила Аврора. — Я будто покачиваюсь, хотя иду по твёрдой земле.

— Спасибо на добром слове, — утешилась мама. — Я думала, что покачиваюсь на твёрдой земле только я.

— Мне так хочется что-нибудь здесь купить, — сказал папа. — Я всегда мечтал о фуражке с кожаным верхом и с ушами по бокам. Тогда пусть дует на меня какой угодно ветер, я всё равно не замёрзну.

— Покупай! — разрешила мама. — Будем считать её нашим подарком на твой будущий день рождения.

Когда папа вышел из магазина, он выглядел, по крайней мере сверху, как заправский моряк, хотя во всём остальном оставался сугубо сухопутным жителем Тириллтопена.

Когда они снова садились на теплоход, на пристани Сократ заартачился.

— Не поеду дальше, — говорил он. — Хватит с меня.

— Ты что же, отказываешься ехать с нами в Нурланн? — спросила мама.

— Не хочу из-за гудка.

— Тогда я знаю, что делать, — сказал папа, беря его на руки.

Они прошли по трапу на судно и отыскали дверь с табличкой «Палубные офицеры». Папа зашёл и постучал ещё в одну дверь, за которой сидел один человек. На пиджаке у него сияли блестящие пуговицы, а фуражка отливал золотой канителью. Это был капитан.

— Извините нас, — начал папа. — Мы семья Теге и едем на север. А наш сын боится сигнала вашей прекрасной «Гаги». Нельзя ли нам поприсутствовать на следующей церемонии подачи сигнала?

— Мы просигналим ещё раз при отходе, — сказал капитан. — Подождите на мостице.

Судно подали кормой назад, а потом оно развернулось, и капитан сказал:

— Сейчас, малец, ты нажмёшь вот на эту кнопку три раза, и мы тем самым попрощаемся с Олесунном.

Сократ осторожно нажал на кнопку, а потом нажал на неё ещё два раза. Получилось три гудка, и, хотя первый прозвучал коротко и словно испуганно, два других прозвучали как надо. Мама с папой разговорились с капитаном, а Аврора стояла и смотрела на моряка, который держал в руках

большой штурвал. В этот день рейсовый теплоход попрощался с Олесунном два раза, и его жители останавливались и говорили друг другу:

– Да что же это такое? Что-нибудь на теплоходе случилось?

Они не знали, что маленький пальчик у одного из пассажиров вдруг не-произвольно задвигался и надавил на кнопку гудка три лишних раза.

Мари-мореплавательница

Аврора с Сократом и родителями прошли к этому времени на своём рейсовом теплоходе уже далеко. Они побывали в Мольде, Кристиансунне и Тронхейме, а сейчас шли по Тронхеймс-фьорду, и Аврора представляла себе, что это она ведёт судно.

На пристани в Тронхейме произошло чрезвычайное событие. Хотя сначала они не приняли его за чрезвычайное. Мама встретила на причале по-другу, с которой она когда-то ходила в школу. Они о столь многом хотели поговорить, что папа сказал:

– Я возьму с собой детей, Мари, чтобы ты могла как следует побеседовать. Мы пойдём на мостик и спросим у капитана, разрешит ли он нам остаться там, когда мы отчалим от пристани.

Аврора уже побывала на мостике много раз и познакомилась с лоцманом, самим капитаном, штурманом и моряком, который стоял у руля. Папа говорил, что их лоцман похож на ловкого дирижёра, который управляет оркестром, не заглядывая в ноты. Ему не требуется даже глядеть на карту, чтобы знать, куда надо направить судно, потому что он знает на пути все до одного островки и скалы.

- Три градуса вправо, – командовал лоцман.
- Есть три градуса вправо, – отвечал рулевой.
- Так держать, – говорил лоцман, и рулевой отвечал:
- Есть так держать.

Капитан, папа и лоцман всё время разговаривали между собой. Капитан рассказывал о рейсах, которые он совершал во многих уголках мира, лоцман говорил о том же, пока чуть не менял интонацию голоса

и не произносил: «Два градуса лево руля, так держать» или что-нибудь подобное. Он ни на секунду не забывал, что должен провести теплоход к цели в целости и сохранности.

И Аврора подумала: а почему бы ей не стать лоцманом, когда она вырастет? Сначала она хотела стать капитаном, но, после того как Сократ сказал, что он тоже хочет стать капитаном, она решила, что стать лоцманом несколько не хуже, они с братом могли бы плавать на одном корабле, да и фуражка у лоцмана была ничуть не хуже капитанской. Всё время, пока они стояли в Олесунне, они слышали переговоры по радио. Хотя оно не было настоящим, таким, какое Аврора слышала в Тириллтопене. Рыбаки переговаривались друг с другом далеко в море и передавали привет родным, оставшимся дома.

- А мы можем позвонить по этому радио домой? – спросил пapa.
- Ну конечно, – сказал капитан. – Штурман, проводи их!

Они вошли в маленькую комнатку со множеством приборов и приспособлений. В ней был, например, телеграфный аппарат и ещё что-то, напоминавшее радио. Штурман покрутил колёсико и надел наушники:

- Это «Гага», радио Тронхейм, это «Гага», радио Тронхейм. Радио Тронхейм, это «Гага» вызывает...
- Бесбю, дом 114, – подсказал пapa.
- Это «Гага», да, Бесбю, 114. Спасибо!
- Пожалуйста, возьмите вот это, – сказал штурман папе и указал на телефонную трубку. Папа взял.
- Алло, это ты, мама?
- Алло, это ты, сынок? – радостно ответила папина мама. – Ты уже на земле?
- Нет, мы пока ещё в море.
- У тебя там всё в порядке? Вы не тонете? – заволновалась папина мама. – Я вот тут сижу и в случае чего никак не смогу тебе помочь. У тебя есть спасательный жилет, Эдвард?
- Послушай, мама, – стал успокаивать её пapa. – Этот телефон настроен на волну рыбаков, так что они слышат всё, что ты говоришь. Поездка идёт отлично. Мари сейчас с нами нет, она встретила старую школьную подругу в Тронхейме. Наверное, сейчас пошла в каюту чуть отдохнуть. Это судно

просто создано для отличного отдыха, понимаешь? Дети чувствуют себя хорошо. Кстати, спасибо за каюты! Они уютные.

- У вас там не штормит?
  - Ничуть, только времени от времени дует свежий ветер. Тебе обязательно нужно отправиться в это путешествие. Аврора решила стать лоцманом, а Сократик – капитаном, так что привыкай к морской жизни.
  - Ах, как мне приятно, что ты позвонил. Вот что-то загудело и засвистело в трубке, я почти не слышу, что ты говоришь. Можно мне поговорить с детьми?
  - Алло, – сказала Аврора. – Папа больше не такой бледный.
  - Ты что? – встрепенулся папа. – Поговори о чём-нибудь другом!
  - Нас хорошо кормят, и я управляю судном.
- Теперь наступила очередь говорить Сократу.

— Алло, — сказал он. — Я играю с Только Нильсом. Он сам себя так называет: Только Нильс.

— Ну до свиданья, мама, — закончил разговор пapa. — Передавай от всех нас привет Лужице.

Телефонный разговор заметно утомил пapa, хотя в то же время он его обрадовал. Приятно всё-таки чуть-чуть удивить свою маму.

— Благодарю вас, — сказал он штурману. — А сейчас мы все сойдём вниз, в каюту, а то наша мама до сих пор отдыхает и может не заснуть ночью.

Стараясь не шуметь, они спустились вниз.

— Не стоит будить её сразу, — сказал пapa Авроре.

Она осторожно приоткрыла дверь каюты, Сократ на четвереньках прополз внутрь, он считал, что таким образом нашумит меньше, а за ним на цыпочках в каюту прошёл пapa. И тут они замерли все втроём, на кровати мамы не было вообще никого. Кровать была аккуратно застелена, но даже следов после себя мама не оставила: ни косынки, ни перчаток, ни даже своей сумки.

— Странно, — сказал пapa. — Может быть, она в кают-компании? Ну конечно, если её подруга едет на нашем судне, они, естественно, сидят вместе.

Они поспешили в кают-компанию, им было что рассказать маме, но когда они вбежали туда, то увидели одного Только Нильса. Он одиноко сидел за столиком, и вид у него был подавленный. Увидев их, он обрадовался.

— Вы видели мою жену? — спросил пapa.

— Нет, — сказал Только Нильс, — я нигде не видел её, но мне очень приятно снова встретиться с тобой, Сократ.

— И мне! Папа, можно я останусь с Только Нильсом?

— Пожалуйста. Если Только Нильс не против.

— Само собой, — ответил Только Нильс. — Ты хочешь, чтобы сегодня я опять был твоей пристанью?

— Нет, сегодня ты будешь теплоходом, — предложил Сократ, — а я буду твоим капитаном.

Аврора с папой прошли дальше.

— Может, они в столовой? — сказал пapa. — Скорее всего, они зашли выпить по чашечке кофе.

Они зашли в столовую, но там не оказалось вообще никого.

– Да что же это такое? – возмутился папа. – Куда она делась?

– Не спустилась же она в машинное отделение? – предположила Аврора. Папа заглянул и туда, хотя твёрдо знал, что её там оказаться не может, и ещё он прошёл на камбуз, а потом ещё раз – на мостик.

– Может, она в канцелярской каюте, – сказала Аврора, – и пишет сейчас письмо кому-нибудь?

Но и в канцелярской каюте был только один пассажир, севший на теплоход в Тронхейме, он даже не был с мамой знаком. Тогда папа взобрался на мостик ещё раз и поговорил с капитаном.

Так куда ж подевалась мама?

Она, как уже говорилось, повстречалась с женщиной, с которой в детстве ходила в школу, и они стояли на пристани долго-долго и немного замерзли, и тогда эта женщина сказала:

– Давай поднимемся на борт и посидим в кают-компании.

Они сидели там, смеялись и рассказывали друг другу обо всём, что случилось с ними с семилетнего возраста, когда обе потеряли свои передние зубы. Ещё они обсудили судьбу всех своих одноклассников и своей бывшей классной руководительницы, а когда теплоход вышел из Тронхейма, они этого даже не заметили, до того были увлечены беседой.

– Муж сказал, что я могу болтать с вами сколько угодно, – сказала мама. – Он сейчас вместе с детьми на капитанском мостике. Сейчас, наверное, смена вахты, я вижу так много незнакомых лиц. Конечно, они, бедные, не могут дежурить круглые сутки, и им нужно меняться. Какая прекрасная сейчас погода, море тихое и спокойное.

– Естественно, мы сейчас далеко от моря во фьорде, – сказала подруга. – Вы, уже побывавшие на севере, легко можете сравнить погоду там и здесь в это время года.

– Ничего подобного, – сказала мама и рассмеялась. – Мы сейчас только едем на север. Я буду работать там помощницей судьи целых два года.

– Да, но почему же вы едете туда этим рейсовым теплоходом? – спросила её подруга.

– Естественный вопрос. Понимаете, мой муж – человек особенный. И он считает, что, если уж мы едем так далеко, мы должны это почувствовать

на себе. Конечно, добираться туда самолётом было бы намного быстрее, но мы везём с собой десять чемоданов вещей. И это было бы неудобно. Впрочем, мне самой это морское путешествие начинает нравиться.

— Да, но знаешь что, Мари, — осторожно сказала подруга. — Знаешь ли ты, что?..

— Что, что я знаю?..

— Ты сидишь на рейсовом теплоходе, который идёт на юг. И следующая наша остановка — Кристиансунн.

— Да, но мы ведь только что оттуда, — сказала мама. — Мы побывали там только вчера. Ты шутишь?

— Мари, теплоходы ходят рейсами с юга на север и с севера на юг, и ты сидишь сейчас на пароме, который идёт на юг.

— Да?.. — только и смогла вымолвить мама. — Как же это?..

Через некоторое время к папе, стоявшему на мостице, подошёл капитан «Гаги» и сказал:

— Вам пришла телеграмма.

Папа прочитал вслух:

— «Я сейчас сижу на неправильном теплоходе. Он идёт на юг. Сойду в Кристиансунне и сяду на следующий рейсовый теплоход на север. Где вы будете меня ждать? Выбирай любую остановку. Следующий теплоход только завтра. Мари-мореплавательница».

— Мари села не на тот теплоход, — сказал папа. — Ну конечно, теперь я вспоминаю. Рейсовый теплоход на юг тоже делал остановку в Тронхейме. Это же надо, наша такая педантичная мама совсем запуталась. Но ничего страшного. Деньги у неё есть, так что и в Кристиансунне она не пропадёт. Как вы думаете, где нам лучше всего сойти на берег, чтобы её подождать? Ага, я понял. Придётся попутешествовать. Дорога туда займёт ночь и день, но для таких путешественников, как мы, это сущий пустяк! Пошлю ей телеграмму. «Лофотены подойдут? Мы сойдём в Свульвере».

Очень скоро пришёл ответ: «Пусть будут Лофотены».

Сократ папиных объяснений не понял.

— Мама скоро приедет, — сказал он и похлопал Только Нильса по руке.

— Хорошо, Сократик, — ответил Только Нильс. — Что будем делать?

— Сядем не на тот теплоход и поедем к маме, — решил Сократ.

Этим вечером, когда они укладывались на ночь без мамы, им было как-то непривычно, поэтому папа с Сократом переехали в каюту к Авроре. Аврора и Сократ улеглись на разных концах кровати, а папа — на мамину кровать. Перед сном он немного почитал книжку. Когда дети заснули, он осторожно поднялся и вышел на верхнюю палубу. На небе сияла луна, и погода стояла спокойная, так что папа отчётил видел все островки и горы. Обитатели капитанского мостика ему обрадовались. Всегда интересно поговорить со свежим человеком, когда люди настолько привыкли друг к другу, как они.

И тут папа впервые увидел на небе зелёные отсветы. Они походили на большие качели и изменяли свой цвет от зелёного до белого и обратно — от белого до зелёного.

— Это — северное сияние, — объяснил лоцман.

— Вот как, — удивился папа. — Пойду разбуджу Аврору!

Когда папа вошёл в каюту, Сократ во сне даже не шевельнулся, а Аврора немного поморгала глазами и взглянула на папу.

— Аврора! — позвал её папа. — Ты хочешь выйти на мостики и посмотреть на северное сияние? Ты знаешь, как оно звучит по-латыни — «Аурора бореалис», так что оно немножечко принадлежит тебе. Точно так же, как утренняя заря.

Папа завернул девочку в одеяло и отнёс наверх. Аврора взглянула на северное сияние, колыхавшееся на небосводе, взглянула на чёрные островки во фьорде и на горы по сторонам, потом на небо, оказавшееся таким огромным.

— А я хочу обратно домой в Тириллтопен, — прошептала она, — и встретиться там с мамой.

— Мы же едем в Нурланн, — сказал папа, — и встретимся с мамой там. Скоро мы будем в Хельгеланне. Ты слышишь, как поёт ветер?

— Отсюда до Тириллтопена далеко? — спросила Аврора.

— Конечно, далеко, как раз это я и хотел, чтобы ты почувствовала. А сейчас мы пойдём вниз обратно к Сократику, ты заснёшь, и завтра тебя будет ждать новый интересный день. Мы как раз будем входить в Вест-фьорд.

Папа на Лофотенских островах

В городе Будё на борт «Гаги» взошло так много пассажиров, что, когда Аврора, Сократ, папа и Только Нильс вошли в кают-компанию, там почти не оказалось места.

В зале они увидели женщину, ехавшую с двумя маленькими детьми. Дети ковыляли и ползали по полу, и ещё там же сидели муж этой женщины и на полу их маленький щенок. Девочка всё время уползала от матери и позволяла щенку обнюхивать себя, щенок даже прикусывал её и вилял хвостом, а маленькая девочка приговаривала:

- Он рад, он рад мне.
- Она говорит на нурланнском диалекте, – прошептал папа.
- Какой интересный у неё выговор, – сказала Аврора самой себе, ей хотелось попробовать произносить слова так же, как эта девочка. Щенок повсюду таскал с собой кусочек кожи, он, наверное, считал его своей игрушкой, подбрасывал в воздух, ловил и пожёывал.

Аврора уселась на стул, а папа, который уже успел побывать на мостики, снял свою новую фуражку, положил её на стул и разговаривал с Только Нильсом, в то время как Аврора наблюдала за щенком и двумя детьми.

Сначала теплоход шёл ровно и очень плавно, но потом они вышли в море – ведь Вест-фьорд, хотя он и назывался фьордом, на самом деле был широким, как море. Сократ и Аврора стояли на коленках каждый на своём стуле и смотрели в окна, наблюдая за волнами.

- Они были белыми на гребнях и одна больше другой.
- А я вынырнула из-под своей волны, – сказала Аврора. – Я из-под своей вынырнула. А ты, Сократик?
  - Я тоже вынырнул. – И Сократик скатился со стула.
  - Нам, наверное, лучше сесть и держаться покрепче, – сказала Аврора.

Теперь она поняла, почему все стулья, диваны и столы в кают-компании были прикованы к полу железными кольцами: ведь все они проявляли большое желание поскакать по полу. Ах, как было бы интересно и, наверное, даже весело, если бы они могли свободно передвигаться куда хотят. Вот уж они потолкались бы.

— Давай попробуем постоять на полу, а, Сократик? — предложила Аврора. Но, когда она поднялась со стула, её ноги побежали сами собой. А потом пол впереди как будто поднялся, и ей пришлось бегом поспешить обратно. Сократ попытался проделать тот же путь, но не смог, и тогда он просто сел на пол и поездил туда и сюда, сидя.

— А где же щенок? — спросила Аврора. Щенок спрятался под диваном и лежал там тихо, как мышь, а его хозяин сказал:

— Он, наверное, испугался качки, но, я думаю, он к ней привыкнет.

С этим все согласились, но, после того как их ещё покачало, неожиданно папа вспомнил:

— Да, а где же моя фуражка? Она была у меня на голове, когда я вошёл?

— Да, была, — сказала Аврора. — Но, наверное, свалилась.

— Тогда давайте поищем её. Особенно ты, мастер спорта ходьбы по полу, когда он танцует.

Аврора с Сократом легли на пол и стали высматривать фуражку под стульями, но нигде её не обнаружили. И тогда хозяин щенка сказал:

— А не случилось ли так, что... Да, скорее всего, её уже нашёл мой щенок.

Вот почему щенок вёл себя тихо. Он нашёл для себя игрушку, красивее и больше той, что была у него раньше. Его тут же вытащили из убежища. Он засунул голову в фуражку, словно собирался стать моряком.

— А ведь он съел подкладку, — сказал мужчина. — Ах, как жаль!

— Ничего, ничего, — сказал папа. — Хорошо ещё, что он ею ограничился. Подкладку я заменю, а в остальном фуражка осталась целёхонька. До кожи он не добрался.

Кожаный верх фуражки щенок, по-видимому, отложил на потом, сначала следовало избавиться от подкладки.

— Ах, как нехорошо, — пожурил его мужчина.

— Он ещё маленький и не понимает, что делает, — сказал папа. — Всё нормально. Я отнесу фуражку в каюту, чтобы он больше о ней не думал.

Потом они сошли на берег в Свульвере и с сожалением расстались с «Гагой» и Только Нильсом. С «Гагой» они попрощались, когда сошли с теплохода на пристань, а с Только Нильсом — попозже, он помог папе донести чемоданы до гостиницы.

Когда они прощались в гостинице, Только Нильс стоял и переминался с ноги на ногу: он ведь ехал дальше и боялся, что опоздает на теплоход. Но потом вдруг полез в карманы пальто и вынул два свёртка. Один он торжественно вручил Авроре, а другой – Сократу. Это были два одинаковых деревянных кораблика. На одном стояло название «Лоцман Аврора», а на другом – «Капитан Сократ». Названия Только Нильс написал тушью.

– Мы не будем устраивать печальные проводы, – сказал папа. – Очень может быть, что вы приедете к нам в гости, когда мы на месте устроимся.

– Мы уложим вас спать на пол, – пообещала Аврора. – Мы ведь с Сократиком тоже ляжем на полу, кровати есть только у папы и мамы.

– Что-нибудь придумаем. И для вас обоих, и для Только Нильса, – обнадёжил папа.

– Спасибо за прекрасное общение в дороге и до свидания в Фабельвике, – грустно вымолвил Только Нильс.

– Мы помашем тебе на прощание, – утешила его Аврора.

Снаружи уже темнело. Когда Только Нильс уходил от них, разглядеть его было трудно, но они всё равно помахали ему, потому что, если они его почти не видели, он, наверное, хорошо видел их силуэты в окне.

– Сейчас мы ляжем спать, – сказал папа, – а завтра встанем рано, как только рассветёт, и увидим ещё один край Норвегии.

– Он новый? – спросила Аврора.

– Для нас он новый. Хорошо, что сейчас темно и мы не знаем, что увидим, когда проснёмся. – Папа стоял у окна до тех пор, пока не заснула Аврора. Но разве не стоял он у того же окна, когда Аврора проснулась?

– Ты стоял здесь всю ночь? – спросила Аврора.

– Нет, что ты. Я спал много часов. Идите сюда, оба!

Перед ними расстилалась гавань с множеством рыбацких катеров. Их было так много, что они стояли рядом бок о бок и только крайние были причалены к пристани. В гавани стоял целый лес мачт, и рыбаки с катеров перекликались друг с другом, после чего, стучая моторами, их вереница потянулась в море курсом на Вест-фьорд.

– Они отправились в море за рыбой, – сказал папа. – И будут качаться на волнах целый день. Ох, как мало я о них знаю! – спохватился он. – Я много

знаю только о древних греках, которые жили тысячи лет назад, а вот о норвежских рыбаках, которые живут сегодня, не знаю почти ничего.

Они поели, папа надел на себя шляпу, взял под мышку фуражку, и они пошли в город. Они шли вдоль моря.

— Смотри! — сказал папа. — Вот это и есть настоящая «гага». — И он указал на крупную птицу, белую с чёрным, точно такого же цвета, как теплоход, на котором они сюда приехали. — А вот это — его самочки. — И папа указал на точно такую же, но только коричневую птицу. — Ну вот, мы уже кое-что узнали. Теперь пойдём и починим мою фуражку!

Они зашли в магазин, где продавались рыболовные принадлежности, и папа подал фуражку человеку, стоявшему за прилавком.

— Ну такой починкой я не занимаюсь, — сказал продавец, — но моя жена — рукодельница. Заходите! Мы угостим вас кофе, пока вы будете ждать заказ.

— Может, не стоит её из-за такой пустяковины беспокоить? — засомневался папа.

— Всё в порядке. Она будет рада. Увидите, фуражка будет как новая!

Так и получилось. Жена продавца широко улыбнулась, увидев Аврору, папу и Сократа. Она тут же поставила кофе, нашла иголку, нитку и кусок шёлка и занялась шитьём. Они с папой заговорили, и её муж заходил в комнату всякий раз, когда в лавке не было посетителей. Беседа шла бодрая, все шутили, смеялись и получали от общения массу удовольствия. Можно было подумать, что они знали друг друга издавна.

Через час папа уже выходил из магазина в фуражке и со своей шляпой под мышкой.

— Пошли, перейдём через этот большой мост! — сказал он.

Аврора взглянула вверх.

— Надо же, показалось солнце!

— А как же, — улыбнулся папа. — Взгляни на горы, Аврора! Вершины у них стали розовыми. Солнца здесь не было, наверное, уже недели четыре, и вот оно появилось снова и вас приветствует.

Но солнце тотчас же скрылось. На него на полной скорости налетело облачко.

— Здесь погода меняется каждую минуту, — говорил папа, — вот что самое интересное.

И точно. Когда они дошли до середины моста, погода снова переменилась. Это было не просто интересно, а дух захватывало. Задул такой сильный ветер, что папе пришлось удерживать Аврору с Сократом.

Пока они стояли в такой позе, проезжавший мимо автомобиль затормозил и остановился.

— Залезайте! — услышали они голос. За рулём в машине сидел человек, который махал им рукой.

— Ты его знаешь, папа? — спросила Аврора.

— Нет, но мне очень хочется принять его приглашение.

— Вы такие озябшие, — сказал водитель. — Наверное, с юга?

— Да. — И папа тут же рассказал, что они ждут здесь маму.

— Я развозжу кое-какую мелочь, — сказал водитель. — Если хотите, поедем со мной, я немного покажу вам Лофотены.

— О таком мы даже не мечтали, — обрадовался папа. И чуть поправил на голове фуражку.

Человек предложил показать им местность – совсем немного. Но Авроре и Сократу показалось, что они едут среди гор целую вечность, пока машина не добралась до одного-единственного одинокого домика. Потом они двинулись дальше и ехали ещё столько же, пока не увидели другой одинокий домик. Ещё минут через десять они увидели сразу с десяток старых построек, и водитель рассказал им, что это – развалины старой рыбачкой деревни. У тех, кто жил в ней, не было своей пристани, и каждый раз, когда к вечеру задувал ветер, рыбаки бежали на берег и отправлялись подальше в море, чтобы буря не разбила их лодки о скалы.

– Понимаешь, Аврора? – взволнованно говорил пapa. – В темноте подвой ветра и по высоким волнам они уходили в море, чтобы их лодки не разбило о берег.

- Я поняла всё, что ты сказал, поэтому повторять мне необязательно.
- Понял, – сказал пapa. – Прошу прощения.

Аврора выглянула в окно.

- Волны волосатые, – сказала она.

Пapa сначала не понял, что она имеет в виду, но потом увидел. Прибой, набегавший на берег, отступая, оставлял длинные линии пен, похожие на белокурые волосы.

- Я сейчас еду в Кабельвог. Хотите со мной? – предложил водитель.
- Мы поедем с вами куда угодно. Мы же здесь никогда не были.

Когда они въехали в деревню, которая называлась Кабельвог, пapa сказал:

- Смотри, Аврора, сколько здесь прекрасных старых домов!
- Я пока поеду и развезу товары, а вы можете погулять. Здесь очень любопытный волнорез.
- Я бы с удовольствием зашёл в местные магазины, – сказал пapa, – но у нас нет с собой денег, так что мы этого делать не будем.
- Смотри! За нами кто-то идёт, – прошептала Аврора.

Пapa обернулся и увидел идущих за ними пятерых детей. Они шли тихо и смирно и не сводили глаз с Авроры и Сократа, им было интересно, что за новые дети появились у них в деревне.

- Может, вы покажете нам дорогу к волнорезу? – спросил пapa.

Да, они с удовольствием их проводят. Дети указывали пальцами, разговаривали между собой, глядели на Аврору, а Аврора глядела на них, ведь они были такие симпатичные!

Когда они дошли до волнореза, ветер вдруг так сильно задул, что папа едва удержался на ногах.

— Вы оставайтесь здесь. Дальше я отправлюсь один, — сказал он детям.

Они послушались, Аврора с Сократом — тоже, и, пока папа знакомился с волнорезом и смотрел на волны, Аврора познакомилась с детьми.

— Я бы с удовольствием жила здесь, — сказала она, когда усаживалась в машину.

— Когда-нибудь мы ещё приедем сюда, — пообещал папа. — Все говорят, что следует приезжать летом, тогда здесь ещё прекраснее.

Вечером на рейсовом теплоходе приехала мама.

— Ты выглядишь сейчас таким счастливым и чуточку неразумным, Эдвард. В точности таким, как тогда, когда сделал мне предложение.

— Ничего удивительного, — ответил папа. — Во-первых, я снова вижу тебя после разлуки, и, во-вторых, я скажу тебе всё как есть. Я влюблен.

— Что ты говоришь? — изумилась мама.

— Я влюбился в Лофотенские острова.

«Молодец»

Аврора и вся семья Теге погрузились на рейсовый теплоход и продолжили своё путешествие дальше на север. Аврора почти не помнила, как они добрались до Фабельвика. Они сошли с теплохода посреди ночи, и Аврора запомнила только, что папа поставил все их десять чемоданов в какую-то комнату, похожую на зал ожидания. Залом ожидания эта комната была ночью, а днём превращалась в обычновенное кафе. Папа положил на чемоданы пальто, и Аврора с Сократом на нём спали, а папа с мамой в это время сидели на стульях, тихо разговаривали и дремали.

Утром они сели на местный катер, и тогда папа сказал, что они едут сейчас не на север, а в Нурланн, на юг. Аврора в таких сложностях не разобралась,

но поняла одно, теплоход в Фабельвик не ходит, и до него надо добираться на катере. На этом судне тоже были каюты, двигатель, камбуз и палуба, как на рейсовом теплоходе, только всё это намного меньших размеров. И осмотрели они его быстро. Катер, конечно, был маленьким, но назывался «Молодцом». Он шёл медленно из-за того, что заходил во все до одного поселения, которые иногда состояли всего из нескольких домов, но всегда имели причалы, на которых стояли и приветствовали судно местные жители, и никто бы не мог сказать, что «Молодец» не трудился изо всех своих сил. Голосок у него, конечно, не шёл ни в какое сравнение с густым и протяжным гулом рейсовых теплоходов. Он, скорее, издавал не три гудка, а три тявканья, и Сократ заливистого тявканья не боялся.

- Вав, вав, вав, – говорил «Молодец».
- Вав, вав, вав, – отвечал ему Сократ, они словно разговаривали на одном языке.

Они ехали на катере всего восемь или десять часов, и для них, привыкших путешествовать много дней и ночей, время прошло быстро.

Авроре было жалко покидать катер.

- Вполне может быть, что мы ещё поездим на нём, – говорил папа. – Так что долгого прощания с «Молодцом» мы устраивать не будем, просто скажем ему «до свиданья».

И вот мама, папа, Аврора и Сократ уже стоят на пристани Фабельвика и не знают, что же им делать. Ведь никто ещё не знает, что они прибыли на место назначения мамы. День клонился к вечеру, уже темнело. Так куда им идти с десятью чемоданами?

- Постоим здесь и посмотрим, как отойдёт «Молодец», – сказала Аврора. Всё вокруг было такое чужое, а «Молодец» – он был как-никак всё-таки свой, они к нему успели привыкнуть.

– Что ж, постоим, – согласился папа. – Я пойду и поговорю вон с теми мальчиками и узнаю у них, далеко ли до дома судьи, куда нам сейчас нужно попасть, и можно ли здесь найти такси.

– Это вы наш новый помощник судьи? – спросил один юноша, который долго глядел на папу.

– Ну не совсем я, – ответил папа. – Помощник судьи – это моя жена. Вы знаете, где живёт судья?

— Конечно. Мы вас проводим.

«Молодец» вёз много ящиков, бандеролей и пассажиров, он быстро дал три гудка и пропал в темноте. Теперь у Авроры и Сократа не осталось ничего, что связывало их с долгой дорогой. А вот их папа ничуть не растерялся, его сразу же окружила молодежь, юноши и девушки, они разговаривали с ним и смеялись. Папа сказал:

— Знаешь, Мари, люди в здешних местах знакомятся быстро. Они проводят нас и отнесут чемоданы, так что пошли!

Мама взяла Сократа и Аврору за руки и пошла. Папа со всеми остальными шёл впереди, и мама сказала:

— Очень грустно, что помощником судьи стал не папа. Он так хорошо ладит с местным населением, а я веду себя как последняя дура. Я приехала сюда работать, но вдруг никто не захочет со мной общаться? Видишь, молодые люди общаются только с папой, и неизвестно ещё, где мы устроимся на ночь.

— Мы же с тобой общаемся, — поддержала её Аврора. — Не расстраивайся!

Она понимала, что мама говорит так от усталости, она просидела всю ночь на стуле без сна.

Они шли по узким улочкам, поднимаясь в гору. В домах приветливо светились окна, и Аврора думала: вот здесь тоже живут люди. Те, кого она ещё ни разу не видела. Интересно, как они выглядят? Ей хотелось, чтобы они все показались в окнах.

Наконец они подошли к нужной калитке, папа и остальные вошли. Дом судьи стоял на пригорке. Это было довольно большое здание, и к его двери вела широкая лестница.

— Давайте оставим чемоданы внизу, — предложил папа. — И всем вам, ребята, большое спасибо! Я пойду постучу, и мы узнаем, где нам этой ночью устраиваться.

Юноши и девушки ушли, а Аврора, Сократ, мама и папа поднялись по лестнице.

— Ой, у меня так разболелся живот, — сказала мама, — и я немного боюсь. Сейчас к нам выйдет мой начальник, а я не знаю даже, где мы остановимся. Эдвард, может, пойдём назад и отыщем какую-нибудь гостиницу?

— Ну что ты, Мари. Это на тебя не похоже. Ты ведь не боишься людей и всегда вела себя смело.

— Нет, я всё-таки не такая смелая. Я вела себя во время поездки как последняя дура и сейчас начинаю бояться всего на свете.

— Ну, ну, — успокаивал её папа. — Будем принимать неприятности по мере их поступления.

Он нажал на кнопку звонка, дверь открылась, и на пороге появилась женщина, всплеснувшая руками.

— Я так и думала, что вы приедете, — заговорила она. — Мы ждали вас ещё вчера, хотя знали, что вы запаздываете. Входите, пожалуйста! Бедные детки! Вы ехали так долго! Сейчас мы вас накормим и уложим спать. Пройдите! Томас, они приехали. Выходи и знакомься со своей помощницей!

Из большой двери вышел седовласый мужчина в очках и сказал:

— Добро пожаловать! Вы — Мари Теге! Надеюсь, что вам у нас понравится. Контора — на втором этаже, но обо всём этом мы поговорим завтра. Входите и раздевайтесь! Вы, наверное, с ног падаете от усталости — тем более дети.

Он поздоровался с папой, а когда увидел Аврору, низко ей поклонился, пожал руку и представился:

— Меня зовут Томас.

— А меня — Аврора.

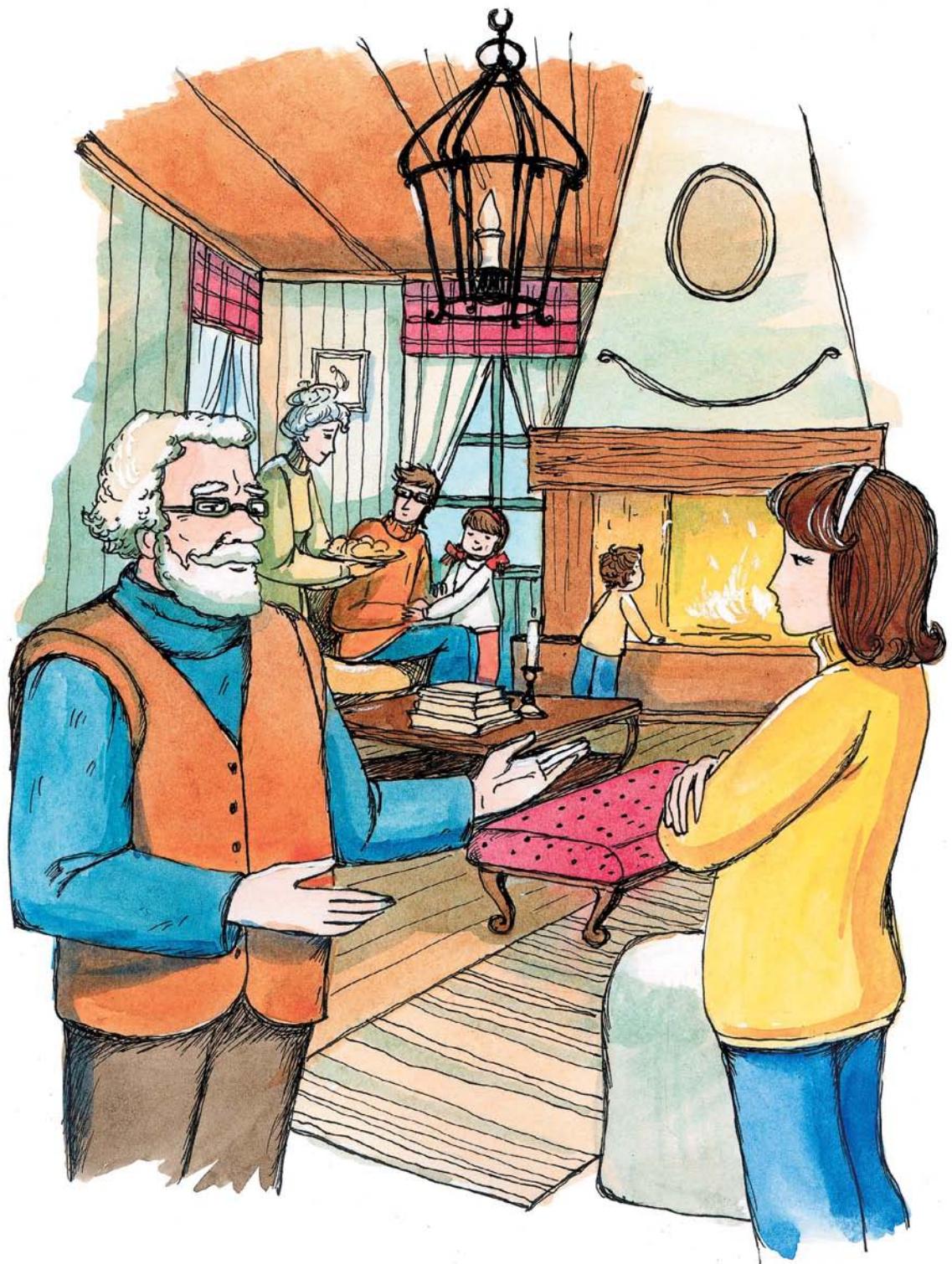
— А меня — Сократ и ещё Нильс, — сказал Сократ и поклонился так же низко, как и сам судья.

— М-да, — кашлянул папа, — у нас там, внизу, чемоданы. Мы не принесли их с собой, потому что ещё не знали, где заночуем.

— Несите их сюда! — приказала хозяйка. — Как приятно, что вы взяли с собой ребятишек. Давно уже под нашей крышей не жили детки. Наши приезжают теперь только летом, но уж летом-то появляются обязательно, всё-таки их тянет на север. Хотя работают они в разных частях страны, с этим ничего не поделаешь. Самый младший готовится стать врачом, и он говорит, что вернётся и будет доктором в Фабельвике.

— Вы ведь тоже не отсюда, — сказала мама. — Вы говорите, как мы.

— Да, конечно. Мы тоже с юга, как вы. Но это не главное. Мы здесь осели, чуть было не сказала я. Мой муж приехал сюда в качестве помощника судьи, в точности как вы, и нам так здесь понравилось, что мы дали друг другу слово никуда отсюда не уезжать. Надо же. Мы уже пожили в Финмарке, и в Тромсе. А сюда переехали несколько лет назад и здесь останемся.

Сейчас я оставлю вас и пойду на кухню, надо же вас покормить. А вы пока побеседуйте.

Аврора никогда ещё не видела такой просторной гостиной. В ней, наверное, поместились бы десять гостиных из Тириллтопена. На стенах под высокими потолками висело много картин и полок с фарфоровыми фигурками. За один раз рассмотреть их было бы невозможно. Обогревалась гостиная большим камином, Сократу он понравился больше всего, ведь дома в Тириллтопене у них стояли не слишком красивые батареи. Сократ встал к камину как можно ближе и глядел на языки пламени, облизывающие поленья и тянувшиеся вверх, где они исчезали в темноте печной трубы.

— У меня загорелся нос, — сказал Сократ.

— Повернись, чтобы погреть затылок, — посоветовала ему мама.

Сократ повернулся, но ненадолго: ему снова захотелось погреть нос, ведь тогда он видел живой огонь. Тут в гостиную вошли папа с судьей Томасом. Они уже сделали несколько рейсов вниз и вверх по широкой лестнице, внося чемоданы в дом.

— Чемоданы — только часть нашего груза, — сказал папа. — Хотя вообще-то мы не берём с собой в поездки так много вещей.

— Ну понятно, — ответил Томас. — Вы видели внизу у ворот небольшой дом? Сейчас темно, но утром вы его увидите. Вот там вы и поселитесь.

Хозяйка поманила к себе Сократа и дала ему в руки гонг.

— Попробуй-ка, постучи в него!

Сначала Сократ осторожно ударил в гонг, но потом набрался храбрости: все должны понять, что накрытый хозяевами стол — это дело серьёзное.

Аврора охотно принялась за еду, на катере «Молодец» была хорошая кухня, но мама с папой берегли дорожные деньги, они уже подходили к концу.

А теперь им накрыли стол, взрослые разговаривали между собой, а Аврора с Сократом ели. Сократ очень устал с дороги, глаза его слипались сами собой, но он всё равно ел.

— А теперь вы, наверное, уложите детей спать, — поинтересовалась хозяйка.

— Да, конечно, — ответила мама.

— Я провожу Сократа, — сказал папа. — И ты Аврора, тоже пойдёшь с нами.

— Я вам всё покажу. Ты хочешь, чтобы я уложила тебя, Сократ? — предложила хозяйка.

Сократ постоял и немного подумал. Потом он ответил: «Да». Он не сразу согласился на предложение. Он сначала подумал и лишь потом сказал «да», чему хозяйка очень обрадовалась.

— Пойдём вверх по лестнице, — сказала она. Они вошли в коридор, но не такой узкий и длинный со множеством дверей с обеих сторон, как в корпусе «Ц». Ничего подобного. Этот походил на большой зал с картинами на стенах и множеством дверей, но не таких, которые словно бы маршируют строем по стенам. Одна дверь в одном месте, другая — в другом, ещё две — рядом друг с другом, и ещё одна — в самом конце коридора.

— Вот здесь я уложу вас, дети, — показала хозяйка и завела их в маленькую уютную комнатку с двумя кроватями одна за другой. На стенах висело никак не меньше картин, чем в коридоре, на полках стояли книги, на полу красовался коврик, а в глубине уютно потрескивала небольшая железная печка. Сократ сел перед ней на корточки и попытался заглянуть внутрь через маленькое отверстие в дверце.

— Она что-то говорит там, внутри, — сказал он.

— Это огонь разговаривает с полешками, — объяснила ему Аврора.

Через некоторое время они, уже умытые, сидели в своих кроватях, а хозяйка им говорила:

— Надеюсь, вы хорошо выспитесь, а чтобы получше заснуть, попробуйте пересчитать окна и двери в доме.

В комнатке с одним окном и одной дверью это оказалось нетрудно. Сократ улёгся, хотя больше всего ему хотелось сидеть на корточках перед печкой, но он уже слишком устал и решил не вылезать из постели. А Аврора лежала, бодрствуя. Всё здесь было так ново. В комнатке было темно, и откуда-то до неё доносились незнакомые звуки. Дом был ужасно старый и немного поскрипывал. Авроре не хотелось лежать одной, но она не осмеливалась встать с постели. Во всяком случае, одна. Но вот, если завернуться в одеяло, сделав из него домик, можно, пожалуй, с кровати слезть. Она тугу завернулась и сначала встала на пол одной ногой, а потом очень быстро — другой. И пошла к двери. Когда она вышла в тускло освещённый коридор, то вздохнула свободнее. Но светло в коридоре было только на этом месте,

одной лампы на потолке, чтобы освещать весь длинный коридор, не хватало, а тёмных закоулков в нём притаилось множество. И без железной печки здесь было довольно холодно. Может, стоит немножечко посидеть на ступеньке лестницы? Она слышала доносившиеся снизу голоса папы и мамы. Ей не хотелось заходить к ним, но становилось всё холоднее. Тогда она, переступая по ступенькам, спустилась вниз. Теперь она отчётило слышала голоса папы, мамы и хозяев. Аврора так туга натянула на себя одеяло, что сделалась совсем маленькой и будто под ним исчезла. Потом она легла у двери и потихоньку заснула. Мама с папой так оживлённо разговаривали, что засиделись допоздна. Потом они пошли спать. Папа споткнулся о лежащий рулон.

— Ой, что это такое? — воскликнул он.
— Это Аврора, — сказала мама. — Мы иногда забываем, что она ещё маленькая. Наверное, ей показалось непривычно спать в чужом доме, и вот она легла здесь, чтобы слышать наши голоса.
— В самом деле, я не рассказывал ей ничего интересного этим вечером, — сказал папа. — Но завтра утром мы это исправим.

Он отнёс её наверх, и, когда Аврора проснулась на следующее утро, она обнаружила, что спит у себя в кровати. Они с Сократом встали и начали свой первый день жизни в городке Фабельвик.

За кроватями

Аврора стояла и глядела в окно.
— Сократик, смотри! Там горы!

Горы были синие-синие, ведь солнце ещё не взошло и горы не желали пока ещё раскрывать перед Авророй все свои тайны.

К ней подошёл папа.
— Как ты думаешь, Аврора, мы пойдём с тобой в горы — в эти горы? Перед нами — весь Фабельвик. В нём так много интересного, что я сгораю от любопытства. Но нам нужно сначала встать, спуститься вниз и осмотреть наш будущий дом. В нём жил рыбак. Судья рассказал мне, что у него в семье

было двенадцать детей. Сейчас они все взрослые, а некоторые из них даже успели состариться.

Когда они спустились вниз на завтрак, мама и судья Томас уже ушли в свои конторы, так что на кухне оставалась только жена судьи.

— Тебе приснилось что-нибудь особенное сегодня, Аврора? — спросила она.

— Да, мне приснился «Молодец». Папа говорил мне, что мы, может быть, на нём ещё поплаваем.

— Конечно. Если вам нужно будет приобрести что-нибудь особенное, «Молодец» доставит вас в город, где много магазинов. Хотя у нас в Фабельвике тоже можно купить всё необходимое.

— Понятно, — сказал папа, — но только после того, как мы обоснуемся у вас по-настоящему.

Аврора знала, почему он это сказал. Папа говорил ей, что им придётся чуточку экономить, пока мама не получит зарплату, а до неё оставался ещё целый месяц. Деньги любят труд.

После завтрака они пошли осматривать дом. Он был бледно-зелёного цвета — почти белого, с коричневыми рамами и подоконниками, хотя красили его так давно, что, когда Сократ ткнул пальчиком в стену, краска задралась и сухой закорючкой упала вниз.

— Мы поставили в дом вашу мебель, которую привёз грузовик, — сказала жена судьи. — Единственное, что мы сделали ещё, — это попросили рабочих поднять кровати на второй этаж, чтобы избавить вас от лишних трудов. Вы сами расставите мебель в своё удовольствие. А теперь я пойду! Вам есть чем заняться. Но ещё одно. У вас же нет детских кроваток?

— Нет, — согласился папа. — Мы решили купить их на месте, когда приедем сюда. Но с этим можно повременить.

— Понятно. У меня есть три детские кроватки на чердаке, так что даже не думайте их покупать. Деньги вам ещё понадобятся.

— Это уж точно, — обрадовался папа.

— У меня есть и матрацы к кроваткам. Только их надо снять с чердака как можно скорее, чтобы проветрить. Так что, я надеюсь, дом вам понравится. Он не современный, но, как я считаю, очень уютный, и предыдущий помощник судьи настелил в нём новые полы, так что жить в нём будет удобно.

— Мы попали как в сказку, — сказал пapa. — Подумай, Аврора, у нас будет свой собственный дом! Мы никогда ещё не жили отдельно.

— Я рада вашим словам, — улыбнулась жена судьи. — Я боялась, как бы вы не оказались из тех, кто вечно всем недовольны. Вам понравится в Фабельвике.

После этого хозяйка ушла, а Аврора, пapa и Сократ зашли в крошечную прихожую с множеством деревянных крючков на стене. А потом они прошли в гостиную, примерно вдвое меньшe, чем была у них в Тириллтопене, но с двумя окнами: одно с видом на далёкие горы и другое — на море.

— Я ничего тут менять не буду, — сказал пapa. — Буду только сидеть и наслаждаться видами.

— А вот и пианино, — показала Аврора. Оно стояло в упаковочном ящике на полу.

— Ах, как же хорошо, что его уже доставили, — сказал пapa.

— И садовая скамейка тоже тут, и стол... — продолжала Аврора.

Кухня была маленькая, но в ней стояла очень большая скамья. Плита тоже располагалась здесь, а рядом с ней — старая плита, которая отапливалась дровами, с множеством конфорок и чёрной трубой, пропадавшей в потолке. Жена судьи поставила в гостиной электрическую печку, а вот на кухне было

довольно холодно. И на втором этаже, куда они взошли по маленькой и крутой лестнице, стояла такая стужа, что был виден пар от дыхания. Здесь располагались две комнаты, и в обеих стояли железные печки. В одной стояли ещё кровати папы и мамы, а другая, с синими стенами, коричневым полом и белыми подоконниками, пока пустовала. Здесь будут жить Аврора с Сократом.

— Посмотрим, как всё это будет выглядеть, когда мы поставим кровати, — сказал пapa, — и повесим шторы в красную клеточку. Это будет роскошно!

— У нас совсем не осталось денег? — спросила Аврора.

— Немного. Но теперь нам не нужно будет покупать кроватки для вас, так что мы пройдёмся по магазинам и накупим всякой мелочи, которую покупать всё равно придётся. А сейчас сойдём вниз и посмотрим, сможем ли мы освободить из ящика пианино.

Это оказалось совсем нетрудно. Нужно было только сдвинуть несколько засовов, и пианино освободилось. И, хотя оно пока ещё стояло в центре комнаты, за него вполне можно было садиться.

— Дадим наш первый концерт в новом доме! — торжественно произнёс пapa. Он поднял руки и стал играть, но очень быстро остановился.

— Что случилось? — недоумевал он. — У пианино пропал голос.

Он снова начал играть, но пианино звучало по-прежнему очень странно.

— Оно, наверное, в дороге состарилось? — предположила Аврора.

— Нет, оно только расстроилось. Найдём настройщика, он поработает над ним, и всё снова будет в порядке.

— А сейчас мы пойдём на чердак, — сказала Аврора. Её страшно интересовало, какую кроватку она получит. — А где Сократик?

— Пипи, пи, — прозвучало с кухни.

Пapa и Аврора вбежали в кухню. Та по-прежнему пустовала, но потом внимание Авроры привлекла одна из дверок кухонной скамьи. Дверка была приоткрыта, и когда Аврора присела на корточки и заглянула в самый нижний ящик, она нашла там Сократа.

— Я исчез, — гордо сказал он.

— Понятно. А что это за маленькие чёрные пятнышки завелись у тебя на свитере? — спросила Аврора.

— Это мышиный помёт, — объяснил пapa. — Значит, так, Сократик. Вряд ли всех нас, тебя, маму, Аврору и меня, устроит проживание в одном

доме с мышами? Мы, конечно, не скажем об этом маме. Вполне может быть, что мыши отсюда уже ушли и чёрные точки внизу скамьи – это их прощальные подарки на новоселье. А теперь пошли!

Жену судьи они нашли на большой кухне.

– Вы, случайно, не знаете какого-нибудь мастера-настройщика пианино? Оно, можно сказать, охрипло, – сказал пapa.

– Как же, знаю, он приезжает к нам раз в году, так что к лету он, наверное, ваше пианино настроит.

– Ага, я всё понял, – огорчился пapa.

– А сейчас мы пойдём на чердак, – сказала жена судьи, – но ступайте по лестнице осторожно: они там, на втором этаже, в своих конторах работают.

Она приложила палец к губам и осторожно пошла к лестнице, одновременно что-то шепча. А Сократу это показалась таким забавным, что он зашикал на жену судьи и заулыбался ей.

Они пошли наверх ступенька за ступенькой, и лестница показалась им такой же узкой и крутой, как та, что была в маленьком доме, где они теперь жили. Хозяйка открыла дверь, и они заглянули на чердак поистине великанских размеров. Там стояли сундуки с одеждой, старые стулья, шкаф и ящики, чёрный письменный стол, тоненький стул и множество картин и кораблей. Но не тех, что ходят в море под парусами, а маленьких, игрушечных, сделанных точно так же, как большие.

– Глядя на них, мне хочется снова стать мальчиком, – сказал пapa. – Тогда бы я забирался на чердак каждый день, тихо сидел бы тут в углу и рассматривал кораблики.

– Тут есть не только старые, но совсем недавние, – сказала жена судьи. – Мы время от времени убираемся и наводим порядок в конторе Томаса и отправляем сюда, на чердак, всё лишнее.

– Вот, смотрите на этот кораблик, как тщательно он сделан! – восхищался пapa. – Как раз такие корабли в старину ходили отсюда в Берген. Тогда их нагружали рыбой, кожей, морошкой и всем прочим. А обратно из Бергена везли разные продукты и одежду, нагружая их трюмы чуть не доверху. Взгляни, Аврора, вот у этого корабля на парусе стоит чёрная метка. Может, попробуешь догадаться, для чего она?

– Это пиратский корабль? – спросила Аврора.

— Нет, — сказал папа. — Когда-то у нас на севере жил такой священник и поэт, которого звали насмешливым именем Петтер Дасс¹. Его все очень любили за то, что он знал и учил, как надо жить на море, как надо рыбачить и как бороться с непогодой. Когда он умер, все так горько его оплакивали, что стали ставить в честь его кончины на паруса чёрный квадрат, и этот чёрный квадрат на парусах кораблей прожил ещё сто пятьдесят лет.

— Да, у него было редкое имя, — согласилась Аврора.

Но тут она вспомнила, что искала и уже нашла. В одном углу стояли детские кровати с оградками. Одна была красная. Аврора долго на неё глядела и сказала:

— У меня ещё не было ни одной красной кроватки.

— Вот и получай эту, — согласилась жена судьи. — На ней собралось много пыли, но мы это поправим легко, лишь бы спустить её вниз по лестнице.

— Я отнесу кровати, — выразился папа. — Буду спускать их по одной зараз.

— Лошадь! — закричал вдруг Сократ. — Смотрите, лошадь!

— Вы держите здесь лошадей? — удивился папа. Он уже увидел на чердаке так много любопытного, что ничуть не удивился бы, если бы здесь и вправду среди старья бродили настоящие лошади.

— Ах да, это старая лошадка-качалка, — сказала жена судьи. — Какая она была раньше красивая! У неё был самый настоящий лошадиный хвост. Сейчас его, конечно, пооборвали, краска облупилась, но вы заметили, что когда-то она была очень красивая?

— Лошадка, — повторил Сократ за женой судьи.

Она внимательно посмотрела сначала на Сократа, потом — на лошадку и наконец сказала:

— Возьми её на время. Я не могу её тебе подарить, ведь она принадлежит нашему младшему мальчику. Тому самому, кто собирается стать доктором в Фабельвике. Очень может быть, что он захочет взять её себе, если у него когда-нибудь родится мальчик или девочка. Но пока, Сократ, ты можешь ею пользоваться. Только нужно за ней ухаживать и не оставлять на дворе в непогоду.

— Я возьму её на время, не навсегда, — учтиво сказал Сократ.

---

¹ Дасс по-норвежски — «уборная».

— Вот ведь какой ты разумный, — похвалила его жена судьи. — Я понесу её, если твой пapa справится с кроватью.

На чердаке стояли ещё две кровати — белая и синяя, и Сократ выбрал белую, потому что на ней у изголовья был нарисован корабль с раздувавшимися парусами. Так и решили. Спускали кровати по одной, и на долю папы сначала пришла красная. Жена судьи взяла деревянную лошадку и повернулась с ней к лестнице. Папа шёл по лестнице первый, держа кровать перед собой. Она была довольно тяжёлая, но папа храбро улыбнулся и шагнул на ступеньку. За ним шла жена судьи, и как раз, когда папа одолел несколько первых ступенек, он чуть повернулся и взглянул на Сократа. А Сократ смотрел только на свою лошадку, а не на лестницу. Он свободно опускал ноги на ступеньки и улыбался лошадке.

— Сократик! — закричал папа. Он выпустил кровать и поймал Сократа в тот миг, когда нога мальчика продолжила своё движение в воздухе. Сократа поймали на лету, но вот красная кровать, застучав по ступенькам, обрушилась вниз. Она верой и правдой служила хозяевам много лет, то теперь время взяло своё. Казалось, что по крутой лестнице скатывается не меньше десятка кроватей, и из кабинетов на втором этаже выскочили и судья, и мама, и ещё двое служащих, все они остановились и задрали головы вверх.

— Да это же только мы, — успокаивала их жена судьи. — Мы хотели сойти как можно тише, но тут эта кровать...

— Это не кровать, а Сократ, — поправил её папа.

— Как? Сократик упал? — воскликнула мама.

— Нет, нет, но, если бы я не выпустил из рук кровать, упал бы Сократик, — объяснил папа.

Удивительно, но красная кроватка осталась целёхонька. С неё лишь в немногих местах облупилась краска.

— Да, в старые времена работали по-настоящему, — довольно заметил Томас. — Если бы с такой высоты упала современная кроватка, от неё остались бы только щепки.

— Ну раз уж мы вас потревожили, — сказала хозяйка — вы не откажетесь нам помочь и снести вниз ещё одну кровать и матрацы?

Она не хотела, чтобы папа повторил трюк с кроватью.

Красную кроватку отмыл папа, белую – жена судьи, а деревянную лошадку – Аврора с Сократом. Матрацы поставили у стены, и железная печка нагрела их, как могла, что заняло довольно много времени, потому что, если выостояли на чердаке всю долгую зиму, прогреть вас как следует нелегко. Вечером, когда Аврора лежала в своей новой кроватке и выглядывала папу между столбиками оградки, ей показалось, что она познакомилась с ней как следует. А Сократ, привязав красным шарфиком лошадку к своей кровати, спал спокойно.

На суше и на море

А эти спали, а внизу сидели папа и мама. Это был первый вечер в их новом доме, но папа сесть за пианино пока ещё не решался. Ничего, он подождёт наступления лета, ничего страшного не случится, мама с папой и так были заняты, они выбирали, где поставить садовую скамейку и где и как будут стоять стол и стулья. Папа взял с собой из дома множество книг, а вот полки не взял, так что и их тоже предстояло устроить. К тому же мама сказала:

– Хорошо бы нам купить какие-нибудь дешёвенькие шторы. Мы ведь сидим на свету, а за окном темно. Вот мне и кажется, что из темноты на меня кто-то смотрит.

– Да, в здешних краях в это время темнеет по-настоящему, – отвечал папа. – Мне тоже как-то не по себе, ведь там, в темноте, может таиться всё что угодно. Завтра мы купим шторы. Я куплю самые дешёвенькие, хотя мне всё же хочется, чтобы они были в красную клеточку.

– Отлично, но лучше ещё прикупить к ним шторки в синюю клетку, а то во всем доме они будут одинаковые. А между окнами должна быть какая-то разница.

– Хорошо, – согласился папа, – а как тебе нравится здешняя служба, Мари?

– Все хорошо, люди вежливые и приятные. Единственное, что тревожит: на следующей неделе я должна буду съездить в командировку. Мы вместе с судьей поедем на катере довольно далеко в море. И я не знаю, как буду себя чувствовать.

— Качели! — воскликнул папа. — Мы как-то о них забыли. Но, наверное, до весны построить их будет сложно. Столбы должны быть устойчивы и уходить глубоко в землю. Об этом, Мари, я ещё подумаю. Наверное, от морской болезни можно избавиться как-нибудь по-другому. Завтра, во всяком случае, я пойду и куплю шторы.

— Но у нас нет швейной машины.

— Ничего, мы справимся. Мы оба умеем шить вручную, а если у меня не будет ничего выходить, ты меня научишь.

На следующий день Аврора, Сократ и папа отправились за покупками в Фабельвик. Они зашли в одну лавочку и обнаружили в ней на полках и на прилавке самые разные ткани.

— Нам нужен материал для штор на четыре, нет — на пять окон, — сказал папа. — Или ещё лучше на шесть. — Папа вдруг вспомнил о маленькой комнатке с умывальной раковиной, из которой они решили сделать ванную комнату, установив в ней душ. — Но шторы должны быть в мелкую клеточку, — добавил он.

Он быстро обнаружил материал в красную клеточку для гостиной, голубую — для спален и жёлтую — для кухни. Теперь, глядя на окна снаружи, мама не ошибётся.

Шторы завернули в большой пакет, и, когда папа выходил из лавочки, он, на взгляд Авроры, был очень доволен. Но, пока ещё они были в лавочке, Аврора увидела в окно показавшиеся над подоконником вершинки двух остроконечных вязаных шапочек. Одна шапочка была красная, а другая — зелёная. Видны были только их кисточки, значит, дети в шапочках были очень маленькие.

Выйдя из лавки, она увидела эти шапочки полностью, хотя они тут же куда-то скрылись, но потом опять вынырнули, после чего Аврора рассмотрела одну детскую физиономию, а за ней и вторую.

Это были две девочки примерно такого же роста, как сама Аврора, и ещё один мальчик и девочка чуть поменьше, ростом с Сократа. Аврора взглянула на девочек, а они — на неё, а Сократ обвёл взглядом их всех, после чего глубокомысленно сказал:

— Дети.

— Ага, — сказал папа и обратился к ним: — Вы, случайно, не знаете, где бы я мог купить карманный фонарик?

Ну конечно, дети об этом знали, пошли рядом с папой и чуть ли не ввели его в дверь магазина.

Когда папа, Аврора и Сократ оказались внутри, Аврора снова выглянула в окно и теперь увидела не только шапочки, а детей целиком. Они стояли с другой стороны окошка и глядели на неё. Одна из девочек была черноволосая, а у другой рыжие волосы горели как золото. Авроре ужасно захотелось поговорить с ними, когда они вышли из магазина, но тогда она не нашла что сказать. А вот золотоволосая девочка нашла.

— Вы с юга? — спросила она у папы.
— Ага, — ответил он. — Мы только что приехали, но будем жить здесь, и я считаю большой удачей, что мы с вами познакомились.

Золотоволосую девочку звали Юханной, а другую — Ракель.
— Мой папа видел вас вчера, когда вы приехали на «Молодце», он выходил тогда на лодке ловить рыбу для готовки, — сказала Юханна.
— Понятно, — сказал папа, — значит, у него есть лодка, да?
— У нас у всех есть лодки. И вы точно можете взять её у него после обеда, потому что папа собрался лечь спать.
— Ну что ж, лодка не хуже качелей, — сказал папа, хотя девочки смысла его слов не поняли.

— Вы хотите спросить его сразу? Он вон там, стоит на углу у магазина.
— Ага. — Папа, правда, сомневался: можно ли так сразу подойти к незнакомому человеку и попросить лодку, но Юханна уже вела его к нему, и папа, который за ней шёл, почему-то подумал, что спросить он об этом у незнакомого человека вполне может. И он спросил. А Юханна вызывалась показать ему лодку: он мог взять её на вторую половину дня, потому что, как она говорила, её отец хотел лечь спать и ходить в море за рыбой он в это время не собирался.

Когда мама в тот день вернулась с работы, её ожидало множество новостей.

— Я уже поиграла с одной девочкой. Мы с ней познакомились, — сказала Аврора. — И Сократик тоже с нами играл. Мы ездили на моих салазках и играли кофейным подносом Юханны. Сократик уже говорит по-нурлански, и мы будем играть с девочками ещё завтра. Но вот другая девочка, Ракель, она почти сразу ушла, а Юханна играла с нами всё время.

— Это здорово, — сказала мама. — А ты, Эдвард, ты знаешь, что сегодня нам пришёл счёт от транспортной компании, которая перевозила нашу мебель, и эта услуга обошлась нам в сто пятьдесят крон. Я уплатила за неё сразу же, мы здесь люди новые, и нужно показать местным, что мы не из тех, кто долги не платит.

— Вот как. Знай я об этом, я бы не покупал карманный фонарик и материал для штор. А теперь у нас и на жизнь мало что осталось. Зато я взял напрокат лодку!

— Что? Зачем ты взял лодку?

— Только на сегодня, — сказал папа. — Мы выйдем в море и поймаем рыбу. Для готовки. Хотя вообще-то я взял её для тебя, ты бы покачалась в лодке на море вверх и вниз и привыкала к нему. Но теперь она пригодится нам ещё для кое-чего другого. Ведь если мы наловим рыбы, мы весь оставшийся месяц проживём припеваючи.

— А у тебя есть леса с блесной? — спросила мама.

— Нет, но мы её одолжим на время. Ты даже не подозреваешь, какие здесь живут приветливые люди — каждый готов помочь.

В этот день в доме у Авроры обедали овсяной кашей, самым дешёвым блюдом, какое только мог придумать папа. Они поели, а потом пошли к лодке.

— Я научился грести, ещё когда был мальцом, — сказал папа. — Так что с лодкой, пожалуй, справлюсь.

— Я тоже немного умею грести, — призналась мама. — А вот того, как ловить рыбу, не знаю. И если даже нам что-нибудь попадётся, вряд ли я посмею втащить улов в лодку.

— Научимся, — уверенно сказал папа. — У меня есть карманный фонарик и большой нож.

На пристани, куда пошёл папа, стояло несколько человек, папа разговаривал с ними, они шутили, смеялись, и недостатка в добрых советах с их стороны не было. Вам надо заехать на лодке вон за тот островок, говорили местные, там рыбы, как крупы в каше. И надо бы идти туда под парусом, а на вёслах папа скоро устанет до смерти. Папа на всё это лишь отрицательно качал головой и сказал, что они всё-таки пойдут за островок на вёслах, так ему привычнее. Он немного повозился с привязью лодки и не без труда, но всё-таки справился с ней, а потом переправил в неё

Аврору и Сократа. Мама запрыгнула в лодку сама. Наконец они отчалили от берега, и это было захватывающе интересно. Ведь одно дело – стоять на мостике рейсового теплохода высоко-высоко над морем, и другое – сидеть в лодке. Даже на маленьком «Молодце» палубу и море разделяло немалое расстояние, а на лодке они сидели прямо на воде, которая так близко плескалась. Аврора с Сократом сидели в лодке тихо, им сказали, чтобы они не баловались. Папа грёб мощно, пусть люди на пристани знают, что он на море не впервые. Но лодка, к счастью, шла быстро, течение относило её в сторону моря, и не прошло много времени, как остававшиеся на берегу стали совсем маленькими, а островок, который казался раньше далёким, был уже рядом.

– Мы сделаем так, – сказал папа, – чтобы оставаться на одном месте, ты, Мари, сядешь на вёсла, ты ведь всё равно рыбы боишься.

– Хорошо, – согласилась мама, – давай поменяемся местами, чтобы держаться на одном курсе и не крутиться.

Мама почти переползла к папе и села на весла, а папа, согнувшись в три погибели, пробрался на место, где она раньше сидела. Мама тоже умела гребсти, и Аврора очень гордилась обоими родителями.

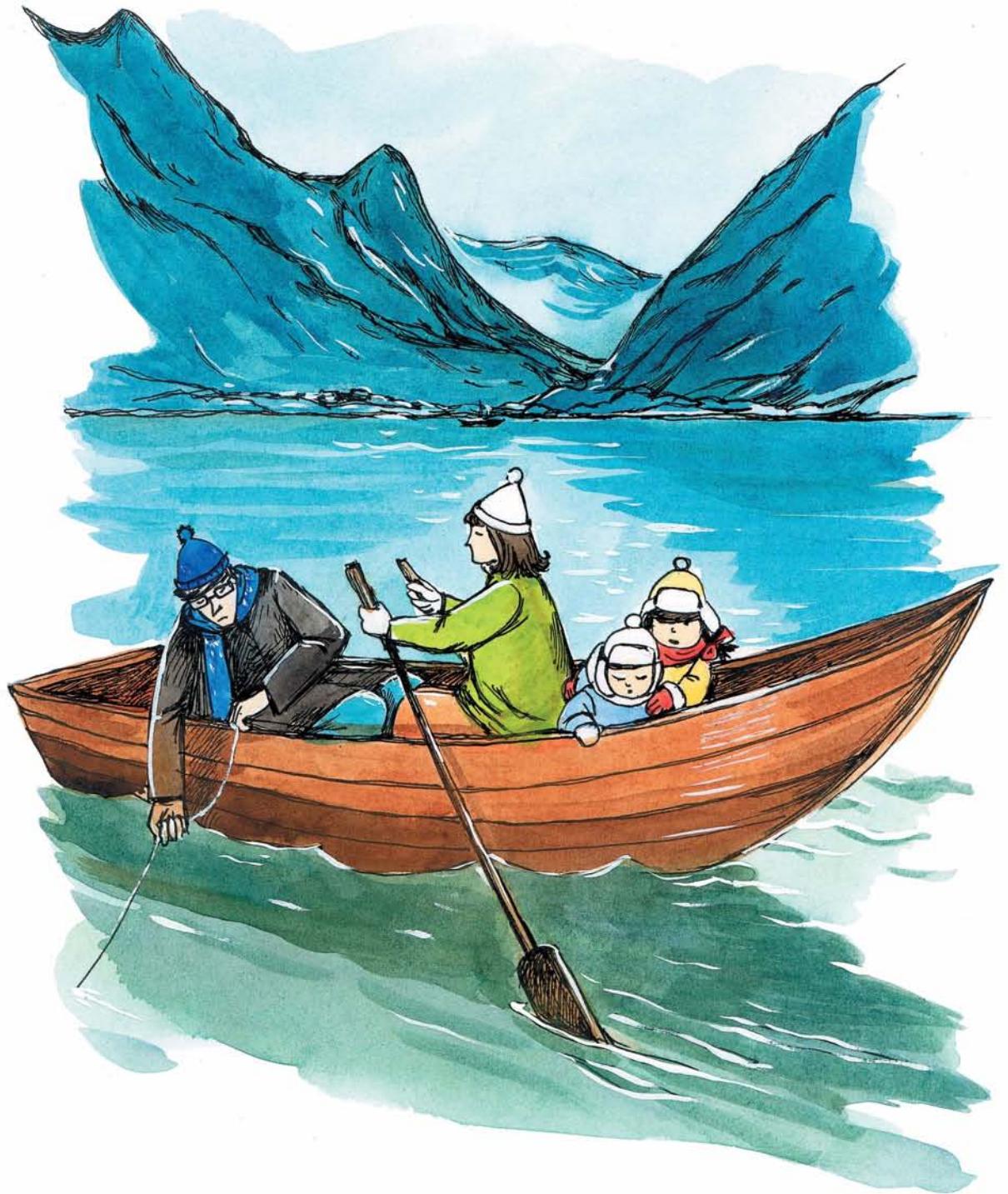
– Сейчас осмотримся. Греби сильнее правым веслом, – говорил папа, – иначе мы в остров воткнёмся.

– Как странно, – говорила мама, – течение несёт нас в море, а ветер относит к берегу.

– Это хорошо, – сказал папа, – иначе мы бы давно уплыли в море – быстрее быстрого... Хорошо, вот леса, а вот и блесна. Посмотрим, что тут у нас получается. Попробуй потабанить, Мари, чтобы леса не лежала так явно на поверхности. Мы уходим от неё, понимаешь?

– Чуть тяжеловато, но я попробую налечь на вёсла изо всех сил.

Мама налегла на вёсла, стремясь удерживать лодку носом вперёд, а папа сидел и напряжённо смотрел на лесу. Аврора смотрела в воду, она была интересная. Вода не была похожа сама на себя. Когда они отходили от пристани, она была блестящей и чуть темноватой, а сейчас – чёрной с маленькими пупырышками. Это когда на неё налетал ветер. Когда они шли за островком – более спокойными и высокими.

— Я кое-что чувствую, — сказал пapa. — Не направляй лодку на лесу! Посмотрим, удастся ли нам поймать завтрашний обед. Больше одной рыбы нам не нужно, если она окажется достаточно крупной, и вот наша кажется мне тяжёлой.

От напряжения мама почти перестала табанить, хотя это ничего не меняло, пapa тянул лесу изо всей силы. Он тянул и тянул.

— Вот она, — сказал пapa, но потом совсем замолчал: поверх борта лодки Аврора увидела самую безобразную морду рыбы, какую она могла представить себе.

— Ой, — вскрикнула мама, — какая она свирепая!

И это была правда. Рыба держалась на папиной лесе, но как раз в момент, когда он должен был полностью вытащить её, она сорвалась с крючка и ушла в тёмную воду.

— Мне кажется, это был бычок, — сказала мама. — Ой, смотри, Эдвард, как далеко мы оказались от пристани! Я считаю, нам надо плыть домой. Ничего, поедим овсянку и завтра тоже. И волны уже стали большими. Я пока ещё не страдаю от морской болезни. Это что-то новое.

— И что? — спросила Аврора.

— Не скажу, — ответила мама. Она повернула лодку носом к берегу и навалилась на вёсла, но сколько бы она ни старалась, они не сдвинулись с места.

— Давай я сяду на вёсла, — сказал пapa, когда он вытянул лесу на борт.

— Нам нужно грести каждому своим веслом, — решила мама, — они такие тяжёлые, что ты даже не представляешь.

— Не глупо, — сказал пapa. — Мы справимся.

— А вот и большие волны, — крикнула Аврора. — Сократик, берегись!

Та волна, на которую она показала, подошла, подняла их и бросила вперёд.

— Вот, теперь грести стало легче.

— Да, Авророчка, ты права, — сказала мама.

Но такие большие волны шли редко, они заходили то с одной стороны, то с другой, словно сами ещё не решили, в какую сторону им катиться. Некоторые дрались друг с другом, какие-то ударяли по лодке со стороны, а какие-то — сзади, и каждая решала, куда лодке плыть, и ещё они набрасывались

друг на друга, и в том месте, где встречались, выплескивались вверх струёй. Папа повернулся и посмотрел на землю.

— Надо же, как далеко мы уплыли. Я за рыбалкой даже этого не заметил.

— Да, — согласилась мама. — Знаешь, Эдвард, что мне кажется. Нужно грести к тому самому островку и постоять за ним и, если погода чуть наладится, снова плыть к берегу. Ты же знаешь, что к вечеру море становится спокойнее.

— Неплохая идея, — сказал папа. — Я сидел и думал точно то же самое. Мы спрячемся за островком, пока не станет спокойнее.

Всё это звучало легко и весело, но папа с мамой гребли, наверное, с пол-часа, пока не подошли к острову и не обнаружили на его берегу расселину, где смогли поставить лодку.

— Вот теперь я рада, — облегчённо выдохнула мама, — всё-таки твёрдая земля кажется мне приятнее.

Твёрдая земля, о которой она говорила, ненамного возвышалась над морем и была целиком как отполированная, потому что по ней время от времени прокатывались крупные волны, омывая всё вокруг и поднимая брызги.

— Надо бы найти место повыше, — сказал папа, — чтобы не промокнуть совсем. И ещё — кофейную турку и спички. Да, кстати, спички у меня есть, но нет турки.

— Тут и дерева тоже нет. Не знаю кому как, но вот от термоса я бы не отказалась, хочется чего-нибудь тёпленького... — размечталась мама.

— И ещё палаток и спальных мешков, — добавил папа. — Во всяком случае, у меня есть карманный фонарик, так что, если станет совсем темно, мы его включим.

— До темноты погода успокоится, — заверила мама.

Но хотя голос её говорил одно, лицо и глаза — другое. Папа был занят тем, что придерживал Сократа, здесь можно было упасть, где угодно, и ни у кого желания купаться не возникало. У Сократа такого желания тоже не было, но он хотел исследовать островок поподробнее, и именно из-за этого папа отправился в поход по островку вместе с ним.

Когда Сократ сделал по островку несколько кругов, он остался доволен и сказал:

— А сейчас поедем домой к лошадке и жене судьи.

— Вот как, — сказал пapa. — В этом что-то есть.

И тут он оглянулся. Именно в этот момент волна выросла перед ним и вслед за ней его обдало таким ледяным порывом ветра, что он едва успел присесть.

— Давайте сядем поближе друг к другу, тогда мы не замёрзнем. Прикроем их с обеих сторон, Мари.

— Тогда с одной стороны будешь мёрзнуть ты, а с другой — мама, — забеспокоилась Аврора.

— Мы будем меняться, — сказал пapa, — так что получится славно.

— Вдруг нам придётся здесь заночевать, тогда завтра, пapa, ты попробуешь порыбачить ещё.

— Хорошо, — согласился пapa. — Или, может, попытаться сейчас? Я попробую забросить лесу вот с этой отвесной скалы прямо в воду.

— А что? Попробуй! — поддержала мама. — Только, пожалуйста, оттуда не упади!

Пapa встал на четвереньки, и теперь все стали думать больше о рыбалке, чем о холода и волнах. Постояв долгое время на четвереньках, пapa сказал:

— Я чувствую, что клюёт. Замрите все!

Он тянул и тянул лесу, и вот на её конце появилась трепещущая рыбёшка.

— Это треска, — радовался пapa. — Аврора, мы всё-таки выловили что-то нам на обед.

Рыбёшка была небольшая, это правда, но пapa решил, что если её пожарить и выложить рядом варёную картошку, обед всё равно получится вкусный.

— Роскошно, — сказала мама. — Но нужно что-то придумать, Эдвард. Скоро уже стемнеет, а ты посмотри на море!

Пapa и так на него смотрел и его слушал. Волны по-прежнему разбивались об островок, а в ушах свистел ветер.

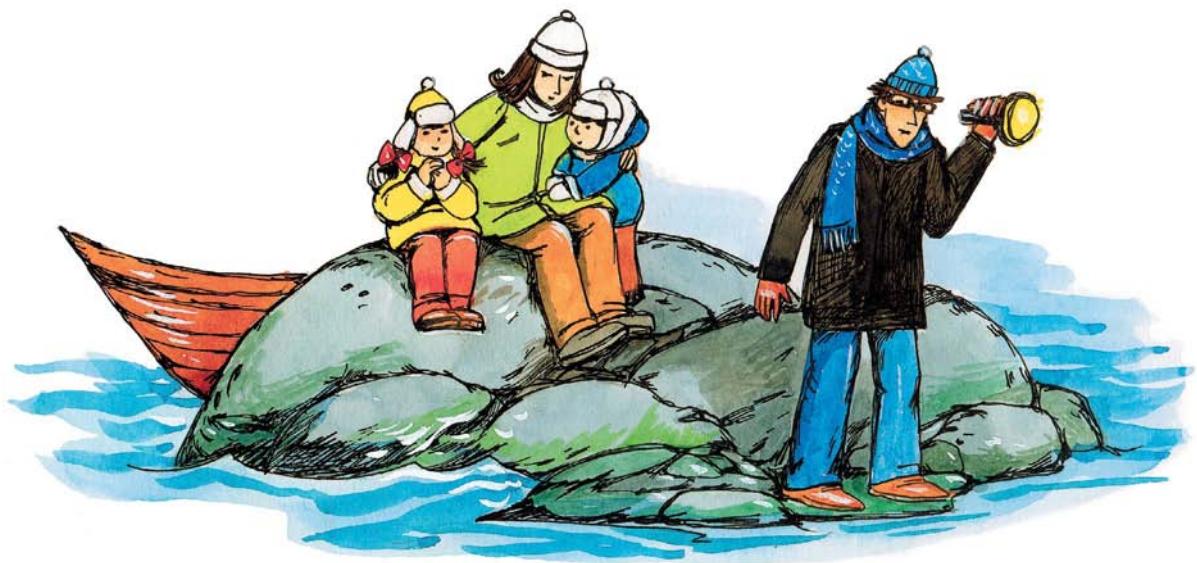
— Нужно попробовать посветить фонариком. — И пapa помигал им в сторону земли.

— Я что-то слышу, — сказала Аврора.

— И я тоже. — Пapa прислушался. — Это песня моря.

— Нет, я слышу другое. Я слышу что-то!

Та, та, та! — затарахтело в темноте.

— В самом деле, — сказал пapa.

Он замигал фонариком во всех направлениях, и тарахтение приблизилось. Это был рыбакский катер. Он остановился на некотором расстоянии от острова.

— Вам нужна помощь?! — крикнул кто-то с катера.

— Да! — закричали в один голос мама, пapa, Аврора и Сократ.

Тут они увидели человека, прыгнувшего в маленькую лодку, которая направилась к ним.

— Что с вами случилось? У вас же есть лодка!

— Да, но мы не решились пойти на ней к берегу, — сказал пapa.

— Вы поступили правильно! Мы возьмём вашу лодку на буксир. Давайте на борт!

Человек отвёз их к рыбакскому катеру, там стоял ещё один рыбак с лестницей, которую спустил с борта. Сначала он поднял наверх Сократа, потом — Аврору. Мама с папой взобрались сами.

— Так вы, значит, ездили на рыбалку? — спросил человек, который был на борту катера шкипером.

— Ага, — сказал пapa, держа в одной руке свою рыбёшку.

— Понятно, но ведь можно ловить рыбу и с пристани. Кстати, я подарю тебе ещё одну треску, чтобы их стало две.

И он принёс огромную рыбину, которую положил к ногам папы.

Маленькая папина треска стала ещё меньше по сравнению с большой, но шкипер сказал:

— Вот, теперь у тебя есть рыба и для жарки, и для варки.

При его словах маленькая папина треска сразу стала треской для жарки и даже как будто выросла.

— Тысяча благодарностей, — сказал папа. — С вашей стороны это чрезвычайно любезно. Но у меня нет денег, чтобы заплатить за рыбу и вашу помошь.

— Один раз я помогу тебе, в другой ты — мне. Мы за это денег не берём. Сейчас я помог тебе в море, потом как-нибудь мне понадобится помошь в столице.

На берегу их ожидало много народа, папе помогли привязать лодку к пристани, и кто-то заговорил о том, что на море для рыбалки было слишком свежо, и ещё кто-то сказал, что катер пришёл в Фабельвик очень кстати. Хотя настоящей непогоды в общем-то не было и по радио сообщали о свежем ветре, их всё-таки доставили на берег вовремя. Правда, выйди они в море под парусом, они могли бы вернуться домой и сами, но откуда это знать им, тем, кто к морю не привык. Некоторые рассказывали, что они и сами оказывались в таком же положении, но все относились к спасенным приветливо и хотели показать, что они желают им только добра, и, таким образом, за короткое время мама с папой перезнакомились почти со всем населением Фабельвика.

Наконец они пошли домой. Папа нёс обе рыбы.

— Теперь мы обеспечены надолго, — сказал он.

Этим вечером мама с папой сидели и подшивали шторки. Аврора лежала наверху в своей красной кроватке и слушала, как за окном выл и скулил ветер, а издалека доносился шум волн. Она радовалась, что не стоит сейчас на маленьком острове и ещё тому, что, оказывается, можно рыбачить и прямо с пристани.

Папа тем временем говорил:

— Вся эта история с лодкой. Ей бы лучше случиться летом. Если бы мой отец был рыбаком, а я маленьким мальчиком, который вырос на лодке,

я тоже был бы рыбак. Но всему на свете надо учиться, а учение не даётся по одному взмаху руки. Я как раз подшил эту шторку и хотел бы немножечко позаниматься.

— Занимайся, — сказала ему мама. — Шторки от нас не улетят. Мне даже нравится шить, когда ты работаешь.

Последним, что слышала Аврора, засыпая, был стук папиной пишущей машинки, доносившийся до неё под шум волн.

Расстроенная южанка

Папа был по-настоящему доволен собой, когда на следующий день сидел и читал то, что он написал.

— Что ты придумал на этот раз? — спросила мама.

— Я? Я написал воззвание к норвежскому народу.

— О чём ты говоришь?

— О том. Я сказал им, что они бессмысленно кучкуются в отпусках в нижней, южной, части страны, и ещё задал вопрос, не хотят ли они открыть новую прекрасную страну, в которой живут, для чего им и нужно-то всего лишь отправиться на север, чтобы найти здесь для себя настоящую волшебную сказку?..

— Но будет ли она такой волшебной, если все сюда ринутся? — сказала мама. — Ты же знаешь, как это бывает. Многие из туристов выбрасывают консервные банки и полиэтиленовые пакеты, мусорят.

— Таких следует высаживать на необитаемые острова в штормовую ночь, — пошутил папа. — Я не призываю, чтобы все до одного норвежцы каждый год ездили на север, я говорю только, что не должно быть ни одного человека во всей стране, кто мог бы сказать, что он на севере никогда не был. А в остальном пускай ездят в отпуск куда угодно. И я имею в виду не один только Нурланн, но также Тромс и Финмарк.

— Но ты тоже там не был, — сказала мама.

— Я эту ошибку исправлю.

— Ну что ж, посытай статью!

Что папа и сделал, и через несколько дней он радостно улыбался.

— Я их разозлил, — сказал он. — В газетах пишут, что я слишком большого о себе мнения, если считаю, что могу заставить народ поменять планы на отпуск. И ещё знаешь что, Мари? Мне заплатили за то, что я написал, так что идти в море и рыбачить для пропитания нам больше не придётся.

— Это хорошо, — с облегчением сказала мама. — А сейчас я должна бежать в контору. Пока!

Теперь, когда мама работала в конторе у районного судьи, жизнь у Авроры и Сократа стала намного удобнее. Пусть они и не бегали по всяческому пустяку к маме, они всегда знали, что она рядом, в большом доме, и спокойно играли в саду.

Но однажды, когда Аврора выходила во двор, что-то ударило в их дверь. Она поискала внизу и нашла обглоданный рыбий хвост. Потом немного погодя откуда-то прилетела гнилая картофелина. Она в Аврору не попала, а только задела её сапожок. Аврора оглянулась. И заметила за одним деревом движение. Кто-то явно за ним прятался.

Это была та самая черноволосая девочка, которую звали Ракель. Аврора улыбнулась ей и сказала:

— Привет, Ракель! Я тебя вижу, иди сюда! Поиграем?

Но Ракель к ней не вышла, она тихо стояла и, отвернувшись, смотрела на кору дерева.

Аврора подошла ближе.

— Ты играешь в какую-то тайну? — спросила она.

— Нет, я не играю. Я только хочу сказать, что, пусть ты и приехала с юга, это ещё не делает тебя лучше меня.

— Конечно нет, — сказала Аврора. — Но я не понимаю...

— Ты отняла у меня лучшую подругу, — злилась Ракель. — Подумаешь, какая южанка!

— Да не отнимала я никого, — сказала Аврора и убежала. Но теперь она так расстроилась, что потихоньку поднялась к себе по лестнице и залезла в свою красивую кроватку. Папа ничего не услышал, он сидел и печатал на машинке рассказ о том, как он рыбачил в северном посёлке Фабельвик, а Сократ разговаривал со своей лошадкой, так что он на Аврору тоже

внимания не обратил. Но, когда пapa закончил печатать и забрал к себе Сократа, в дверь постучали и в комнату вошла золотоволосая Юханна.

— Аврора дома? — спросила она.
— А разве она не на улице? — удивился пapa.
— Нет, она побежала в дом. Ракель сказала, что Аврора вообще сегодня не выйдет.

Ракель в это время опять стояла за деревом, теперь уже за другим, и следила, что будет дальше.

— Подожди-ка, подожди! — сказал пapa и вбежал по лестнице наверх.
А там в кроватке лежала Аврора.
— Ты можешь сказать мне, что такое южанка? — спросила она у папы. — Это что-то плохое?
— Южанка или южанин — это только обозначения, — объяснил пapa. — Таких людей, как ты, я, Сократ и мама, которые приехали с юга.
— И они ничего плохого не значат? — уточнила Аврора.
— Ничего. А теперь объясни мне, почему ты это спросила?

Аврора рассказала о том, что случилось, и папа сказал:

— Сейчас мы позовём обеих девочек сюда и поговорим с ними.

Он сошёл вниз и обратился к ним:

— Привет, Ракель и Юханна! Заходите в дом, я покажу вам, какие мы сшили шторы.

— Вы тоже их шили? — спросила Юханна, от удивления округлив глаза.

— Я тоже, — сказал папа. — По неровным стежкам вы сразу увидите, какую из штор подшивал я. Я ведь шить не мастер, я — мастер ловить треску. — И папа сразу же засмеялся. — А теперь послушайте, — теперь уже серьёзно продолжил он. — Аврора очень хочет дружить с вами с обеими, а не только с одной, вы ведь уже давно подруги, правда? Ей, ещё маленькой, не так просто на новом месте, но втроём вы с этой трудностью справитесь. Вы ведь уже подружились с ней в самый первый день? И сейчас чего от вас хочу я? Я хочу, чтобы вы вместе пошли в магазин и выполнили мои поручения. Аврору здесь пока ещё не знают. Но было бы здорово, если вы ей помогли.

Папа дал девочкам денег на покупки и сетку, куда их складывать. А сам с Сократом встал у порога, и они глядели вслед уходящим девочкам. Сначала Юханна взяла Аврору за руку, а вторую руку Аврора подала Ракель, и так они пошли втроём, а потом вдруг отпустили друг дружку и запрыгали по дороге на одной ножке.

— Всё получится, — сказал папа. — Сначала всегда трудно.

Папа и на этот раз оказался прав. Ракель и Юханна приходили к их дому каждый день и играли с Авророй. Иногда они приводили с собой младших братьев и сестёр, и тогда папа говорил:

— Ну вот, вы стали совсем как воспитательницы младших групп в парках. Вы знаете, что нужно делать? Главное — следить, чтобы малыши не выходили за калитку и не убегали к пристани.

Играть в саду было весело. Сад рос на небольшом пригорке, и оттуда можно было скатываться вниз. Иногда папа выходил к детям и приносил им на полдник еду, а они усаживались вокруг него и ели. А если погода хмурилась, папа заводил их в дом, и они рассаживались в гостиной. Но, как правило, они свободно играли в саду, и никогда ещё у папы не было так много времени для чтения, занятий наукой и домашним хозяйством, как в эту пору.

«Молодец» всегда к вашим услугам

Однажды мама сказала папе:

— Сегодня вечером мы приглашены в дом моего начальника, он собирает гостей исключительно в нашу честь, и мы обязательно должны к ним пойти. Но вот что нам делать с детьми?

— Ну, мы живём рядом. Ничего и не нужно делать. Нужно только время от времени заходить домой. Я поговорю об этом с Авророй.

Аврора с серьёзным видом оглянулась вокруг. В саду было светло, светло было и внутри в доме, и нигде не таилась никакая опасность.

— Идите, — сказала она, — только заприте за собой дверь и не забывайте почаше забегать к нам.

— Хорошо, — согласился папа. — Ты у нас уже большая девочка и сможешь присматривать за маленьkim братом.

Ещё бы она не могла присматривать за маленьkim братом. Только бы он её слушался. Она разговаривала, и играла с ним, и вела себя как взрослая няня; она могла даже его покормить. Другое дело, что, набегавшись во дворе, он засыпал сразу, как только ложился в постель. Тут уж ей не приходилось его уговаривать.

И вот папа с мамой уже готовились уходить, и сама Аврора улеглась в постель, хотя ничуточки ещё не устала. Она могла ещё не ложиться, но всё-таки лучше быть рядом с Сократом, пусть даже он спит.

— Вот, смотри! — сказал папа, подойдя к ней с большим альбомом для рисования. — Я написал рассказ о том, как мы рыбачили в море на лодке. Может, ты нарисуешь к нему картинки? Вот тебе карандаши и грифели. Рисуй, сколько хочешь.

— А вот здесь я поставлю для тебя стакан с соком, — сказала мама.

— Спасибо, мамочка. И тебе, папа, спасибо.

— На здоровье, — ответил папа. — До свиданья, мы скоро к тебе зайдём, примерно так через час, хорошо?

— Хорошо.

Она поудобней уселась в постели, зажгла лампу, подтянула к себе коленки и стала рисовать. Интересно, снаружи сейчас темно? Шторки в синюю клеточку были задвинуты, и ничего не было видно, но, если встать и подойти

к окну, она увидит, темно сейчас или ещё нет. Она встала и пошла по полу как можно тише. Хотя чего она боится? Сократ спит крепко, но, может, она боится из-за себя самой. Ведь, если она нашумит чем-то, она же сама себя испугается? Вот поэтому она потихоньку пробралась к окну, вздохнула от напряжения и выглянула наружу.

За окном стояла кромешная тьма. Сам воздух стал чёрным. Наверное, хорошо, что шторки задвинуты. На какой-то миг она совсем притихла, а потом быстро перебралась в постель, ведь всё равно под одеялом уютнее. Ладно, сейчас она начнёт рисовать. Сначала она нарисовала одну только темень, ведь, когда они были на островке, было очень темно. Потом она накалякала ещё одну темень, взяла другой белый лист из альбома и ещё раз нарисовала их островок. Но только так, чтобы было видно, как она и Сократ сидят между папой и мамой, а папа светит вокруг своим фонариком, а на остров катятся волны. Ещё она нарисовала рыбакский катер, который их спас. Когда она закончила этот рисунок, Аврора задумалась, может, ей лучше бы сейчас сидеть на островке, чем здесь – совершенно одной. Ведь на островке она сидела между мамой и папой, и Сократ тогда тоже не спал.

Ой, что это? Слышит она это или не слышит?

Да, она услышала: кто-то разговаривает. Может, это говорят папа и мама и сейчас они зайдут к ней? Тогда она заберётся под одеяло и притворится, будто спит, а когда они войдут, скажет: это я притворяюсь, что сплю. И тогда они испугаются и скажут:

– Как, ты ещё не спиши, Аврора?

Она притворилась, будто спит, но голоса всё говорили, хотя никто не входил. Теперь она чётко слышала разговор:

– Жалко, что у них теперь появились шторы и не видно, как он шьёт.

– Он что, портной?

– Не знаю. Он пишет в газету.

Тут в дверь постучали. Аврора села в постели и затаилась. Она ни за что на свете не сойдёт вниз и не откроет.

– Это точно? Они живут здесь? – сказал один голос. – У них ещё двое детей?

– Ну конечно, они живут здесь. Наверное, сейчас в доме никого нет. Попробуйте зайти позже.

Сейчас должны прийти мама с папой. Они придут непременно. Аврора нырнула под одеяло. Но под ним она ничего не слышала. И, если случится что-то ужасное, если кто-то войдёт, она ведь ничего не услышит? Она высунула голову из-под одеяла и прислушалась. Нет, всё тихо, хотя очень скоро кто-то стал насвистывать, и это был папа, потому что на всём белом свете никто не насвистывал так, как он!

Она выскоцила из постели и побежала по лестнице вниз, так что, когда папа открыл дверь, Аврора оказалась перед ним.

- Ты что же, малышка, ещё не спишь? – удивился папа.
- Я только притворяюсь, что сплю, – сказала Аврора. – Тут кто-то был, папа. Папа, не уходи! Миленький, не уходи!
- Да что с тобой? Ты чего-то испугалась?
- Кто-то сказал, что ты – не портной, – рассказывала Аврора, – и что ты пишешь в газету, и что он придёт позже.
- Так это тот, кто желал с нами познакомиться, – сказал папа. – Как жаль, что именно сегодня нас не оказалось дома.
- Не уходи, – просила Аврора.
- Но я же должен идти, – убеждал Аврору папа, – они устроили вече-ринку для нас. Хорошо, мы это уладим. Сейчас ты оденешься, мы завернём Сократика в одеяло и спросим у судьи, не можете ли вы поспать у него, пока мы в гостях?
- Хорошо, – согласилась Аврора, и, хотя в доме судьи ей придётся на втором этаже пройти через огромный коридор, который тускло освещала только одна лампа, всё равно это было лучше, чем оставаться дома одной. На этот раз она не заворачивалась в одеяло и не ложилась спать на ковёр перед дверью в гостиную. В эту ночь папа не забирал их обратно домой, потому что судья приказал оставить детей на втором этаже до завтрашнего утра.

Когда Аврора проснулась, она вспомнила всё это, а вот Сократ совсем ничего не помнил.

- Где лошадка? – спросил он, потому что на этот раз не обнаружил её, привязанную к кровати.

Сократ знал только, что он ложился спать в свою белую кроватку в комнате со шторкой в синюю клеточку. А проснулся он без лошадки. Впрочем, он не стал над этим задумываться.

Он хотел только вернуться обратно домой, ведь лошадка ждала его. Он был в этом совершенно уверен. Сократ выскочил из комнаты в одной ночной рубашке и тут же побежал к выходу, но на пути его перехватила жена судьи.

- Ты что же, Сократик, собираешься так и бежать домой, неодетый?
- Я хочу лошадку! — сказал Сократ и строго посмотрел на неё.
- Ага, ты по ней заскучал. Подожди немного!

Жена судьи надела на него своё собственное пальто, обула в серые домашние тапочки судьи, и Сократ понёсся через сад к дому.

Если бы кто-нибудь увидел его тогда, он бы подумал: какая всё-таки странная семья поселилась в Фабельвике. Её глава подшивал шторки, мама работала помощником судьи, Аврора замирала, стоило кому-нибудь повысить на неё голос, а Сократ мчался через сад в домашних тапочках судьи и в чересчур длинном для него пальто.

Его догнала Аврора:

- Не торопись, Сократик. Вдруг мама с папой ещё не проснулись?
- Они, конечно, уже проснулись, оба были одеты, сидели на кухне и собирались завтракать. Но, кроме того, они ещё говорили друг с другом шёпотом! И шикнули на Сократа, когда тот стал звать свою лошадку.
- Иди, пожалуйста, к своей лошади, — сказал ему папа, — но будь так добр, не шуми!
  - А почему это нам не шуметь? — удивлённо спросила Аврора. — Мы уже проснулись.
  - Потому что у нас сейчас гость, — объяснил папа. — Он спит в гостиной.
  - И кто он такой? — спросила Аврора.
  - Это тот, кто постучал к нам в дверь, когда ты играла в няню Сократа, — сказал папа.
  - Ой! — испугалась Аврора. Она подошла к папе и взяла его за руку — на всякий случай.
  - Ну ладно, на этот раз я разрешу тебе на него взглянуть, — улыбнулся папа. Он открыл дверь в гостиную, и Аврора заглянула внутрь.
- Там на садовой скамейке лежал мужчина и спал, но он уже был недалёк от того, чтобы проснуться. Веки на его глазах шевелились, а потом он и во-все открыл глаза и взглянул на Аврору.

- Только Нильс, — обрадовалась Аврора. — Это — Только Нильс!
- Это он приходил к дому вчера, — сказал папа. — Он приходил, ждал и ждал и наконец, к счастью, сообразил заглянуть в дом судьи и спросить о нас. И конечно, он нас там нашёл.
- Так я попал в гости на вечеринку, — стал рассказывать Только Нильс. — Мы неплохо провели время.
- Если бы я знала, что это вы, я бы не испугалась, — сказала Аврора.
- Почти тут же раздался голос Сократа:
- Папа, лошадка хочет вниз!
- Пожалуйста, — сказал папа. Лошадка уже успела поездить на нём: вечером она стояла на привязи у кроватки Сократа, а утро обычно проводила в гостиной.

Сократ съехал, сидя на пятой точке, вниз по крутой лестнице, а перед ним, обняв руками лошадку, сошёл папа.

Когда Сократ увидел в гостиной Только Нильса, он так обрадовался, что тут же побежал к нему, а потом надолго забился под садовую скамейку. Все другие сидели за столом и завтракали, и под конец к ним присоединился Сократ. Он встал перед Только Нильсом, как тогда, когда впервые увидел его на поезде, и уставился на него.

- Я пробуду здесь только два дня, — сказал Только Нильс. — Сегодня я по-работаю со здешними магазинами, но завтра свободен.
- Тогда я позволю тебе посидеть на лошадке, — объявил Сократ.
- Если вы завтра освободитесь, я знаю, что мы сделаем. Мы совершим прогулку на «Молодце», — предложил папа.
- Я уже убегаю. Пока! — И мама убежала в контору.
- Ах, как было бы славно, если бы мама тоже с нами поехала, — сказал папа. — Это было бы замечательно, надо же ей избавляться от её морской болезни.

Как бы это устроить? Ведь мама всё время сидела в конторе у Томаса и работала над тем, что называется «церковным правом», «наследным правом» и ещё разными другими правами...

И вот случилось следующее. Аврора сходила к судье и рассказала ему о том, как плохо чувствовала себя мама во время морской качки. Потом к нему же обратилась по тому же поводу его жена. А мама в это время

понятия не имела, о чём они с ним разговаривали, и очень удивилась, когда судья Томас сказал ей:

— Вы завтра можете быть свободны и вместе со всеми совершите прогулку на «Молодец» с тем, чтобы окруж познакомился с вами лучше.

В первый раз Аврора побывала на борту «Молодца» вечером, когда он направлялся на юг в Фабельвик. И на этот раз он тоже шёл на юг, хотя отходил рано-рано, и как раз в это утро он выглядел особенно таинственно и заманчиво. И неудивительно, ведь судья Томас поговорил с капитаном, который в это время командовал «Молодцом», после чего случилось нечто из ряда вон выходящее. «Молодец» обычно ходил в этом рейсе в глубину фьорда, но в этот день он описал большой крюк и взял курс прямо в открытое море. А там в это время ходили большие волны, и «Молодец» зарывался в них. Хотя на маму волны совершенно не действовали. Она ведь в это время радовалась тому, что ей дали выходной день и она могла себя испытать и попробовать избавиться от морской болезни. И когда «Молодец», как ему показалось, уже достаточно наплавался по волнам, капитан направил его обычным курсом внутрь фьорда. И пусть в этом рейсе катер чуточку запоздал, он всё равно остался очень собой доволен. Хорошо, конечно, быть маленьким и уютным судном и ходить между островками и скалами в глубине фьорда и нисколько не бояться особенностей погоды, которые могли приключиться в какое угодно время. Однако испытать себя ещё раз в настоящем море, что он в этот день и проделал, было тоже весело. Его палуба вся, от носа до кормы, промокла от волн, но «Молодец» нисколько не испугался их, хотя прекрасно знал, что в бурном море и он мог потонуть.

Они пришли в Фабельвик тоже вечером, точно как в первый раз, когда впервые сюда приехали. Но теперь они уже не сидели на пристани усталые и встревоженные. И им не было никакой нужды искать кого-нибудь и спрашивать дорогу. Ведь теперь они чувствовали себя в Фабельвике как дома и знали уже, куда идти, и все местные жители знали их и спрашивали, когда же они зайдут к ним домой на чашечку кофе?

— Мы сделали большой крюк в первый раз, когда сюда прибыли, — вспоминала мама.

— Это потому, что нас здесь ещё не знали, — сказал папа.

— Но сейчас знают, — сказала Аврора. — Мы теперь, папа, стали наполовину северянами и вместе с тем южанами?

— Пожалуй, — ответил он, — и ещё, наверное, как бы это сказать, мы стали... фабельвикингами.

— Фабельвикингами? — переспросила Аврора. — Отлично! Так я и скажу Ракель и Юханне.

— И я тоже, — сказал Сократ. — Я — тоже фабельвикинг. Здесь все: и папа с мамой, и Только Нильс, и лошадка, и жена судьи, и судья Томас — фабальвикинги.

— Ими могут стать все, — сказала Аврора, — все, кто живёт тут, и все, кто приехал сюда в гости.

Теперь знаем это и мы. Вдруг нам тоже случиться там побывать.

Фабельвик нелегко отыскать, но, я думаю, «Молодец» всегда к вашим услугам.

АВРОРА ИЗ ФАБЕЛЬВИКА

Стокгольм

Если отправиться рейсовым теплоходом из Бергена на север, добраться за несколько дней до Свульвера и чуть дальше, а потом на местном рейсовом катере под названием «Молодец» поплыть немного южнее, вы в конце концов попадёте в городок под названием Фабельвик. Вы можете спросить: какое вам до этого дело? Ответ прост: там живут наши давние знакомые – Аврора и Сократ, их мама и пapa, судья, кого запросто, без всякой фамилии, зовут Томас, ещё его жена, которую Аврора так и зовёт – «жена судьи», и ещё две подруги Авроры Ракель и Юханна.

Все жители Фабельвика привыкли называть маму Авроры помощницей судьи. Неудивительно, что даже Сократ, её маленький сынок, стал называть её помощницей. В такие моменты пapa тут же выходил за дверь и начинал кашлять: он не хотел показывать, что его разбирает смех.

Но такой уж Сократ чудной, что ему ничего не стоило ни с того ни с сего сказать маме: «Знаешь, помощница, а не хочешь ли ты поездить на моей лошадке?»

Когда они переехали в Фабельвик, стояла зима и Аврора с Сократом кутиались в бесчисленные одёжки, зато теперь, когда наступило лето, они надевали только лёгкие штанишки, а Сократ, так тот вообще стал отказываться даже от них и щеголял по Фабельвику голышом, считая, что летом в Нурланне можно обходиться одними тапочками.

Взрослые, которым только бы поговорить о погоде, говорили, что такой прекрасной летней погоды в Фабельвике не было уже десять лет.

Маме, которая работала в кантоне в том же дворе, где жила семья Теге, ещё не полагался отпуск, но всё равно Аврора и Сократ много общались с ней, ведь день здесь летом длится так долго. Он вообще будто не кончается, и солнце светит здесь и ночью и днём, так что папа время от времени говорил:

— Нет, пропускать такую прекрасную погоду нельзя. В такое время вальяться в постели просто грешно.

Вот почему семья Теге так часто отправлялась на лодке отдыхать на маленькие островки. Другие жители Фабельвика придерживались с папой одного мнения, и они всё своё свободное время проводили на свежем воздухе вместе с детьми. А когда они от такого отдыха уставали, то просто заворачивались в покрывала и дремали на солнце сколько хотели.

Много раз Аврора даже не помнила, каким образом перебиралась домой, просыпаясь каждое утро в своей детской кровати, которую отдала ей на время жена судьи. Наверное, её спящей домой переносил папа.

И вот как-то ранним утром, когда мама ушла в кантон судьи, а папа после завтрака уже помыл посуду, Аврора и Сократ стояли у окна и смотрели на море. Там то и дело, тарахтя моторами, сновали рыбакские катера, а их преследовали чайки. Аврора представила себя одной из чаек: вот она взмывает вверх и закладывает в воздухе такой стремительный поворот, что у неё перехватывает дыхание.

— Аврора, — услышала она голос папы, — посмотри в другое окошко и увидишь свою подругу.

Это была Юханна. Аврора уже давно подружилась с ней — так хорошо, что они постоянно то дружат, то ссорятся. Как раз вчера они немного поссорились. Юханна не поверила Авроре, когда та рассказала ей, что в Тириллтопене они живут на десятом этаже тринадцатиэтажного корпуса. В самом деле, как можно жить в доме, который первый же зимний штурм сразу обрушил бы?

Они вчера даже расстались не попрощавшись, а сейчас Юханна как ни в чём не бывало сидела на пеньке в саду. Да, кстати, что она делала?

Нет, она даже не замечала, что сидит прямо перед домом Авроры, настолько была увлечена. Она была по какому-то предмету тяжёлым камнем, и папа тоже немного заинтересовался.

- Кажется, она сидит и бьёт камнем по кусочку сушёной рыбы.
- Она точно что-то ест, – подтвердила Аврора.

Папа, Аврора и Сократ вышли из дома. И в самом деле, Юханна сидела и жевала сушёную рыбу, как жвачку.

- Интересно, – промолвил папа. – Ты ешь рыбу, Юханна?
- Да, сушёную рыбу. Она такая вкусная! Хотите попробовать?
- Нет-нет, я только что позавтракал. Может, только кусочек?
- И мне кусочек, – попросил Сократ.

Юханна била рыбу камнем и отламывала один кусочек Сократу и ещё один – папе. А потом посмотрела на Аврору и спросила:

- А ты не хочешь, Аврора?
- Хочу, большое спасибо. – Аврора так обрадовалась тому, что снова помирилась с Юханной.
- А рыба и вправду вкусная, – сказал папа. – Даже не подозревал. Я думал, сушёную рыбу нужно сначала вымачивать, чтобы она превращалась в вяленую, прежде чем её есть.
- Можно и так, – подтвердила Юханна, – но она вкусная и в таком виде, её только нельзя есть слишком много, чтобы не заболел живот.
- Ни в коем случае, – согласился папа. – Что будем делать сегодня? Скоро я покончу с домашними делами и потом, может, займусь собственными.
- Я-то думала, что побуду у вас, – сказала Юханна. – Сегодня папа с мамой пошли работать на склад сушёной рыбы, моя маленькая сестрёнка сейчас у бабушки, а мой брат пошёл в море за рыбой для кухни.
- Оставайся у нас, Юханна, – предложил папа. – Но есть одна вещь, я давно о ней думал. Я ешё ни разу не бывал на складе сушёной рыбы. Как ты думаешь, мы можем туда пойти?
- А как же! Мой папа там важней самого начальника, потому что он отвечает за всё, что там делается.
- Вот как! А кто он такой?

- Он сортировщик, – с особой гордостью произнесла Юханна.
- Сортировщик? И чем же он занимается?
- Значит, вы ничего не знаете? – удивилась Юханна. – Не знаете даже, что делает сортировщик? Это он решает, что делать с рыбой. На складе нет ни одной сушёной рыбёшки, которая бы уходила оттуда, не побывав у него в руках. Это он решает, куда её деть.
- Ну что, Аврора, сходим туда, поучимся? – спросил пapa.
- Только вместе с Сократом, – сказал Сократ. Он бегал вокруг в мамином утреннем халате, папиных шлётанцах и в шляпке жены судьи, поэтому вид у него был очень оригинальный.
- Ну что ж, мы тебя возьмём, – решил пapa, – но тогда ты должен переодеться.

Через некоторое время пapa с Сократом шли вниз к пристани, а сразу за ними – Аврора с Юханной. Они грызли сушёную рыбу и обсуждали всё, что угодно, кроме одного – дома в тринадцать этажей, потому что им не хотелось снова друг с другом ссориться.

Но когда они подошли к складу, Юханна точно об этом забыла. Склад сушёной рыбы – это большое красное здание, которое выглядело как гигантских размеров амбар. Юханна пояснила:

- В нём четыре этажа. Ты понимаешь, если бы их было тринадцать, он бы здесь не стоял. Его бы сдуло при первом осеннем штурме.
  - М-да, – протянула Аврора. – У него же не такие толстые стены.
  - Вот как, – снова стала заводиться Юханна. – Тот дом в Тириллтопене, он не только высокий, он ещё и толстый?
  - Я говорю о стенах. Они кирпичные, а эти – деревянные, да ещё и просвечивают местами.
  - Сушёной рыбе нужен воздух, понимаешь? Вот почему. К счастью, тут пapa остановился и их подождал.
  - Пускай первой идёт Юханна, её здесь знают.
- Юханне его слова понравились, она выпрямилась и сказала:
- Не бойтесь, я покажу вам всё.
  - Интересно, – сказал пapa, когда они вошли внутрь. – Мне всегда казалось, что на таком складе, где рыба сушится, запах должен стоять ужасный. Но здесь он вполне терпимый. Пахнет только морским воздухом и рыбой,

и в этом нет ничего удивительного, рыба висит на солнце и под морским ветром с самой зимы. Помнишь, Аврора, я говорил, что рыбу моют и вешают на просушку точно так же, как постиранное бельё?

- М-да, – сказала Аврора.
- А вот и мама! – воскликнула Юханна.
- Как ты сюда попала? – спросила та.
- Я хотела показать мужу помощницы судьи, как тут у нас, на складе, всё устроено, – стала объяснять Юханна. – Он ведь даже не знает, что делает сортировщик.
- Значит, мы можем всё осмотреть? – спросил пapa.
- Пожалуй, – ответила мама Юханны. – Здесь мы рыбу готовим и складываем.

Рыба окружала их на складе со всех сторон, но это была не мягкая и гладкая рыба, а сухая и жёсткая, похожая на длинные, вытянутые поленья, которые складывают здесь, как дрова в поленницы.

- Как ты думаешь, много ли здесь рыбы, Аврора? – спросила Юханна.

- Наверное, больше сотни.
- Неправда, здесь её многие тысячи. А сейчас идём вверх по лестнице.

Сократ отказался идти, он решил познакомиться с каждой отдельной рыбиной по-настоящему, но из этого ничего не вышло: ведь рыба висела тут до самого потолка, а вдоль стен стояли целые штабели из неё.

На втором этаже они попали в комнату, в центре которой у большого стола стоял отец Юханны. Наконец-то папа Авроры увидел, что значит быть сортировщиком. Тот брал одну рыбину за другой, разглядывал её, щупал и бросал в одну кучу, потом брал следующую и бросал её в другую. Через руки сортировщика проходят все до одной рыбины: побывав в них, они узнают, кто они такие и к какой куче принадлежат. Одна рыбина отправлялась в Голландию, другая – в Италию, третья – в Африку, четвёртая – в Норвегию.

- И ещё одна – Сократу, – сказал Сократ.
- Нет, так не пойдёт, – ответил папа. – Ты не должен ничего клянчить.
- Но мне только одну рыбину. Одну – в Италию, а другую – Сократу.

Отец Юханны поздоровался с ними, а потом сказал Сократу:

- Я думаю, одну ты получишь, ты ведь у нас впервые.
  - Ага, – сказал Сократ.
  - Спасибо, – поблагодарил сортировщика папа.
- Они ещё постояли, наблюдая, как он работает.
- Вы, значит, не измеряете её и не взвешиваете? – спросил папа.
  - Нет, со временем появляется чувство меры – пусть даже на глазок, – ответил отец Юханны.

– Взгляните сюда! – сказала Аврора и указала на рыбку, спрессованную и уложенную в ящик.

- Наверное, прессованную сушёную рыбку отправлять в долгое путешествие удобнее, – предположил папа.
- Посмотри на ярлык! Что на нём написано? – спросила Аврора.
- Стокфиссо. Наверное, с итальянского это переводится как «сушёная рыбка», – сказал папа.
- Стокфиссо, – повторил за ним Сократ. – Стокфиссо.

И он несколько раз похлопал рукой по рыбине, давая ей, как поняла Аврора, имя.

На каждом этаже склада в стене, которая выходила к морю, было широкое отверстие. Оно служило, по-видимому, для того, чтобы отправлять отсюда рыбу прямо на палубу подходивших судов.

— А вот к нам идёт и сам владелец сушёной рыбы, — сказала Юханна и поклонилась.

Папа тоже с ним поздоровался и сказал:

— Мы здесь впервые. Как идут дела?

— Нам ещё очень повезло, что мы достигли успеха, — сказал мужчина. — Всё благодаря тому, что нервы у нас как у сушёной рыбы. Мало хорошо закупить рыбу, нужно её удобно вывесить и не допустить, чтобы она в холодную зиму помёрзла и испортилась. Так что приходится каждый день следить за термометром и за тем, чтобы она в меру проветривалась на не слишком холодном воздухе.

— Ой, взгляните на Сократика! — сказала Аврора.

Сократ стоял у одного из тех самых отверстий и выглядывал из него.

— Ты позволишь хозяину взглянуть на твою рыбу, Сократик? — спросил папа.

Сократ более чем охотно показал тому свой подарок.

— Её зовут Стокфиссо, — сказал он, — и она только моя.

Папа крепко взял его за руку, и они снова пошли вниз, потому что, хотя и было интересно смотреть на море, всё-таки балансировать на краю отверстия высоко в воздухе слишком опасно.

— Ну вот, во всяком случае, теперь мы знаем больше, чем когда сюда вошли.

— Мы съедим сегодня рыбу Сократика? — спросила Аврора у папы.

— Нет, она должна несколько дней вымачиваться в воде. Только после этого мы сможем её сварить.

Но едва папа это сказал, как Сократ поднялвой.

— Она моя! — кричал он и прижимал к себе рыбину. — И вы её не съедите, она будет спать со мной на одной кроватке.

И тут папа решил, что, хотя на складе сушёная рыба пахнет прекрасно, её запах в маленькой спальне Авроры и Сократа, наверное, был бы лишним.

— Мы построим для Стокфиссо собственный дом, — сказал папа. — Стокфиссо любит дышать свежим воздухом.

Он отыскал обычный ящик, обил его сеткой и приделал к нему маленькую дверцу. Теперь Стокфиссо, если ей немного помочь, могла выходить из домика и входить обратно. Но пока она своим домиком пользовалась мало. Сократ нашёл где-то верёвочку, папа обвязал её вокруг рыбины, а Сократ привязал к этому ошейнику поводок и стал выводить Стокфиссо на прогулку по саду. Судья Томас, его жена, мама и все остальные, кто работал в конторе, выходили из дома и смотрели на них. Всем хотелось взглянуть на Стокфиссо: ведь это впервые в истории Фабельвики на сушёную рыбу надели ошейник и выводили гулять по саду.

Трое одиноких и брошенных

 Однажды мама с папой зашли утром к Авроре и Сократу, когда они ещё лежали в постели.

— Мы хотим серьёзно поговорить с вами, — сказал папа.

Аврора почти ещё не проснулась, но тут же пришла в себя, потому что слушать папу, когда он говорил серьёзно, всегда было интересно.

— Так вот, — начал он. — Мама скоро на неделю отправится в служебную командировку, и судья Томас — тоже. Как вы считаете, нужно ли мне ехать вместе с ними и быть при них, что называется, секретарём?

— А мы? — спросила Аврора. — Мы останемся одни?

— Никак нет, — сказал папа. — Жена судьи предлагает, чтобы на время нашей поездки вы жили у неё.

— Тогда поезжайте! — согласилась Аврора. — Ты всегда сможешь помочь маме, если с ней опять случится приступ морской болезни. Хотя, кажется, она у неё уже прошла.

Аврора с Сократом сложили одежду в небольшой чемодан, прихватили с собой одеяла, подушки и простыни и переехали к жене судьи, тем более что сделать это было нетрудно — всего только пройти по дорожке сада.

— Хорошо, что мы едем в командировку сейчас, в начале лета, — сказала мама, — потому что во второй его половине у нас могут быть гости и мы должны будем оставаться дома.

— Не знаю, что-то я сомневаюсь, чтобы они отправились так далеко, — сказал папа.

— Если они решатся, то обязательно напишут об этом, — сказала мама. — Всё будет хорошо.

— Интересно, папина мама получила моё письмо или нет? — спросила Аврора. Папа помог ей его написать, хотя диктовала письмо Аврора. Вот что было в нём написано:

«Дорогие бабушка и Лужица!

Мы только что отпраздновали ночь святого Ханса¹. К празднику мы сварили кашу на сливках, взяли её с собой, провели всю ночь на улице и разожгли костёр. Хотя ночью здесь было так светло, что огня мы не увидели. Тогда Томас завалил костёр морской травой, и от него пошёл такой густой дым, что всем стало видно: огонь горит. Все другие жители городка тоже жгли костры, и мы наглотались дыма, но каша была очень вкусная. Приезжайте скорее. Передаю вам привет!

Аврора».

Папиной маме и Лужице письмо наверняка понравится, хоть папа и сомневался, что они приедут в Фабельвик. Ведь папина мама считала, что в море всегда штормит.

И вот наступил день отъезда. Аврора, Сократ и жена судьи проводили папу, маму и судью до пристани.

— Ты не забыл свою судейскую мантию? — спросила жена судьи.

— Она лежит в большом чемодане, — сказал Томас. — Наконец-то ты от меня отдохнёшь, для тебя мой отъезд будет каникулами.

— Это уж точно, — рассмеялась жена судьи.

Потом появился «Молодец», который, подходя к пристани, прогудел три раза, хотя сделал это негромко — чтобы не испугать Сократа. Когда Аврора увидела, как катер встал у пристани, она тут же расстроилась, что не пойдет на нём. Но потом она взглянула на жену судьи и подумала, как же она

---

¹ В русской традиции «Иванову ночь», ночь на Ивана Купалу.

огорчится, если Аврора с ней не останется. Поэтому она решила не расстраиваться и долго махала рукой, когда «Молодец» с мамой и папой на борту уходил в море.

— А теперь идём домой! — сказала жена судьи. — И не думай, что у нас будет хотя бы минута покоя, пока мы не отмоем усадьбу.

— Тогда нам понадобятся лестницы, — сказала Аврора. — Если мы собираемся мыть её и снаружи.

— Нет-нет, мы будем наводить порядок только внутри. Вынесем все половики и ковры наружу и помоем полы.

Повсюду в доме судьи лежали тряпичные половики, которые легко скатывались в рулоны. Они отнесли все рулоны в сад, и он будто весь покрылся красной, синей и серой травой. Самые лёгкие половики они развесили на деревьях, отчего те приобрели праздничный вид. А Сократу так понравилось заворачивать половики в рулоны, что он с удовольствием закатывался в них сам и Авроре долго приходилось его отыскивать.

Точно в тот момент, когда они разложили последний половик на траве, у калитки появился городской почтальон. Его звали Альбертом. Он служил почтальоном в Фабельвике столько, сколько вообще помнили всю свою прошлую жизнь его жители, и всё это время почтальон ни по болезни, ни по другим причинам своей работы ни на день не покидал. Даже во время зимних штормов он всегда чуть ли не на четвереньках добирался до жителей Фабельвика с письмами и всегда исполнял свой долг, летом же служба для него была скорее развлечением, чем работой.

Но он всегда радовался, когда Аврора подходила к калитке и встречала его. Тем самым она избавляла его от путешествия в гору до самого дома судьи.

Сегодня он окликнул её и помахал рукой.

— Аврора! Тебе или помощнице судьи и её мужу пришла почта. Целых пять писем!

— Огромное вам спасибо! — поблагодарила его Аврора. — Они уехали, но я всё передам.

В контору судьи также пришло несколько писем, и Аврора забрала с собой всю почту.

— Надо же, письма пришли как раз сегодня, когда твои папа и мама уехали, — сказала жена судьи. — Мы аккуратно положим их вот на этот

письменный стол, и они их непременно получат, когда через неделю приедут. А теперь берёмся за тряпки, вёдра и швабры. Мы могли бы, конечно, оставить работу им, а сами бы с удовольствием поглядывали. То-то было бы хорошо, но, пожалуй, мы сделаем всё сами!

- Мы с Сократиком, – сказал Сократ. – И ешё со Стокфиссо!
- Нет, только мы с Сократиком, – сказала жена судьи. – Стокфиссо пусть отдыхает. Разве ты не видишь, как она вымоталась?

Сократ постоял, раздумывая, но, когда жена судьи подошла к нему с маленьким ведёрком и шваброй, он как будто очнулся. Побежал, сунул Стокфиссо в её рыбью квартиру и сказал:

- Отдыхай!

А потом он побежал обратно и стал мыть полы. Авроре тоже вручили тряпку, ведром она пользовалась одним с женой судьи, и все втроём взялись за работу. Жена судьи мыла полы самой длинной шваброй, она трудилась на славу, но, когда они закончили мыть полы в столовой, все трое устали, и жена судьи сказала:

- Пожалуй, сейчас самое время перекусить. А полы от нас не уплывут.

Готовили они все втроём: Сократ знал, где стоит хлебница, Аврора открыла холодильник, нашла молоко, сыр и масло, а жена судьи тем временем сварила для себя кофе. Они уселись за стол и долго ели, пили и веселились.

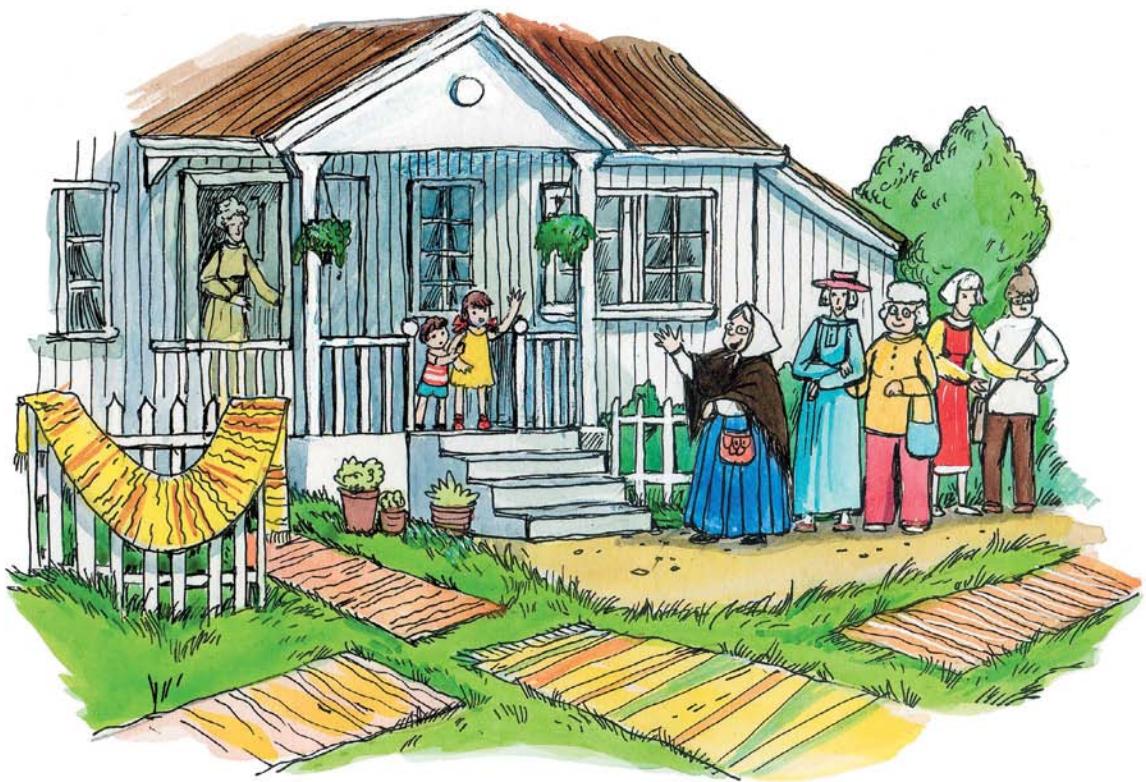
И тут кто-то постучал в дверь, и один из служащих, который оставался в kontоре, сунул голову в дверь и сказал:

- Извините за беспокойство, но там, у калитки, собрались пять пожилых дам и всё время смотрят на дом. Мы не ждём гостей?
- Нет, не ждём, – сказала жена судьи, – наверное, это какие-нибудь туристы рассматривают усадьбу судьи.
- И наши тряпичные коврики, – добавила Аврора, – они смотрятся до того красиво!

Когда они закончили есть, жена судьи сказала:

- Работать после еды нездороно. Может, мы пойдём и взглянем на этих дам, если они ещё не ушли?

Когда они вышли из дома, пять дам всё ещё стояли у их калитки. Они заглядывали в усадьбу, разговаривали друг с другом и, похоже, расходились во мнениях.

А Аврора закричала:

- Это папина мама, Лужица и бабушка! Вы знаете, жена судьи, это ведь весь бабушкин кружок шитья!
- Добрый день, Аврора! – сказала папина мама. – Вы получили моё письмо?
- Не знаю. Может, оно пришло только сегодня?
- Ну, тогда оно ненадолго опередило нас, – сказала папина мама. – Мы, собственно, должны были приехать завтра, но нас подбросил по дороге рыбакский катер, и поездка на нём показалась нам такой интересной, что мы с удовольствием приняли приглашение. А этот маленький, милый дом! Аврора, вы в нём живёте?
- Да, но сейчас нет. Мама с папой уехали, и мы живём у жены судьи. А сегодня мы моем весь дом, хотя домыть его ещё не успели, ведь работать после еды нездорово.

— Да, мы не успели, и сейчас эту работу отложим. Ведь у нас гости! — сказала жена судьи и с отчаянием взглянула на половики, разбросанные по всему саду.

— Без проблем, — сказала бабушка. — Мы их помоем, получится быстро.

— Так мы и сделаем, — заявила папина мама. — Когда ты работаешь не у себя, работать тем более интересно.

— Конечно, — сказала Лужица с очень заинтересованным видом, — и мне будет о чём написать письмо.

— Лужица повстречалась с другом детства, который живёт сейчас в доме для престарелых в Бесбю, — объяснила папина мама. — Она теперь пишет ему письма каждый день, пусть и он, хоть мысленно, побывает в Нурланне.

— А сейчас я должна прежде всего со всеми вами познакомиться, — сказала жена судьи. — Вы, значит, папина мама, о которой так много рассказывала Аврора, а вы — Лужица, которая живёт у папиной мамы, а это — бабушка восьмерых внуков.

— Ну да, — сказала Аврора. — Вы точно угадали, а это — бабушка Уле-Александра и Биттелиттен, а вот и тётушка Хенрика Олеа. Всё, больше никого нет!

— Мы все посещаем кружок шитья, — объяснила бабушка, — в прошлом году мы были в Голландии, а в этом поднакопили деньжонок — и вот мы здесь.

— Никто из нас ещё на севере не был, — сказала папина мама. — Мы от него в восторге и всем будем советовать съездить сюда хотя бы один раз. Ну не точно сюда, — поспешила она добавить, чтобы жена судьи не подумала, что гостей уже и так больше чем достаточно.

Но жена судьи ничуть не смутилась, ей нравилось принимать гостей, и она была по-настоящему их приездом довольна.

— Прекрасно, — сказала она. — Нам троим, оставшимся в одиночестве, теперь будет с кем поговорить.

— Я очень хорошо умею мыть полы, — сказала тётушка Олеа. До этого она всё время молчала, но сейчас проявила необычную прыть. — Я мыла полы много лет. И в магазинах, и в больницах, не говоря уже о лестницах.

— Да, но я не могу заставлять гостей мыть полы, — возразила жена судьи.

— А почему бы нет? — сказала бабушка. — Тогда мы закончим быстро. Куда ты дела рыбу, бабушка Уле?

- Повесила её на изгородь. На ней висят все наши три трески.
- Нам подарили их рыбаки, которые нас подвозили, — сказала бабушка, — и мы приготовим из них обед.
- Ах, как хорошо, — сказала жена судьи. — Тогда нам даже не придётся бежать в магазин.
- Но нам ещё нужно найти гостиницу, — сказала папина мама.
- Гостиницу? — переспросила жена судьи с обиженным видом. — Только этого не хватало. Перед вами целый дом, и в нём ждут гостей.
- Тогда давайте займёмся полами! — сказала бабушка.

Очень скоро желание, которое высказала перед этим жена судьи, исполнилось: три тряпки, три швабры и три ведра воды навели в доме образцовый порядок. Жена судьи при этом даже пальцем не шевельнула. И половички проскользнули в дом и улеглись на своих местах словно сами собой, пока она на кухне готовила на обед треску.

- У нас обед получился больше чем на восьмерых, — заметила она.
- Только она это произнесла, как у калитки раздался автомобильный сигнал. Аврора подбежала к окну и увидела старую добрую синюю машину с красными крыльями.
- Ах, — сказала она, — это наша машина... — И больше не добавила ничего, только помчалась, как порыв ветра, через весь сад.

В маленькой синей машине сидели мужчина с густой чёрной бородой, рядом с ним — женщина с пышными белокурыми локонами, а на заднем сиденье лежали два младенца. Это были дядя Бранде, Аннет и их близнецы.

- Разве вы не получили нашего письма? — спросил дядя Бранде.
- Да, кажется, — ответила Аврора и громко воскликнула: — Слушайте! К нам приехали ещё гости.
- Ну я же говорила, что обед у нас получится больше чем на восьмерых, — сказала жена судьи.

Она накрыла за столом места ещё для двоих, постояла немного и сказала:

- Парочку с близнецами мы устроим в вашем доме, Аврора, а пятерых дам — на втором этаже нашего.

Она открыла дверь маленького дома и положила близнецов в постели Авроры и Сократа. Но те так привыкли лежать вместе, что тут же заплакали,

и Аннет переложила их обоих в кроватку Авроры. Здесь они спокойно заснули, а дядя Бранде с Аннет отправились за стол к остальным.

- Как зовут близняшек? – спросила жена судьи.
- Вальдемар и Кристина, – ответил Бранде.

Когда все поели и рукодельницы из кружка шитья взялись мыть посуду, у калитки снова раздался автомобильный сигнал и жена судьи, взглянув на письма, лежавшие на письменном столе, сказала:

- Это уже третье письмо.

И в самом деле, у калитки стояла машина с жилым прицепом, в котором приехали Нюсси с мамой, впереди за рулём сидел пapa Нюсси.

– Привет, Аврора, ты дома? – воскликнула Нюсси. – Вы разрешите поставить прицеп в вашем саду? Папа на машине поедет дальше в Будё, и мама считает, что ей со мной будет в вашем саду веселее.

- Я сейчас спрошу. – И Аврора помчалась в дом.
- Ну что же, это очень приятно, – сказала жена судьи. – И я тоже посмотрю, каково это – жить в автоприцепе.

– Мы здесь только на одну ночь, – извинилась мама Нюсси. – Ведь завтра утром мой муж вернётся и мы поедем дальше.

– Оставайтесь сколько хотите, – пригласила жена судьи. – Очень жаль, что вы решили уехать так скоро.

– Мы, может, ещё вернёмся на обратной дороге, – утешила её мама Нюсси. – Ты, Аврора, так выросла.

- В самом деле? – И Аврора побежала в дом, чтобы посмотреться в зеркало.

События происходили так быстро, что она не успела понять, выросла она или нет.

– Там внизу у калитки стоит мальчик, – сообщила чуть позже Лужица. – Я сидела в саду и писала письмо и тут увидела мальчика, который там стоял и заглядывал в сад. Не знаю, знаком он вам или нет. И ещё он ужасно грязный, бедняга, – добавила она шёпотом, словно мальчик у калитки мог услышать её здесь, в доме.

– Пойду посмотрю, – сказала Аврора, которая уже привыкла бегать туда и обратно. – Кнут! – воскликнула она. – Это Кнут!

– Привет! Твой отец дома? – спросил будничным тоном Кнут, будто в мгновение ока перелетевший из Тириллтопена в Фабельвик.

- Нет, но дома есть я и все другие.
- Видишь, я хотел только поговорить с твоим отцом, но, если его нет, тогда я пойду.

Но тут жена судьи, как видно хорошо разбиравшаяся в мальчиках, сказала ему:

- Знаешь, Кнут, а не сходил бы ты вместе с Авророй за тремя литрами сливок? Ей нести их будет тяжело. И ещё мне нужно скосить траву на лужайке, пока Томаса нет дома.

- Конечно, я помогу вам, только я такой грязный.
- Это верно, ты должен умыться и ещё немного поесть, — сказала жена судьи, которая догадалась, что Кнут был не только грязный, но и голодный.

На кухне в чёрной кастрюле бабушка замешивала тесто — она подумала, что, поскольку гостей набралось немало, испечь хлеб будет гораздо дешевле, чем покупать. Папина мама распаковывала свой чемодан, тётушка Олеа увлечённо протирала серебряные приборы, бабушка Уле-Александра сидела на пирсе и ловила на блесну рыбу, а Лужица писала письмо.

- Как ты сюда добрался, Кнут? — спросила его жена судьи.
- Автостопом, на больших грузовиках и ещё морем, но там я платил.
- Всё, больше гостей не будет, — подытожила Аврора.
- Но осталось ещё одно письмо, — сообщила жена судьи.
- Пришёл ещё один человек, — пояснила Нюсси. — Он спросил Эдварда Теге, а это твой папа, Аврора, поэтому моя мама впустила его к дяде Бранде. Он сказал, что пришёл настраивать пианино.
- Надо же, если бы мама с папой знали обо всех, кто сюда приехал! — сказала Аврора.

— Вот и хорошо, что они ничего не знают, — сказала жена судьи. — А если Эдвард позвонит, мы ему ничего о гостях не скажем. Чтобы он зря не беспокоился.

Чуть позже, когда наступил вечер, телефон позвонил в то время, как все сидели в гостиной, болтали и смеялись.

- Тише! — сказала жена судьи. — Ни звука... Привет, Томас, — спокойно сказала она. — У нас всё хорошо. А у вас? Долго шёл суд? У нас всё в порядке... Аврора, папа хочет с тобой поговорить.

- Как дела у вас троих, оставшихся дома? — спросил папа.

— Мы помыли все полы, испекли пять караваев хлеба и съели за обедом три больших трески. А сейчас мы готовим кашу с тремя литрами сливок, а потом пойдём смотреть полночное солнце, — сообщила Аврора. — Пока, папа! Передавай привет маме!

— Как сильно изменилась Аврора здесь, на севере! — сказал папа маме. — У неё появились такие необузданые фантазии. Наверное, на почве здешней северной природы.

Уставшие за долгий рабочий день, Томас, мама и папа пошли спать. А большое общество, собравшееся в усадьбе судьи, на кровати даже не взглянуло, они вышли из дома наблюдать полночное солнце и есть кашу со сливками.

Первая премия за поиск сушёной рыбы

На следующее утро бодрствовали только трое, и ими были Аврора, Сократ и жена судьи. Накануне Аврора и Сократ закутались в покрыва-ла и заснули, после чего их отнесли домой. Жена судьи не спала, она привыкла бодрствовать светлыми ночами и теперь утром решила, что они все втроём должны пойти на берег и искупаться, потому что, как она сказала, нельзя было пропускать такую погоду. Все жители Фабельвики тоже пока спали. Вот почему нигде не было ни души и только летали птицы.

- А сейчас давайте-ка искупаемся, — предложила жена судьи.
- Стокфиссо тоже? — спросил Сократ.
- Нет, ей лучше полежать на берегу.
- Ну конечно, иначе она вымокнет, — согласился Сократ.

Когда они искупались, обсушались на солнце и собрались домой, Аврора увидела на воде несколько птенчиков гаги. Они не были одни, с ними плыла их мамаша, нет, даже две мамаши, и ещё одна, и ещё.

— Гага-мать — это та, первая, — сказала жена судьи, — а все другие с удовольствием послужили бы её птенчикам нянями, но гаге-матери столько не нужно. Смотри, она отгоняет двоих, но одной оставаться всё-таки разрешает.

Наверное, гага-мать думала: «Одну няню я бы оставила, помочь всегда может оказаться нужна, но несколько нянь мне не нужно».

- А где же гага-отец? – спросила Аврора. – Тот, кто папа?
- А он уже сбежал, – сказала жена судьи. – Если ты точно не замёрзла и чувствуешь себя хорошо, я расскажу тебе о гагах.
- Гага-отец, он чёрно-белый. Как тот рейсовый теплоход, на котором мы приплыли зимой, он так и назывался: «Гага», – вспомнила Аврора.
- Да, и ещё бывают гаги с жёлтыми и красными перьями, – сказала жена судьи. – Ты бы только их видела весной, когда они ищут друг друга и места для своих гнёзд!
- Так они женятся? – спросила Аврора.
- Да. Ты даже не поверишь, как селезень ухаживает за женой и заботится о гнезде, где она снесёт свои яйца. Она выщипывает пух на своей груди и выстилает им гнездо, чтобы оно было мягким и тёплым. Вот тогда только она и сбрасывает свой роскошный пух, и ни в какое другое время. А после того как она снесёт яйца, она гнездо почти не покидает. Только вечерами, когда хищные птицы успокаиваются. В поисках пищи она отходит от яиц ненадолго. Но гага имеет ещё одну редкую особенность. Она ужасно горда, если кладёт сразу несколько яиц, и, когда ненадолго отходит от них, заглядывает в соседние гнёзда. Если она обнаруживает в них птенцов, то просто идёт дальше, но если в гнезде никого нет, а яйца есть, она ложится на чужие яйца, хотя через некоторое время с гнезда вспархивает. И знаешь, что она тогда делает? Она идёт к своему гнезду и выкладывает в него яйца, которые украла из чужого гнезда и спрятала под своими крыльями. Ну а потом она высиживает яйца, и свои и чужие.
- Да, но как же другая самочка? Какое это для неё горе! – сказала Аврора.
- Ну, она может потом ещё снести яйца. А вот селезни, они неустанно всё время сидят дома. Но, как только птенчики вылупляются, они тут же исчезают, все до одного. Эти папы покидают своих жён и птенцов, и долгое время жители здешних мест считали их негодяями и подлецами, бросающими свой дом и птенчиков. Но не всё, оказывается, так просто, понимаешь? После рождения птенцов селезни сразу же теряют своё роскошное оперение, они становятся растерянными и беспомощными и не способны даже ухаживать за собой. Вот почему они в это время отправляются на дальние

острова и при виде врага или какой-то другой опасности ныряют так глубоко, словно подниматься наверх не собираются вовсе. И из бравых молодцов они превращаются в боязливых трусов, хотя к весне снова становятся самими собой... Ой, мы тут с тобой заговорились, что о нас подумают гости!

Но ничего страшного не случилось. Их гости оказались на редкость самостоятельными, и, когда жена судьи с детьми вернулась домой, папина мама уже подготовила завтрак, бабушка убрала постели, а Лужица уже описала всё случившееся с ними в первом за этот день письме другу своего детства. Бабушка Уле-Александра к этому моменту уже побывала на пирсе и поймала треску, а тётушка Олеа почистила картошку к обеду. Нюсси с её мамой тоже навели порядок в своём жилом прицепе, и все гости покончили с утренними обязанностями и пошли в дом к Аннет и дяде Бранде. Папиной маме и Лужице вручили по близнецу, а Аннет тем временем занялась стиркой пелёнок. Дядя Бранде куда-то исчез.

— В точности как гага-отец, — заметила Аврора. — Как только на свет появляются малыши, папа тотчас смыывается.

И точно так же, как самочку-гагу, Аннет окружили нянечки-волонтёры, но в отличие от птицы она их не гнала и улыбалась каждой, кто желал понянчить младенцев.

— А сейчас пойдём и поедим! — сказала жена судьи. — Хотя, впрочем, я кое о чём забыла. Летом перед завтраком мы делаем гимнастику.

— Нет-нет, я не умею делать гимнастику, — запротестовала бабушка. — Я не делала гимнастику даже в школе, её к тому времени ещё не изобрели.

— Ничего страшного. Встаньте вот так. Поднимите руки вверх и потяните облака с неба к себе вниз! Даже если их нет на небе.

Папина мама и Лужица, которые носили близнецов на руках, так смеялись, что вместе с руками подняли и младенцев. Младенцы таким образом тоже поучаствовали в утренних гимнастических упражнениях.

А тут появился и дядя Бранде, и Аврора пристально на него взглянула: не потерял ли он своего оперения? Наверное, он носил его в виде густой бороды, и на какой-то момент Авроре показалось, что он её потерял. Но нет, ей это только показалось, просто дядя Бранде искупался и его мокрая борода прилипла к лицу. Скоро она подсохла, и дядя Бранде, как выяснилось, своё оперение полностью сохранил.

Когда они позавтракали, бабушка сказала:

— Мы вот тут посидели за картой и заметили в море на левой стороне две точки.

— Это острова Верё и Рёст, — сказала жена судьи.

— Точно, — подтвердила бабушка. — Мы посоветовались и решили, что съездим на них этой ночью.

— Вы меня удивляете. Не успели у нас побывать, как уже уезжаете. Ах, если бы твои мама с папой, Аврора, были здесь, мы бы с вами тоже поехали.

— Вот поэтому мы сегодня и устраиваем стирку постельного белья, — сказала бабушка.

— Стирку белья? — встревоженно спросила жена судьи.

— Ну да, мы ведь его использовали. Естественно, перед отъездом мы должны его постирать.

Она сказала это решительным тоном, не допускающим возражений, и так как за дело взялись сразу несколько человек, скоро оно было сделано. Жена судьи натянула между деревьями бечёвку, и скоро на ней повсюду затрепетали на ветру пододеяльники, наволочки и простыни, а поскольку в саду уже висели пелёнки Вальдемара и Кристины, то между ними быстро завязалась беседа.

Когда бельё развесили, Авроре по телефону позвонил папа.

— Знаешь что, — сказал он, — мы уже здесь закончили, а одно судебное дело отложили, так что приедем сегодня к вечеру, и, представь себе, маме дадут отпуск!

— Вот как! Тогда мы сможем съездить на те две точки на левой стороне карты? — спросила Аврора.

— Вполне сможем, но сначала надо добраться до дома. Чем вы занимались сегодня?

— О, сегодня утром у нас здесь весело. Сначала мы искупались, а потом постирали так много постельного белья, что завесили им весь сад. Понимаешь, мы так много его использовали.

— Вот как? — удивился папа. — Но у вас же есть своё бельё.

— Всё равно его накопилось много, — сказала Аврора и прикусила язык.

— М-да, — протянул папа. — Я чувствую себя, как гага-селезень, бросивший своих малышей.

— Ничего, к весне ты всё равно обрастёшь пухом и перьями, — успокоила его Аврора. Папа, правда, её не понял, он же ведь знал о семействе гаг не так много, как Аврора.

Ближе к вечеру на пристань отправилась целая делегация. Впереди шли Аврора, Сократ и жена судьи, они договорились с остальными, что те пока спрячутся за складом сушёной рыбы. То-то удивляются мама и папа!

Ожидание продолжалось так долго, что Лужица успела за это время написать ещё одно письмо другу своего детства. Но вот наконец «Молодец» загудел. Папа стоял впереди на носу, а мама кричала:

- Вон они стоят, трое одиноких и брошенных!
- Я вижу, они в неплохой форме, — сказал папа. — Сократ даже не забыл взять с собой сушёную рыбу.

Спустили сходни. Томас поклонился Авроре, и она тоже глубоко поклонилась ему в ответ. Томас всегда относился к Авроре как к маленькой леди, и кланяться ему было забавно.

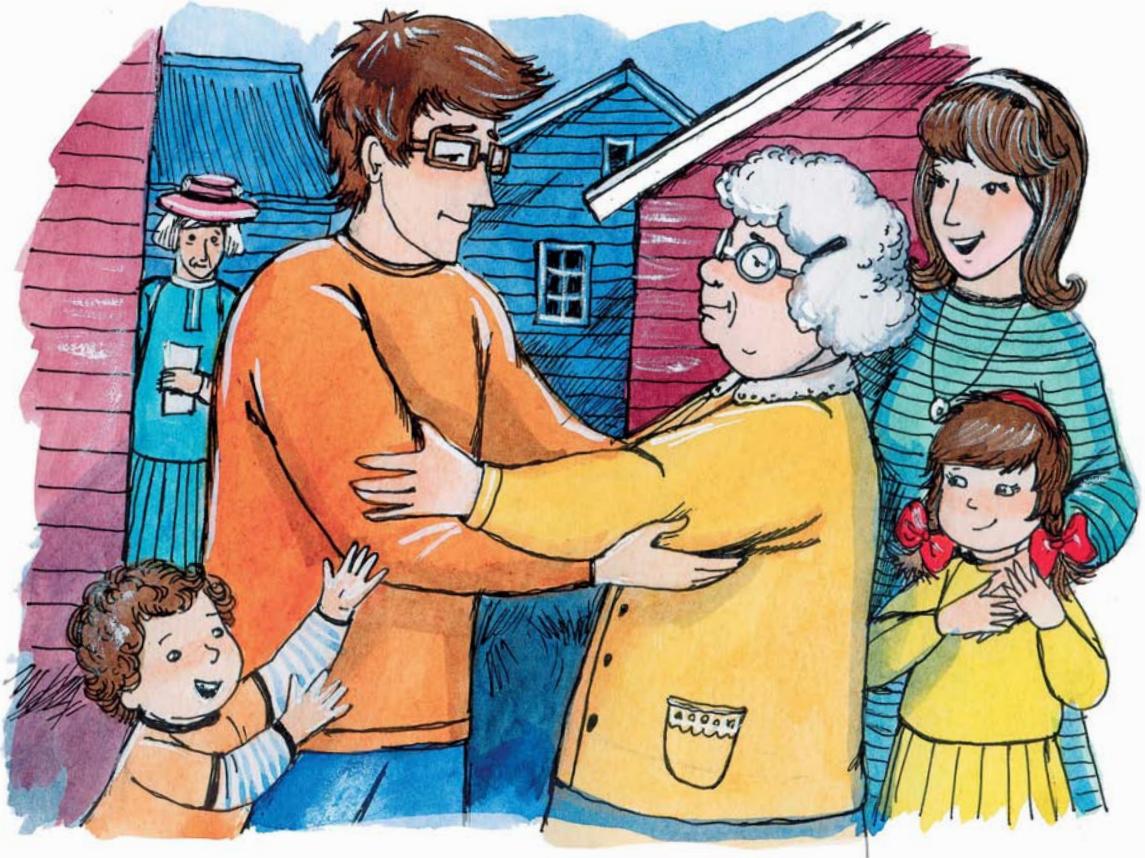
- Привет! — сказал папа. — Ах, как я рад!
- Он обнял Аврору, и Сократа, и от избытка чувств даже жену судьи.
- Они пошли домой. Аврора вела папу, а Сократ — маму и Стокфиссо, а последними шли Томас и жена судьи. Она говорила негромко и быстро, ей было что ему рассказать. Потом из-за склада показались головной платок и длинная юбка.

- Не может быть! — воскликнул папа. — Я точно вижу бабушку?
- Надеюсь, что видишь, — сказала бабушка. — Я никогда ещё не была на севере, и вот решила устроить себе экскурсию.
- Но это же так здорово! И ты всё время знала, Аврора, что она здесь?
- Ну конечно, — сказала та.

А тут подоспела и Лужица, державшая в одной руке письмо.

— Добрый день! — поздоровалась она. — Или добрый вечер. Здесь всё время светло, и я путаюсь.

- Так и вы, Лужица, тоже здесь? — удивился папа.
- Да, — сказала папина мама, высовываясь из-за угла склада.

— Нет, не может быть, это же моя мама! — воскликнул пapa. — И как ты только посмела поехать на север?

— А вот и посмела, — сказала папина мама, — и ещё двое посмели, ты помнишь, они приезжали со мной в Голландию.

— Бабушка Уле-Александра поймала рыбу, — сказала тётушка Олеа. — Вон она стоит и машет рукой.

— Привет! — поздоровалась с папой Нюсси. — Я тоже здесь. Мы сразу же едем отсюда в Финмарк, но потом вернёмся, и тогда у вас, наверное, не будет так много гостей.

— Мы всегда им рады, — сказал пapa. — А вот и твоя мама.

— Папа тоже здесь. Он сейчас готовит прицеп к дороге. Вот почему его нет на пристани.

- Очень приятно, — продолжал пapa. — Вы все приехали сегодня?
- Нет-нет, — ответила бабушка. — Мы приехали ещё вчера.
- Да, мы приехали тоже, — сказал дядя Бранде. Он нёс Вальдемара, а Аннет — Кристину.
- Вот теперь я начинаю понимать, отчего вы испекли столько хлеба и выстирали столько белья, — обратился пapa к Авроре.
- Мы поедем с ними со всеми на Верё и Рёст? — спросила Аврора. — Они хотят ехать сегодня же ночью.
- А почему бы нет? Правда, Мари?
- Да, я давно уже хочу туда съездить, — сказала мама.
- А мы пока поживём в вашем уютном домике, — сказал дядя Бранде. — Близнецам нужно отдохнуть от поездок, и потом, у вас в Фабельвике так хорошо.
- Прекрасно! — сказал пapa. — А все остальные, они ведь тоже где-то остановились?
- Они живут у жены судьи, — объяснила Аврора.

Пapa озадаченно взглянул назад на жену судьи, но она только махнула рукой, сказав:

- Они все живут у нас, и никогда ещё в нашем доме не было такого праздничного настроения, а Кнут, тот вообще самый прекрасный садовник из всех, каких я только видела. Вы ещё увидите, какую садовую лужайку он нам пострижёт!

- Кнут тоже здесь? — улыбнулся пapa.
- Да, он приехал автостопом, — объяснила жена судьи.
- И ещё мы делаем утреннюю гимнастику и ходим смотреть на полночное солнце, — продолжала объяснять бабушка.
- Но когда же вы тогда спите? — удивился пapa.
- А мы спим, как телята, в любой момент, когда хотим подремать.

Перед тем как пойти домой, они ещё помахали вслед отъезжающему прицепу с Нюсси и её мамой, и последнее, что сказала Нюсси:

- Мы ещё вернёмся и тогда поживём у вас по-настоящему.
- В этот вечер в усадьбе судьи царили дружеские разговоры и смех. Сократ заснул у мамы на коленях, и немного погодя Аврора тоже сползла на мягкий половик и заснула.

Неожиданно жена судьи сказала:

- Мне кажется, чем-то пахнет.
- Я давно чувствую этот запах, – сказала бабушка, – но стоит ли его замечать?

Все принюхались и словно бы зашевелили ноздрями, а папа сказал:

- А не навестила ли нас Стокфиссо?
- Надо же, Сократ уже спит, – сказала мама. – И не сможет нам ничего объяснить.
- Ну что ж, тогда придётся её поискать, – сказала жена судьи. – И тот, кто найдёт Стокфиссо, получит от меня премию.

Тут Аврора проснулась. Поиски начались с Сократа. Искали под ним, на нём и рядом с ним. Стокфиссо нигде не было. Поискали под подушками на диване. И опять её не нашли. Аврора ползала на четвереньках повсюду и принюхивалась, как собачка. Она так этим увлеклась, что два раза сталкивалась головой с бабушкой и Лужицей. Папина мама подошла к камину и заглянула в его дымоход, а Лужица искала и посмеивалась, представляя себе, как она будет всё это описывать в своём следующем письме. Дядя Бранде залез под диван, а папа заглянул в люстру. Единственный, кто сохранял спокойствие, был Томас: он с любопытством и интересом разглядывал гостей, которые нагрянули в его дом так неожиданно. А Аврора стояла рядом с ним очень тихо, а потом поднялась на цыпочки и прошептала ему что-то на ухо. Томас поднялся, и за его спиной на стуле все увидели Стокфиссо. Рыбина лежала молча, но запахов испускала тем больше.

Все построились вереницей и проводили Стокфиссо в её домик, а жена судьи в это время что-то прятала у себя за спиной. Но вот она откашлялась и сказала:

– Первая премия за успешные поиски Стокфиссо присуждается Авроре Теге. Пусть она её сопровождает и оказывает ей помощь в минуты беды. Это – ручная сирена, Аврора. Мне её подарил старый рыбак, который пользовался сиреной на море во время тумана.

Сирена была латунная и очень изящная. Аврора попробовала в неё дунуть, но получился только слабый писк. Она попыталась снова, и неожиданно у неё всё получилось. Сирена взвыла так, что её услышали везде.

Сократ вздрогнул, близнецы у дяди Бранде перевернулись два раза, а люди в Фабельвике протёрли глаза и заговорили:

- Да что же это такое? Будет туман?
- Но снаружи было ясно, сияло солнце.
- Надо же, я поеду на Верё и Рёст в сопровождении пятерых дам, – задумчиво сказал папа.
- Шести, – добавила жена судьи, – я тоже еду.
- И ещё одной, я еду тоже, – сказала Аврора.
- Ну да, и ещё мама, – сказал папа. – Получается восемь дам.
- Нет, девять, – сказал Сократ.
- Гм... – протянул папа. Вопроса он не задал. Девятой была Стокфиссо. – Ладно, девять, – согласился папа. – Получается девять на троих – меня, Сократа и Кнута.

Аврора тоже порадовалась за Стокфиссо. Ведь именно благодаря ей она получила первую премию.

- Я возьму с собой сирену, – заявила Аврора.
- Вообще-то это инструмент, которым лучше не пользоваться, – сказал папа и, как всегда, оказался прав.

Венецианский вельможа

Так Аврора оказалась на судне, которое доставило их на два острова, две точки на карте моря. Сначала они поехали на «Молодце», местном рейсовом катере, потом пересели на автобус, с него – на паром, потом снова – на автобус, шофер которого в одном месте ненадолго вышел, чтобы повидать знакомого, сказав, что пока они могут осмотреть местное кладбище.

Они сошли к морю, и там, совсем низко над побережьем, Аврора заметила маленькие кресты. Никто не украшал могилы на этом кладбище цветами, хотя кое-какие цветочки всё-таки пробивались сквозь землю, а густая трава сгибалась под силой ветра.

- Это самое красивое кладбище из всех, какие я когда-либо видела, – сказала Лужица.

Её мнение могло показаться странным, ведь на других кладбищах стояли надгробные статуи, на них приносили много цветов, а могилы защищались оградами, но Аврора поняла, что Лужица хотела сказать.

— Люди, которые здесь похоронены, провели жизнь у моря, — сказал папа, — потому и их кладбище расположено рядом с ним.

И когда они от него уходили, то обернулись и взглянули на кладбище ещё раз, словно хотели оставить у себя в памяти его отпечаток, спрятать его там и не забывать.

А потом они опять плыли на судне и почти все отправились вниз в каюты и легли отдыхать, но папа с мамой, Кнут и Аврора ложиться не стали.

— Постоим ещё немного на палубе, — сказал папа, — поговорим. Ты пишешь маме, Кнут?

— Да, почти каждый день, я писал ей, что нашёл временную работу на лето, но было бы хорошо, если бы и вы написали ей.

— Так я и сделаю, — пообещал папа.

— Расскажите о командировке, — попросила Аврора. — Вы имели дело с мошенниками?

— Нет. Это были обычные люди, просто некоторые из них не посчитали нужным всё делать по общим правилам. Но для них тоже существуют законы, и в мире должен соблюдаться порядок, — объяснила мама.

— Да, но те, кто поступают неправильно, они ведь мошенники?

— Нет, — сказала мама, — просто некоторые начинают свою жизнь неудачно, а другие несчастны и поэтому восстают против порядка. И надо сказать, Томас — очень хороший судья. Он умён и в то же время хорошо относится к людям, он хорошо понимает их. Мне хотелось бы стать такой же, как он.

— Ты и так очень умная, — похвалила её Аврора.

— Верё и Рёст, — повторил названия островов папа. — Жаль, что на Верё мы прибудем в полночь и не сможем погулять, но вот на Рёст мы приедем днём.

— Есть одна сказка, — сказал Кнут, — которую рассказывал мне отец, когда я был ещё маленьким и он жил с нами.

— Ну да, это сказка о трёх бакланах с острова Рёст. Мы должны её прочитать, когда вернёмся домой, но знаешь, мне хочется рассказать о другом.

Мы ведь как раз собирались на Рёст. Жил когда-то давным-давно в Венеции вельможа по имени Пьетро Кверини. Он плавал на большой парусной шхуне с экипажем шестьдесят три человека. В трюмах шхуны они возили большие бочки с вином на продажу в Голландии. Но их застал шторм, и они сбились с курса.

— А что такое курс? — спросила Аврора.

— Курс — это направление, по которому судно идёт к цели, — объяснил пapa. — И вот они сбились с курса, но надеялись, что им повезёт и они выйдут к Северной Ирландии. Их всё сносило и сносило ветром, и под конец волны сломали руль. Волны были такие высокие, что перехлестывали через судно, и матросам день и ночь приходилось вычерпывать воду. Потом ветер в клочья порвал паруса, а дело-то было в декабре. Повсюду ходили тёмные и холодные волны. Корабль носило по морю по воле ветра и волн, и матросы решили избавиться от мачты, чтобы судно встало выше и свободней на поверхности моря. Но они только ухудшили своё положение. Тогда они решили спастись на двух имевшихся на шхуне шлюпках, и Пьетро Кверини сначала хотел сесть в ту лодку, что поменьше, но потом поменял решение и прыгнул в большую. Малая лодка пропала, и оставшиеся в живых больше её не видели, а в большой шлюпке ещё оставалось сорок семь человек. У них не было воды, но сколько угодно вина, вяленого мяса и сыра. Но не прошло много времени, как они поняли: нужно беречь запасы и выдавать их частями на каждый день, если они ещё надеются выжить. Многие матросы замёрзли до смерти. Потом однажды одному из них показалось, что он видит вдалеке низкую полоску земли, хотя целый день было темно, и на следующий же день этой полоски больше никто не видел, но они заметили кое-что другое: огромную, встававшую прямо из моря гору, к которой им удалось подвести лодку. Но когда они приблизились к ней, то заметили, что кругом полно подводных скал, а они таят для моряков много опасностей: ведь лодка может сесть на них или на мель и разбиться под ударами волн. Хотя людям Кверини всё-таки повезло: одна особо высокая волна подняла их над скалами и выбросила на мель рядом с берегом. Моряки увидели, что попали на остров с крутыми отвесными горами, обрывавшимися в море. Только вот как же подвести лодку ближе к берегу? Под конец им всё же удалось отыскать узенькую полоску земли между горами и морем, и они вытащили

на неё лодку, вышли на землю и обнаружили на ней снег. Ты знаешь, почему они посчитали это большой удачей, Аврора?

– Нет. Хотя – да. Они могли на снегу поиграть?
– Нет, они стали есть этот снег, – объяснил папа, – они ведь давно уже лишились воды. Кверини позже написал, что снег спас им жизнь, настолько их измучила жажда.
– Что же, у них не осталось вина? – спросила Аврора.
– Не осталось. Скоро они обнаружили, что остров, на который они попали, необитаем, и понадеялись, что смогут отправиться в путь дальше на следующий же день. Но когда они попробовали сесть в шлюпку, она развалилась полностью, и им пришлось остаться на острове. Из вёсел и плащевой они соорудили палатку, а из деревянного остова шлюпки разожгли костёр. Питаться они решили ракушками. Людей оставалось к этому времени всего тринадцать, а на двенадцатый день слуга Кверини обнаружил на дальней оконечности острова небольшое строение. Матросы поняли, что

кто-то использовал его как загон для скота, и они очень своей находке обрадовались, потому что всё-таки находиться внутри него было немного теплее. Потом они нашли выброшенную на берег огромную рыбину. Она была такая большая, что они питались ею ещё десять дней. Остров, к которому их прибило, называется ныне Сеннё. Кверини и его спутники об этом знать не могли. Не знали они и того, что неподалёку от него лежал остров Рёст и на нём жили люди. Есть два объяснения, почему эти люди отправились на Сеннё посреди зимы. Одно сводится к следующему. На Рёсте жил рыбак с двумя сыновьями. Одному из них приснилось, что с горы на Сеннё сорвались несколько овец. Он увидел их во сне до того отчётливо, что его отец отправился на остров, чтобы проверить сон. Согласно другому объяснению, жители Рёста увидели вдалеке дым костра, хотя знали, что на Сеннё в это время людей быть не могло.

Вот почему они решили съездить на остров и всё выяснить, а когда подошли к нему, то увидели, что дым идёт от загона на оконечности острова. Сначала они испугались, но потом всё же осмелели и подошли поближе. Тут-то и появились перед ними Кверини и его люди. Ты можешь представить себе, как удивились им рыбаки с Рёста. Они увидели перед собой несчастных, промёрзших и исхудавших людей, заговоривших с ними по-итальянски. Рыбаки, конечно, не понимали, что им говорили, а Кверини, в свою очередь, не понимал, что говорили рыбаки. Но одно было ясно всем: на острове оказались люди, с которыми случилось несчастье на море. Рыбаки взяли с собой двоих из них, а остальным сказали, что ещё приедут к ним, и обещали еду и помочь.

Это произошло в пятницу. Миновали суббота и воскресенье, но никто не появлялся, и Кверини уже стал терять надежду. Но причина задержки была простая. Почти все люди с Рёста вышли в море на ловлю рыбы и вернулись домой только в субботу вечером. В воскресенье они собрались в церкви, священник рассказал им о несчастных на острове Сеннё, и они решили им помочь.

В живых из людей Кверини оставалось теперь только девять человек, их отвезли на остров Рёст и расселили по семьям. Они прожили там ещё три с половиной месяца, поправились и набрались сил, и, когда Кверини вернулся в Италию, он записал всё, что за это время пережил, и тем самым отблагодарил добрых людей с острова Рёст. Он не забывал их до самой смерти,

а те, кто живут на Рёсте сегодня, и поныне сохранили о нём память, хотя с тех пор прошло несколько сотен лет.

— Мы тоже едем на Рёст, — сказала Аврора. — Хорошо, что я взяла с собой сирену. Если бы у Кверини такая была, рыбаки смогли бы помочь им раньше.

— Твой отец рассказывает замечательно, — прошептал Кнут Авроре, — но я, пожалуй, пойду и немножко посплю.

Аврора сделала то же самое. Она проспала несколько часов, но не всю ночь. К ней подошёл папа и осторожно потормошил её.

— Аврора, мы уже на Верё. Жена судьи предлагает совершить прогулку по берегу, катер делает здесь долгую остановку. Ты пойдёшь с нами или будешь спать?

— Я пойду, — сказал Сократ, он уже долго спал. — И Стокфиссо пойдёт.

Когда они сошли на берег, жена судьи сказала:

— Сейчас я предлагаю кое-кого посетить.

— Что это она говорит? — удивилась папина мама. — Посещать кого-то посреди ночи?

— Да, это нетактично, — согласилась с ней тётушка Олеа.

А жена судьи рассмеялась:

— Оставьте эти заботы мне. Я знаю тех, к кому мы пойдём.

— Но сейчас уже половина второго ночи, — возмутилась папина мама.

— Ну да, — ответила жена судьи.

Они подошли к низенькому уютному дому, у которого сидели мужчина и женщина и разговаривали между собой.

— Привет! — поздоровалась с ними жена судьи. — Я привела с собой гостей. Мы едем на Рёст, но вы же знаете, катер стоит здесь долго.

— Ах, как приятно, — сказала женщина и поднялась с места. — Добро пожаловать! Входите все, пожалуйста!

Она нисколько не колебалась, хотя перед ней стоял весь кружок шитья, и жена судьи, и мама, и папа, и Кнут, и Аврора, и Сократ, и Стокфиссо.

Папа всё-таки сказал, что Стокфиссо нужно оставить снаружи. Пусть наслаждается полуночным солнцем. А все остальные вошли в дом, и хозяйка отправилась на кухню, сварила кофе и принесла пирожные и разные сладости. Скоро все взрослые уселись и оживлённо заговорили, как временами

бывает, когда людям приятно общаться друг с другом и вспоминать всё-всё, что они переживали чуть ли не в течение всей их жизни.

Авроре казалось странным, что они помнят так много, но слушать их было интересно.

Через некоторое время жена судьи сказала:

— Да, мы всё помним, мы помним всё. Послушай, Кнут, сбегай к капитану катера и попроси его выставить все наши чемоданы на пристань, чтобы мы могли их забрать. А потом мы отправимся с ними дальше, когда катер придёт в следующий раз.

Тётушка Олеа хотела спросить, прилично ли это, но промолчала, потому что подумала: как хорошо иногда совершать неожиданные поступки!

— Утром мы наймём большой бот, — сказала хозяйка дома, — и пойдём на нём в Пунн-Санн.

— Отлично, — сказал папа. — Ведь, по сути, мы поступили по отношению к Верё несправедливо. Мы здесь провели только час на пристани и едва окинули его взглядом. И ничего ещё не узнали о том месте, где только что побывали.

— А ведь ты говоришь верно, очень верно, — сказала жена судьи.

Ночью семья Теге и кружок шитья заполнили целый дом. Кто-то лежал на диванах, кто-то на кроватях, кто-то на тряпичных ковриках на полу, и все хорошо выспались к утру и чувствовали себя отлично.

— А что такое бот? — спросила бабушка.

— Ну это такое небольшое рыболовецкое судно, — сказал папа, — хотя не такое уж оно небольшое. В нём найдётся место для всех нас, и, будьте покойны, оно обладает прекрасными мореходными качествами. Вспомните о рыбаках, они ходят в море за рыбой в любую погоду и выбирают для этого только те суда, которые волн не боятся.

— Ну да, — сказала бабушка, — и сегодня ветер не дует.

— Нет, я что-то не помню такую прекрасную, как сегодня, погоду, — сказала жена судьи. — И вы, должно быть, не знаете, насколько нам повезло.

Но когда они вышли на пристань, бабушка встала на ней как-то наособицу. Бот уже стоял у причала, но так далеко внизу!

Здесь, в Нурланне, разница между уровнями моря в прилив и отлив была очень большая, а это означало, что в прилив вода стояла высоко, почти

вровень с пристанью, а сейчас как раз был отлив и бот стоял глубоко внизу. К причалу с внешней стороны была прибита своего рода лестница, и, чтобы попасть в лодку, нужно было по ней спуститься.

— Я лучше останусь здесь, — сказала бабушка, — я как-то не умею спускаться.

— Ты спустишься, — сказала жена судьи. — Эй, Олаус, ты будешь принимать всех, верно?

Она сказала это хозяину бота, а тот только кивнул, протянул руки и сказал:

— Спускайтесь!

Один за другим будущие пассажиры бота спускались по лестнице и с помощью его хозяина пересаживались на бот.

— Я зажмурюсь и попробую, — сказала бабушка. Она чуть-чуть спустилась по лестнице, и её тут же подхватили сильные руки. Через секунду бабушка оказалась на борту с остальными вместе.

Туман

— Пунн-Санн, — сказала Аврора, вслух повторяя непривычное название.

— Это означает дословно «на песке», — объяснила ей жена судьи. — Мы скоро будем там, и ты увидишь сама.

— Наверное, это небольшой песчаный пляж, — сказала Аврора. — И мы сможем искупаться.

— Как раз это мы и сможем, — сказала жена судьи.

Бот шёл в бухту, и Аврора увидела Пунн-Санн. Но это не был небольшой песчаный пляж. Наоборот, он был огромный, а за ним стояла высокая гора, она как бы окружала пляж, прижимая его к морю. В этот момент солнце стояло точно над горой и над пляжем, на горе сидели птицы, её склоны в некоторых местах поросли травой до самой вершины, а в других были сплошь каменные и издалека выглядели почти синими.

Бот остановился, хотя до берега было ещё далеко.

— Он не может подойти ближе, — сказала жена судьи. — Здесь мелко, и к берегу мы пойдём в лёгкой лодке.

Аврора видела, как маленькая лодка танцевала и прыгала на волнах за ботом. Она не была большой, и сверху, отсюда, до неё было далеко.

— Я, пожалуй, посижу, где сейчас сижу, — сказала бабушка. — Мне ведь не спуститься в эту лодку, которую вы называете лёгкой.

— Мы будем отправляться на берег партиями, — сказала жена судьи, — а ты, бабушка, разве не будет стыдно вернуться в свой лесной дом и признаться в том, что ты побоялась спуститься в лёгкую лодку?

— Я боюсь, но я всё-таки спущусь, — сказала бабушка. — Но тогда я спущусь в неё первой, а то передумаю.

— Ну конечно, — сказала жена судьи. — Бабушка, Лужица, папина мама, Аврора и папа пойдут первыми.

— Нас слишком много, — сказала Лужица. — Я чуть подожду, мне нужно написать письмо, пока я всё не забыла.

Папа взял бабушку под локотки и спустил её вниз, а Олаус, стоя в лёгкой лодке, принял её. Лодка потанцевала на воде и успокоилась, бабушка уже сидела на своём месте, и скоро к ней присоединились остальные.

Они погребли к берегу, а когда высадились, папина мама сказала:

— Я по-настоящему рада, что Мари стала помощницей судьи в Фабельвике. Ведь если бы она ею не стала, мы бы сюда в жизни не добрались.

Аврора сразу же вошла в воду. Песок, на который она ступала, был таким приятным, волны омывали и спрессовывали его в течение сотен лет, словно подготавливая его для её маленьких ножек. Она шла к морю, а потом повернула назад и пошла к горе, и это было так чудесно: гора словно отодвигалась от неё, а когда она кидала взгляд на вершину, её почти кружило и так хотелось лечь на спину и словно бы полетать. Но Аврора этого не сделала, хотя птицы парили вверху над ней, а папа говорил:

— Наверное, это орлы. Только они, говорят, настолько любят одиночество и такую дикую высоту.

Лёгкая лодка сделала ещё несколько рейсов туда и обратно, прежде чем перевезла всех на берег. Все разулись и побродили по воде. Бабушка накинула на весло покрывало и сделала небольшой навес от солнца, но и ей захотелось походить по воде и чуть поплескаться. Аврора показала всему кружку

шитья, как это весело – идти к горе и заставлять её пятиться, а мама и папа бегали по морю и ревились, как дети. Жена судьи тут же вспомнила, что ещё не купалась сегодня утром, и плавала вокруг, как русалка, и даже Лужица искупнулась. Она зашла в воду в шляпке, и это выглядело так причудливо: и сама Лужица, и её шляпка, и сверкающая под солнцем вода, и горы, что отступали.

Хозяйка дома с Верё взяла с собой полотенце. Она расстелила его на песке и разложила на нём самые вкусные, по мнению папы, блюда. Он был очень доволен.

– Это же самый красивый на свете пляж, Аврора, – говорил он. – На юге есть много красивых мест с почти белым песком на пляжах, но где ещё вы найдёте такой берег с высокой горой и всеми этими птицами? Кстати, ты знаешь, Аврора, их названия?

– Это кайры, тупики, моевки, бакланы, вороны и гаги, – сказала Аврора. – Ну и конечно, полярные чайки.

– И маленькие обычные чайки, – поспешил добавить Сократ, решив, что если есть большие полярные чайки, то должны быть и маленькие.

Они отдыхали на пляже долго, но под конец солнце, вода и яркий свет сморили их окончательно, и они решили вернуться назад на бот.

На обратном пути они испытали своё рыбацкое счастье, и бабушка Уле-Александра вытянула несколько рыбёшек трески одну за другой. Решила попробовать себя в рыбной ловле и бабушка. Олаус научил её правильно держать лесу, и вот неожиданно она закричала:

– Там что-то есть! Я не знаю, смогу ли её вытащить.
– Сможешь, – успокоила её жена судьи, – сможешь, и Олаус тебе поможет.

Бабушка стала тянуть, время от времени призывая других на помощь, и в конце концов вытянула большую треску.

– Ну вот, ты и поймала нам на обед рыбу, – похвалила её хозяйка дома на Верё. – Спасибо тебе большое.

На следующее утро они отправились дальше, и бабушка сказала:

– Я проработала дояркой больше пятидесяти лет и получила множество всяких похвал и грамот, но такого счастливого дня, как этот, я всё-таки не помню.

Хозяйка с Верё посчитала её слова достойной прощальной речью и долго махала им вслед рукой, пока катер окончательно от неё не ушёл.

Рано следующим утром они прибыли на остров Рёст и удивились тому, что он оказался совсем-совсем невысоким. Авроре даже показалось, что они опять приехали в Голландию, так здесь всё было ровно. Хотя на Голландию остров всё-таки похож не был: открытое море у острова обходилось с ним очень жестоко, так жестоко, что на Рёсте совсем не росли деревья, и дороги здесь тоже отличались от обычных, они проходили на насыпях и приподнимались над остальной местностью – наверное, чтобы их не смыло приливом.

– Вот куда в конце концов доехал Кверини, – сказал папа.
– Мы оставим здесь чемоданы, – сказала жена судьи, – только оденемся потеплее. Звонили с Верё и сообщили, что они и здесь заказали для нас бот.

Сократ взял с собой Стокфиссо, Кнут – блокнот, а Аврора – свою сирену. Этот бот тоже лежал низко под пристанью, но на этот раз бабушка набралась храбрости и скользнула по отвесной лестнице прямо в объятия мужчины, хозяина бота.

– Мы поедем смотреть птичий горы, – сказала жена судьи, – и вообще осмотрим мелкие островки: здесь, вокруг Рёста, их очень много.

– Хорошо, – сказал хозяин бота. – Будем надеяться, что погода не переменится.

– Вы говорите «погода»? – сказала жена судьи с таким видом, словно считала, что погода здесь, на севере, не меняется никогда.

Они подошли к птичьим горам и сразу же умолкли, потому что свободно говорили здесь одни только птицы. Они кричали беспрерывно, перелетая с одной горной стены на другую. Множество птиц сидело плотно по всей поверхности горы, а на небольших островках поблизости сидели бакланы, вытягивая свои длинные шеи.

– А вон летит тупик, – заметил папа, – и наверняка держит в клюве селёдок семь. Если бы у нас было больше времени, Аврора, мы бы сошли на берег и немного полазили по горе – мы бы не тревожили птиц, только на них глядели – и наверняка бы нашли гнёзда тупиков. Они прячутся в глубине горы, понимаешь, ведь хоть у этих птиц оперение плотное и пушистое, холода они всё-таки избегают.

— Наверное, — сказала папина мама, — мне, как тупику, тоже кажется, что тут стало холодно.

— Это потому, что ты вчера пересидела на солнце, — сказала Лужица.

Бот шёл всё дальше в море, и папина мама вдруг сказала:

— А ты знаешь, Эдвард, море не такое уж спокойное, как было раньше. Скажи хозяину, чтобы он вёл бот на Рёст. Мы и так уже повидали немало.

Хозяин бота кивнул головой и повернулся, и тут Аврора услышала в гуле мотора какие-то незнакомые звуки. Она ничего не сказала, но взглянула на лицо Кнута. Оно вдруг сделалось напряжённым. Кнут увлекался моторами и тут услышал один из них, работавший плохо. Сначала мотор рванул вперёд как ни в чём не бывало, но потом работать ровно он перестал. Он завывал время от времени, потом замолкал, стучал часто-часто и наконец затих полностью.

— М-да, — сказал папа.

— Мотор заглох, — сказала папина мама. — Что нам делать, Эдвард?

Папа огляделся. Неподалёку от них располагался гостеприимный островок, и он сказал:

— Мы ничего в этом положении предпринять не можем и, если хозяин починить мотор сразу не сможет и ты согласишься, высадимся на тот островок.

Все немного подождали, но мотор не заводился, и папа сказал:

— Мы высаживаемся, моя мать не хочет бесцельно болтаться в море.

— Как хотите, — сказал хозяин бота.

У него была лёгкая лодка среднего размера. Он бросил якорь, вскочил в лёгкую лодку и сделал на ней два рейса от бота к островку и обратно. Пассажиры, таким образом, оказались на островке.

— И что вы теперь будете делать? — спросил папа.

— Ну если мотор не заведётся, я поставлю парус и сообщу по радио, что у нас неполадки с мотором. Но вы можете пойти под парусом со мной до самого Рёста.

— Нет, — отказался папа. — Мы ведь выехали на спокойную морскую прогулку. Если вы не сможете выехать за нами, пошлёт сюда кого-нибудь другого.

— Так я и сделаю, — сказал мужчина, поставил парус и ушёл, поворачивая туда и сюда под ветром, в море.

От скитаний на море пробуждается аппетит. К счастью, хозяйка с острова Верё снабдила их сухими завтраками.

— Вот, теперь мы можем поиграть в Кверини, — сказала Аврора. — Мы как бы прибыли из Италии, заплутали в море и, хотя попали в жестокий шторм, добрались сюда.

— Да, — сказал папа. — И еды у нас осталось только на один раз. Так что встаёт вопрос: где бы нам раздобыть ещё?

Бабушка Уле-Александра уже отошла к крайним скалам и забрасывала лесу с блесной, а Кнут стал искать ракушки.

— Я хорошо вижу вдаль, — вдруг сказала бабушка. — Вон там растёт что-то серое. Здесь светит солнце, но я уже мёрзну.

— Это идёт туман, — объяснила Аврора, превратившаяся вдруг из тириллтопенской девочки в фабельвицкую.

— Туман, — повторила папина мама. — Это в самом деле туман. Надеюсь, он так и останется там, в море, и не придёт сюда.

Однако туман не проявил к её пожеланиям никакого почтения. Он всё приближался и приближался, и скоро за ближайшим к ним островком они уже ничего не видели, а под конец в нём скрылся и сам островок. Теперь они едва различали друг друга и даже не видели бабушку Уле-Александру, пока она вдруг среди них не появилась.

— Я едва тут не потерялась, — сказала она.

Все задумались.

— Я вот сижу здесь, — сказала бабушка, — но не знаю, знают ли об этом другие?

— Может, хозяин бота до сих пор блуждает в тумане, — сказала папина мама, — и никто не знает, где мы сейчас находимся?

— Ничего подобного, — успокоила их жена судьи. — Кое-кто на Рёсте видел, как мы оттуда уходили.

— Да, но они не знают, что мы именно здесь, — сказала Лужица.

— Нет, не знают, — согласился папа. — Но смотрите, смотрите, я вас ещё вижу.

— И это единственное, что ты видишь, — сказала папина мама. И она говорила правду, туман словно наплывал на них и прятал от их глаз всё.

— Ой! — воскликнула Аврора. — Я кое-что придумала. Она вскочила и достала из сумки свою ручную сирену.

— Сейчас я подую, — сказала она. Аврора подула в сирену, а потом сделала паузу и подула снова, потом замерла и прислушалась: ей отвечала другая сирена.

Чуть позже кто-то окликнул их:

— Эй, там!

И они услышали гул мотора. Потом они услышали звук вёсел и увидели выплывшую из тумана к острову лёгкую лодку.

— Поздравляю, — похвалил их человек в лодке, — кто-то из вас догадался взять с собой сирену!

— Это я, — сказала Аврора.

— Не будь её, не знаю, нашёл ли бы я вас в тумане... Он плотный, как каша.

— А как же вы попали сюда? — спросила бабушка Уле-Александра.

— Я всё пытался найти дорогу, — сказал рыбак, — ну и потом пошёл в одном направлении.

— Как вы думаете, а мы найдём дорогу, когда поплывём отсюда? — спросила бабушка Уле-Александра.

— Подождём немного, туман рассеется.

И в самом деле, туман рассеялся, и во второй половине дня волнение немного усилилось, но они добрались до Рёста. А там они со всеми их чемоданами сели на катер и отправились на нём, совершившем регулярные рейсы зимой и летом, в шторм и штиль, дальше.

Кружок шитья в полном составе сошёл в Будё, а оттуда поездом отправился домой, по какому случаю бабушка сказала:

— Ну вот, хватит с нас морской жизни. Хотя лично мне будет её не хватать.

Аврора, мама, папа, Сократ, Стокфиссо, Кнут и жена судьи отправились домой в Фабельвик. Кнут остался там на всё лето, а дядя Бранде, Аннет и близнецы отправились обратно рейсовым теплоходом, что было очень удобно: теплоход укачивал близнецов всю дорогу. А когда Кнут наконец отправился домой, ему не было нужды ехать автостопом, он заработал деньги, помогая по хозяйству в усадьбе судьи, и полетел домой

на реактивном лайнере. Нюсси, как и обещала, на обратном пути домой заехала в усадьбу судьи и провела с Авророй целый день, но больше в усадьбе гостей не ждали, и однажды утром Юханна села напротив дома и спросила:

- У вас сегодня гости?
- Нет, – сказала Аврора.

И Юханна ответила:

- Это хорошо.

Осенний танец

Жил-был на свете жёлтый листочек. Он держался на ветке, ветка росла на дереве, дерево росло в саду, сад располагался перед домом в усадьбе судьи, а усадьба судьи располагалась в Фабельвике.

Жёлтый листочек не был на свете одним-единственным, их было множество, жёлтых листочеков и ещё почти красных: многие из них висели на ветках и под лёгким ветерком трепетали. Хотя кое-какие из них падали, ведь стояла осень, и они знали, что дерево отпускает их по своей воле. Оно думало о другом, о главном. Скоро наступят зима и холод, и тогда главное – сохранять внутри добрые соки и прятать их в корнях, чтобы холод не добрался до них и не превратил их в лёд.

Когда в листья не поступает влага, они высыхают, становятся жёлтыми и красными и очень на вид красивыми. И вот тогда они начинают свой осенний танец.

Аврора стояла и смотрела на жёлтый листок, тот, что был готов оторваться. Ветер по-настоящему за него взялся, но листок всё крепился, он словно хотел сказать: «Не сейчас ещё, пока не сейчас».

И тогда ветер обиделся, отступил и поговорил с другими порывами, и сначала они все затихли, словно затевали что-то недобroе, а потом с шумом изо всех сил набросились на деревья. Деревья под их напором сгибались и трепетали, а жёлтый листочек ещё держался, но дрожал всё чаще и чаще, а потом сдался полностью и окончательно, но не упал,

нет, он взвился вверх и затанцевал со множеством жёлтых и красных листьев.

Ими наполнилось всё пространство, а они опускались, но потом опять подлетали, и Аврора выбежала из дома, а за ней побежал Сократ. Ветер будто поверил, что Сократ тоже был листочком, и попробовал его подхватить, да и сам Сократ почти поверил, что сейчас поднимется в воздух и полетит, и поэтому быстро-быстро перебирал по земле ногами.

- Мне так интересно! — воскликнула Аврора.
  - Да, — вторил ей Сократ, — и Стокфиссо тоже.
- И он подбежал к домику-ящику Стокфиссо.

— Выходи! — приказал Сократ.

И Стокфиссо тотчас же исчезла среди листьев.

— Посмотрите на Стокфиссо! — крикнул Сократ. — Она уплыла, она подумала, что попала в море, и уплыла.

Аврора всё это видела, но ей было некогда, она прорывалась через вороха листьев, которые разбрасывала во все стороны.

- Аврора, ты что делаешь? — прокричал чей-то голос.

Аврора взметнула голову и поймала взглядом стоявших у калитки Ракель и Юханну.

— Заходите! — крикнула Аврора. Она не считала, что нужно объяснять то, чем она сейчас занимается.

Ракель с Юханной быстро сообразили, в чём дело, и сразу же включились в игру, а Сократ, тот действовал осторожнее, он должен был беречь Стокфиссо.

- Мы сгребём высокие кучи, — сказала Юханна, — а потом в них бросимся.

Сократ встал, посмотрел на них, а потом сказал:

- Знаешь, Стокфиссо, полежи здесь, отдохни, а я сгребу пару куч.

После этого он стал сгребать листья в кучи и бросаться в них, а Юханна, та просто прыгнула в одну из них вверх ногами. Ракель засыпала Аврору листьями с ног до головы, так что та совсем под ними исчезла. Ветер будто свёл ребятишек с ума, и Сократ вёл себя сумасбродней всех... Он ввинчивался в кучи и выныривал из них с жёлтыми листьями на голове.

Так продолжалось некоторое время. Но потом дети устали, сели каждый у своей кучи и глядели друг на друга и на кружащиеся повсюду листья.

— Да, Стокфиссо... — сказал Сократ и стал рыться в своей куче. Куда же он её положил? Кажется, вот тут, пониже. Но Стокфиссо, по-видимому, так увлеклась игрой с листьями, что из них не показывалась. — Пропала Стокфиссо! — крикнул Сократ Авроре. — Это не ты взяла её?

— Но она же была у тебя на поводке, — сказала Юханна, — я сама видела.

— И я тоже видела, — подтвердила Ракель. — Ты вёл её на поводке, как собачку, хотя она всего-навсего сушёная рыба.

— Нет, она — не сушёная рыба, — возразила Аврора. — Она — Стокфиссо, и Сократик любит её.

Теперь они бродили среди листьев совсем по-другому, они разгребали их ногами, надеясь отыскать Стокфиссо. Но Стокфиссо пропала и не появлялась.

— Знаете что, — вдруг сказала Ракель, — у моего дяди Юнаса есть собака, и она так хорошо всех ищет.

Аврора взглянула на неё с ожиданием. Как здорово было бы искать Стокфиссо с собакой!

— Иди и приведи её, — предложила она.

Все другие продолжали искать, а Сократ даже позвал Стокфиссо, но и это не помогло: Стокфиссо не шевелясь лежала под листьями.

К ним подошёл чёрно-белый пёс. Он был довольно большой, и Ракель вела его на поводке.

— Какой он породы? — спросила Аврора.

— Дядя говорит, что он помесь дворняги и бастарда, а по-моему, он прекрасный пёс, он очень умный и не кусается.

— А как его зовут? — спросила Аврора.

— Выборзок. Выборзок, ищи сушёную рыбу Сократика!

Казалось, Выборзок не вполне понял, чего от него хотят. Он вилял хвостом, принюхивался к Авроре и словно хотел сказать: «Здравствуйте!» Аврора стояла тихо и позволяла себе обнюхивать, она знала, что таким образом собаки знакомятся. А Юханна знала Выборзка ещё до этого, поэтому он быстро её поприветствовал, а вот с Сократом стал знакомиться основательнее. Выборзок его обнюхал, и когда он этот процесс закончил, то сразу же понял, о чём ему говорила Ракель. Конечно, он давно учился запах сушёной

рыбы, и этот запах исходил от Сократа, хотя он уже почти улетучился... Но что-то от запаха всё равно на одежде Сократа осталось, поэтому Выборзок чуть отбежал, потом снова понюхал Сократа и начал поиски. Сначала он описал несколько кругов вокруг того места, где стояли ребята, а потом стал забирать круги шире и шире и наконец побежал на полной скорости через весь сад, ведь это место для него было новое и, прежде чем отыскать сушёную рыбу, ему хотелось подробнее изучить здесь всё. Время от времени Выборзок поднимал ногу и своей струйкой приветствовал деревья, так чтобы все понимали, что он уже побывал здесь. А потом он подбежал к горе листьев. Яростно замахав хвостом, он нырнул под листья и выскочил из-под них со Стокфиссо в зубах.

— Он нашёл мою Стокфиссо! — закричал Сократ.

Конечно, Выборзок нашёл её, но он определённо не хотел её отдавать. Ведь он считал сушёную рыбу самой лучшей едой из всех, какие он знал, и сейчас стал бегать кругами по двору в поисках удобного места, чтобы лечь и съесть её.

Но тут уж встрепенулись Аврора с девочками.

— Не смей её есть! — строго сказала Аврора. — Ты что же, не знаешь, что она принадлежит Сократику?

Выборзок только взглянул на них и побежал дальше. А малыши бросились за ним в погоню и, хоть бегали они быстро, всё же не могли взвинтить скорость до той, с какой умел бегать Выборзок. Ведь у людей было только по две ноги, и не очень, так скажем, длинные. А у Выборзка — целых четыре и ещё сильное и упругое тело, так что убежать от детей ему ничего не стоило. Ракель даже пыталась несколько раз перехватить его на пути. Она знала Выборзка лучше всех. Но Выборзок чуть пятился, обегал её и нёсся дальше, а потом он увидал, что калитка в усадьбу приотворена, после чего в один миг исчез из сада и помчался по улицам Фабельвики.

Дети бежали за ним, крича:

— Стой! Стой! Выборзок, иди к нам!

Но Выборзок только добавлял скорости, а когда они все вместе выбежали на Главную улицу Фабельвики, где были расположены все магазины, дети закричали:

— Остановите собаку!

На их крики из аптеки вышел аптекарь, из книжного магазина – продавец книг, из колониальной лавки – дамы и господа, и все говорили друг другу:

- Что случилось, что это?
- И Юханна, кричавшая громко и звонко даже на бегу, отвечала им:
- Это Выборзок! Он отнял сушёную рыбу у Сократика из усадьбы судьи.
- Сушёную рыбу? – удивлялись все. – Что, в доме судьи теперь подают к столу сушёную рыбу?
- Нет, – объясняла им Юханна, – Сократик любит именно эту сушёную рыбину! В доме судьи не хотят, чтобы её съели, а Выборзок уже хотел её проглотить!

Выборзок никогда ещё так не веселился. Во-первых, он от души побегал, и, во-вторых, в пасти у него лежала вкуснейшая на свете сушёная рыба. Но всему на свете приходит конец. Пёс вбежал через открытую калитку к кому-то во двор и там в самом дальнем его углу вознамерился устроить себе обед. Но эти глупые людишки забежали во двор вместе с ним. Нет, всему должен быть предел! Выборзок был, в общем, добродушным псом, но он не любил, когда его тревожили за обедом, и решил, что пора об этом заявить. Он потихоньку зарычал, а когда никто на его голос не обратил внимания, зарычал сильнее и показал все зубы, какие у него были, а их, скажем прямо, было немало.

Должны же они понять, что он хочет поесть в покое.

Тут к нему подошла какая-то дама. Кто бы это мог быть?

Ну конечно, жена судьи. Если и был на свете человек, который не мог допустить, чтобы Стокфиссо съели на глазах у Сократа, то это была она.

Она стояла и держала в руке пакет, а в пакете лежали два бифштекса, которые она купила для себя и судьи Томаса. Она поспешила его распаковать. Один бифштекс она оставила в пакете, а другой держала над Выборзком. На секунду показалось, что он даже коснулся его носа. Да что же это такое? Сначала Выборзка заставили с бешеною скоростью бегать по чужому саду и искать сушёную рыбину, а теперь прямо перед носом подвесили настоящий бифштекс.

Долго он думать не стал. Сушёная рыбина хороша, но ни в какое сравнение с бифштексом она не шла. Для пса это вещь особая.

Он отпустил Стокфиссо и уставился на бифштекс. В общем-то он просто отложил Стокфиссо на десерт, хотя из этого ничего не вышло. Аврора схватила Стокфиссо в тот миг, когда жена судьи выпустила из руки бифштекс. Аврора высоко подняла над собой рыбину, опасаясь, что Выборзок за ней прыгнет. И так бы оно и случилось на самом деле, не забери её жена судьи у Авроры. Она зашла в ближайший магазин и попросила:

— У вас не будет картонной коробки, куда бы я могла положить эту рыбку?

Ей дали длинную коробку, где прежде лежал купленный папой багет для шторы, и Стокфиссо удобно улеглась в ней. На всякий случай жена судьи всю дорогу несла коробку над своей головой. Ракель нацепила на Выборзка поводок и отвела его к своему дяде, его хозяину, и весь Фабельвик вздохнул с облегчением: история с сушёной рыбой Сократа закончилась благополучно.

А судья Томас за обедом немного удивился, когда его жена вошла в столовую с тарелкой, на которой лежал бифштекс, выглядевший очень уж одиноко.

— Мы его поделим? — спросил Томас.
— Нет, мы его не будем делить. Я сегодня поем только салат из зелени. Это, по-моему, самая здоровая пища.

— Вы, девочки, всегда придумываете что-нибудь особенное, — сказал Томас себе под нос.

— Так поступают не только девочки, — сказала жена судьи. — А ещё девочки, они тоже любят особенное. И дети. Им особенное только подавай.

До конца Томас её не понял, но, поскольку Фабельвик не был таким уж большим городом, не прошло много времени, как всем его жителям стали известны кое-какие подробности.

Вечером, когда Аврора ложилась спать, на её одеяле лежал жёлтый лист. Окно стояло открытым, и жёлтый лист, танцуя, влетел в комнату. Может быть, это был тот же жёлтый листок, который она видела утром. Узнать об этом нельзя, но Аврора была уверена, что так оно и было, и она заложила листок между страницами одной книги. И много раз позже, когда раскрывала книгу, она находила его и вспоминала день, когда листья исполняли в Фабельвике осенний танец и Выборзок искал Стокфиссо.

«Маленькому голодному мальчику»

Было утро, мама с папой и Аврора с Сократом завтракали. Мама урывками заглядывала в газету. Потом она вздохнула и сказала:

— Время от времени у меня возникает чувство беспомощности, ведь мы ничего не можем поделать.

— С чем именно? — спросил папа.

— Да с голодными детьми за границей, — объяснила мама. — Мало того что там идут войны и происходят несчастья. Там ещё голодают дети.

Она глядела в это время на снимок малыша из Нигерии, ужасно худенького, со стянутой на лице от голода кожей.

— Давай откладывать для них каждый день деньги, а потом пошлём их, — предложил папа.

— Да, мы можем это сделать, но общего положения не исправим.

— Понимаю, — ответил папа, — но если каждый человек попробует помочь людям, это ведь принесёт пользу.

Мама сложила газету и собралась идти в контору судьи.

— Ну всё, мне пора. Счастливо вам оставаться.

— Я тоже пойду, — сказал папа, — но скоро вернусь обратно. Вы, Аврора с Сократиком, сидите дома, пока я не вернусь. Я только загляну в местную школу. Я обещал навестить их и с ними поговорить.

«Мы не против, пожалуйста», — подумала Аврора. Теперь, когда Сократ вырос, с ним вполне можно было разговаривать. Тем более погода снаружи стояла ненастная и шёл дождь: лучше уж сидеть дома.

— Мы посидим дома, Сократик. Поиграем и что-нибудь придумаем.

— Конечно. — Сократ любил, когда Аврора разговаривала с ним серьёзно. В такие минуты он взрослел сразу во много раз, смотрел ей в глаза и согласно кивал, как взрослый.

— Сначала на прощание помашем маме рукой, — сказала Аврора.

Много времени это не заняло. Мама торопилась и побежала по дорожке через сад к дому судьи. С папой прощались дольше. Он надел шляпу и пальто, взял зонт, но, как только вышел на улицу, ветер тут же сбил с него шляпу и вывернул наизнанку зонт, так что папа тут же вернулся.

— Лучше я надену плащ и зюйдвестку.

Аврора с Сократом стояли в коридорчике и смотрели, как папа завязывает шнурки зюйдвестки, а потом они подбежали к окну, чтобы помахать ему на прощание. Папа тоже помахал им всей своей фигурой, сделал несколько шагов по дорожке и вернулся.

— Надо же быть таким тупым! — сказал он. — Раз уж ты вышел в дождь, загляни заодно в магазин.

Он взял деньги, хозяйственную сумку и ушёл. Аврора с Сократом помахали ему рукой во второй раз, и больше он не возвращался.

— Ну что, поиграем в лошадку? — предложил Сократ.

— Нет, подождём немного. Давай поиграем в маму и папу.

— Чур, я — папа, — сказал Сократ. — Вот, я ухожу.

— Но мы ведь обещали не выходить, ты помнишь?

И тут Сократ шепнул ей на ухо:

— Я сразу вернусь. Я только пройду немного, как папа.

Он вышел в коридор, надел на себя папино пальто и шляпу, ну и, конечно, взял зонт. Аврора помогла его раскрыть.

— Тогда обещай, что ты скоро вернёшься.

— Я приду скоро, очень скоро. Счастливо оставаться, мой друг.

Сократ ухватил руками полы пальто, оно, конечно, было ему длинно. Очень неудобно, ведь нужно ещё держать зонт. Аврора открыла ему дверь.

— А ты не останешься ненадолго Авророй, чтобы помахать мне в оконко? — попросил Сократ. — Тогда я точно буду как папа.

— Хорошо, но ненадолго, а потом я буду мама, и ты тоже помашешь мне рукой.

И она встала у окошка.

Папа-Сократ вышел из дома. Но какой у него был вид! Пальто волочилось по земле, а зонтик он держал обеими руками. Ветер дунул в зонт несколько раз, и Сократу пришлось выбирать: отпустить зонт и оставаться на земле или улететь. Он выбрал первое, а зонт полетел по воздуху, упал, подскочил несколько раз и покатился. Сократ побежал за ним.

Надо было Сократа спасать. Одеваться некогда, и Аврора выбежала из дома в чём была и закричала Сократу:

— Сейчас я помогу. Ты стой!

Аврора бежала, зонт то улетал от неё, то она почти хватала его, и тут, к счастью, впереди возник человек, который зонт остановил.

- Он твой, этот большой зонт? — спросил он.
- Нет, он папин.
- Его нужно сейчас же закрыть. В такую погоду он не годится.
- Спасибо. Вы так добры.

Она взяла зонт и побежала обратно. Мужчина стоял и смотрел ей вслед, а когда он увидел папу-Сократа в волочащемся по земле пальто и со шляпой на носу, он улыбнулся и покачал головой.

А Аврора с Сократом забежали в дом. Папино пальто и юбка Авроры промокли, они сняли их, и Аврора развесила одежду на двух стульях перед печкой, чтобы её просушить.

— Лучше поиграем в папу и маму перед тем, как они вышли из дома, — предложила Аврора. — Я сейчас буду читать газету, а ты приготовь мне в пакетике бутерброд.

- А мы не можем читать газету оба?
- Можем. Мы ляжем оба на коврик и уже не будем больше мамой и папой. Мы будем самими собой.
- Только самими собой, — повторил Сократ. — Только Нильсом. Ты помнишь Только Нильса, Аврора?
- Конечно, но сейчас мы — это только мы.

Они рассмотрели первую страницу газеты. Картинку с судном, потерпевшим в море крушение, и ещё один снимок с господами в пальто и шляпах, которые выходили из самолёта. Под снимком стояла надпись из больших чёрных букв. Больше на странице ничего не было. Тогда Аврора пролистала газету дальше, и вот уже перед ними мальчик, о котором говорила мама, и его они рассмотрели подробнее.

- Он плачет, — сказал Сократ.
- Да, он ужасно голодный, и у него текут слёзы. Это ведь плохо, Сократик?
- Да. — Сократ всё смотрел и смотрел на мальчика, и чем больше он на него смотрел, тем мальчик печальней выглядел. — Я тоже плачу, уж очень этот мальчик голодный.
- Как бы его накормить?
- Бедняга, — сказал Сократ и погладил его по щеке.
- Давай играть, что он здесь, — предложила Аврора, — и приготовим ему еду.
- Отлично, — сказал Сократ и с готовностью встал.

Они оба пошли на кухню, и Аврора нарезала хлеб. У неё не получались тонкие и ровные ломтики, как у папы, но, во всяком случае, их тоже было много — одни чуть потолще, другие потоньше, третья просвечивали насквозь. Аврора нашла масло и намазала его на хлеб, а сверху добавила печёночный паштет и яблочное повидло. Она выложила хлеб на поднос и поставила поднос перед картинкой с мальчиком.

- Пожалуйста, угощайся!
- Но ведь всё это было не по-настоящему, и мальчик выглядел всё таким же голодным.

— Ничего не получилось, — сказала Аврора. — Давай упакуем бутерброды и пошлём их ему!

— Да, пошлём ему бутерброды, — согласился Сократ.

— Сначала завернём их в обёрточную бумагу, а потом уложим в ту картонную коробку, в которой вчера лежала Стокфиссо.

— Пакет будет большой, — сказал Сократ. Но с коробкой у них ничего не получилось, она оказалась для бутербродов слишком тоненькая и длинная.

— Лучше возьмём коробку, в которой принесли из магазина мои сапожки, — сказала Аврора, — а сверху завернём её в бумагу, дорога будет долгая.

Пакет получился очень красивый, хотя обернуть его бумагой оказалось непросто. Шпагат они не нашли. Тогда Аврора залезла в шкатулку для шитья и нашла в ней красную нитку пряжи, получилось празднично.

— Мы пошлём их сразу же? — спросил Сократ. — Он ведь голодный.

— Подождём папу. Для посылки нужен адрес, понимаешь?

— А теперь поиграем с лошадкой, — сказал Сократ и прыгнул в её седло.

Хотя в этот день быстрой скачки не получилось. Мысли у Сократа скакали, и лошадка ехала медленно. Дело было в том, что и Сократ и лошадка в это время много думали, а когда много думаешь, ничего быстро не получается, и ноги у лошадки еле шевелились.

Когда папа пришёл домой, вид у него был такой же задумчивый, как у Сократа. Он даже не заметил пальто и юбки перед печкой, хотя в конце концов обнаружил пакет, который лежал на столе.

— Что это такое? — спросил он.

Аврора взяла Сократа за руку и сказала:

— Это бутерброды для маленького мальчика от Сократика и меня. Пожалуйста, напиши на нём то, что нужно, мы пошлём пакет сегодня же, чтобы мальчик больше не плакал.

— Да, чтобы мальчик больше не плакал, — повторил за ней Сократ.

— О каком мальчике вы говорите? — спросил папа. — Это мальчик из Фабельвики?

— Нет-нет, — сказала Аврора. — Это мальчик из газеты, ему совсем нечего есть.

— Ах вот как. Тогда я понял. Вы хотите послать ему еду? И какую, Аврора?

— Бутерброды с паштетом.

— И с повидлом, — добавил Сократ.

Папа сел рядом, взглянул на них и сказал:

– Я, конечно, очень рад, что вы это придумали. Но кое-что я должен вам объяснить. Этот мальчик живёт очень далеко, и вы должны понять, что ваши прекрасные бутерброды испортятся, пока проделают такой долгий путь. На них заведётся плесень, и они станут несъедобными. Вот ведь что плохо.

– Да, но мама говорила, что им посылают еду, – сказала Аврора.

– Конечно, – согласился папа, – кое-какую еду им посыпать можно, и вы знаете, что лучше всего им посыпать то, что сохранится и останется таким же питательным.

– Нет, не знаем, – сказала Аврора. – Печёночный паштет, он питательный?

– Это верно, но что сохранится ещё дольше? Это как раз сушёная рыба, им нужно посыпать сушёную рыбу. И я знаю, что завтра им пошлют кое-что с нашего склада.

– Вот как, – сказала Аврора. – Но тогда мы ему никак не поможем.

– Наверное, – согласился папа. – Но мы можем поступить, как я уже говорил, послав деньги тем, кто покупает сушёную рыбу. А её потом отправят в далёкие страны.

– М-да, – задумчиво протянула Аврора.

– А сейчас вы оденетесь потеплее и пойдёте гулять. Не стоит сидеть в четырёх стенах целый день даже в дождик, – сказал папа и снял с головы зюйдвестку, устроив вокруг себя что-то вроде душа.

Аврора с Сократом вышли из дома. С красных и жёлтых листьев стекала вода.

– Пойдём к Стокфиссо, – предложил Сократ. – Она сидит в своём домике.

– М-да, – повторила Аврора.

Они стояли и оба смотрели на домик из ящика. Потом Аврора сказала:

– Стокфиссо – это ведь сушёная рыба.

– Да, – сказал Сократ, – тот маленький мальчик обрадуется.

– И может быть, перестанет плакать. Ты можешь ему помочь.

– Хорошо. Ты понесёшь её за хвост.

Они торжественно подошли к двери дома и постучали, хотя она была открыта. Папа подошёл её открывать. Когда он увидел Аврору и Сократа с сушёной рыбой, он немного вспылил.

— Я ведь говорил вам, что нельзя держать Стокфиссо в доме! И вы что же, такие нежные, что не можете выдержать пяти минут в непогоду?

— Нет, папа, нет, — возразила Аврора.

— Поедет Стокфиссо, — сказал Сократ.

— Вот как? — сказал папа. Он немножечко овладел собой. — Хорошо, тогда я охотно с ней попрощаюсь. Доброго тебе пути, Стокфиссо, до Верё или, может, до Рёста? Передавай привет тамошней рыбё и большое ей спасибо за прошлый приём.

— Папа, — строго сказала ему Аврора, — ты нас не слышишь, только притворяешься, будто слышишь.

— В чём тогда дело? Говори, я не скажу больше ни слова.

— Стокфиссо поедет в Африку, — объяснила Аврора, — и поможет тому мальчику, который плакал, сам Сократик это сказал.

Только тут папа наконец стал понимать.

— Сократик, да это же самое прекрасное, что я от тебя слышал! Ты знаешь, человечество ещё не пропало, если такой маленький мальчик, как Сократ, готов отдать свою Стокфиссо. Значит, положение не безнадёжно.

— Аврора тоже хочет отдать её, — сказал Сократ. — Она что, поедет не одна?

— Нет, не одна. Она поедет вместе с остальной сушёной рыбой. Мы сейчас же все втроём пойдём на склад, чтобы точно знать, когда она отправится. И ещё я обвязжу её красной лентой, на которой напишу небольшое письмо.

Папа отрезал от коробки, в которой Аврора с Сократом хотели послать бутерброды, небольшой кусочек картона и написал на нём по-английски: «В подарок маленькому голодному мальчику от Нильса Сократа и Авроры Теге. Они хотят, чтобы он был сыт».

Они пошли на склад сушёной рыбы, папа объяснил там, в чём было дело, и Стокфиссо присоединилась к другой сушёной рыбё, которую собирались отправить в Африку.

Потом они пошли домой и отыскали на глобусе место, куда, по мнению папы, должна была отправиться Стокфиссо. Должны же они были знать, как это далеко.

— Она не одна, — сказал Сократ. — Она разговаривает, наверное, сейчас с другими рыбинами. Их ждут впереди высокие волны, но они едут все вместе.

Аврора с Сократом снова пошли в сад. Они сняли замок с домика Стокфиссо, залезли внутрь и представили, что это – корабль.

– Мы сейчас на пути в Африку, – сказала Аврора. – И посмотрим, как обрадуется тот мальчик.

И как раз в этот миг в сад прибежал Выборзок. Он поискал в куче листьев, отбежал, обнюхал Аврору, Сократа и ящик-корабль, но Стокфиссо он не нашёл. Да и как мог знать Выборзок, что сущёная рыба в один прекрасный день играла с маленьким мальчиком, а в другой – отправилась в такое долгое путешествие, что ни одна собака на свете не могла его себе даже представить.

Но у людей из Фабельвики, тех, кто знал, как дорожил Сократ своей Стокфиссо, была память долгая, и они не забыли о Стокфиссо, хотя она и уехала в Африку.

Чучело

Вечером того дня, когда Стокфиссо отправилась в путь, маме обо всём рассказали, и они сели и стали обсуждать случившееся за ужином.

– А что ты делал в школе сегодня? – вдруг спросила мама.

– В школе? – переспросил папа. – Видишь ли, мне предложили поработать учителем. Заболел их преподаватель норвежского языка и истории. Но я ещё не знаю, что им ответить. Если я пойду к ним, то по утрам Аврора с Сократиком останутся без присмотра. Так что я не знаю.

Как раз тут в их дверь постучали. Пришла жена судьи.

– Извините, что я так поздно, но я знаю, что вы обсуждаете, – сказала она. – Я ведь всё равно сижу дома, так что могу за детьми присмотреть.

– Да и я тут рядом, – сказала мама, – и в случае чего с работы отлучусь. Соглашайся, Эдвард!

– Мне тоже так кажется, – сказала жена судьи. – Эдвард много лет служил науке, и теперь его знания могли бы пойти на пользу молодёжи из Фабельвики.

Так семья Теге решила, что папа станет работать учителем. Утром, когда он должен был пойти в школу, в их доме царил переполох, все натыкались

друг на друга, а больше всех волновался папа и всё время поправлял на себе галстук.

— Ну что ж, сейчас самое время пожелать мне ни пуха ни пера, — говорил он, — я ведь ходил в школу много лет назад и никогда в ней не работал.

— Всё пройдёт хорошо, — успокаивала его мама. — Будем надеяться, что тебе достанется неплохой класс.

— Проводить тебя в школу, папа? — спросила Аврора, которой показалось, что папа немного побаивается новой работы.

— В другой раз. Сегодня я пойду один, мне нужно подумать о том, чему я буду учить детей.

Он отправился из дома очень рано. Во дворе школы было ещё немного учеников. Папа быстро прошёл через него, будто желая спастись от ребят в учительской комнате.

Там он познакомился с другими преподавателями и преподавательницами. Все приняли его очень тепло и были рады ему помочь.

— Вам достался нелёгкий класс, — сказал один из учителей. — Но я уверен, что вы с ним справитесь.

— Безусловно, — сказал папа, пытаясь улыбнуться и сделать вид, будто он уверен в себе.

Потом прозвенел звонок, и оставалось только пойти на урок. Преподаватели исчезали из учительской один за другим, и скоро она опустела совсем. Папа схватился за учебник истории и бодрым шагом направился к своему классу.

Проходя по коридору, он слышал, как в других классах ещё шумели и разговаривали, но в том, куда он шёл, стояла мёртвая тишина. «Может, я ошибся?» — подумал папа. Но нет, он не ошибся: на двери класса стояла цифра 8, туда ему и следовало идти.

Папа глубоко вздохнул и открыл дверь: весь класс был на месте. Но что это? Все мальчики сидят с косынками на головах, разложив на коленях носовые платки. Наверное, платки изображали передники. Девочки, заложив карандаш за ухо, сидели нога на ногу, делая вид, будто они что-то печатают и ужасно заняты.

Папа вежливо поздоровался, и все присутствующие встали и поздоровались с ним, но хранили молчание.

— Спасибо, садитесь! — сказал папа, но сели только девочки, мальчики стояли, делая вид, будто они размешивают кашу и готовят. Кто-то из них воскликнул:

— Ой, я, кажется, забыл положить сахар в шоколадный пудинг!

Другой вторил ему:

— Мне некогда с вами болтать, у меня убегает кофе!

Все будто бы были ужасно заняты готовкой на кухне.

Папа сидел, смотрел на них, а потом сказал:

— Что ж, отлично! Тем лучше вы поймёте меня, когда придёте сегодня ко мне на обед.

— У нас есть один, кто прийти не сможет. Он уезжает на «Молодце» домой.

— Тогда пусть этот кто-то передаст шкиперу, что вернётся домой позже, — посоветовал папа, — чтобы тот передал это, в свою очередь, кому-нибудь на пристани того места, где ученик живёт. Но сейчас я буду говорить с вами не об этом, а о том, как жили в древности греки.

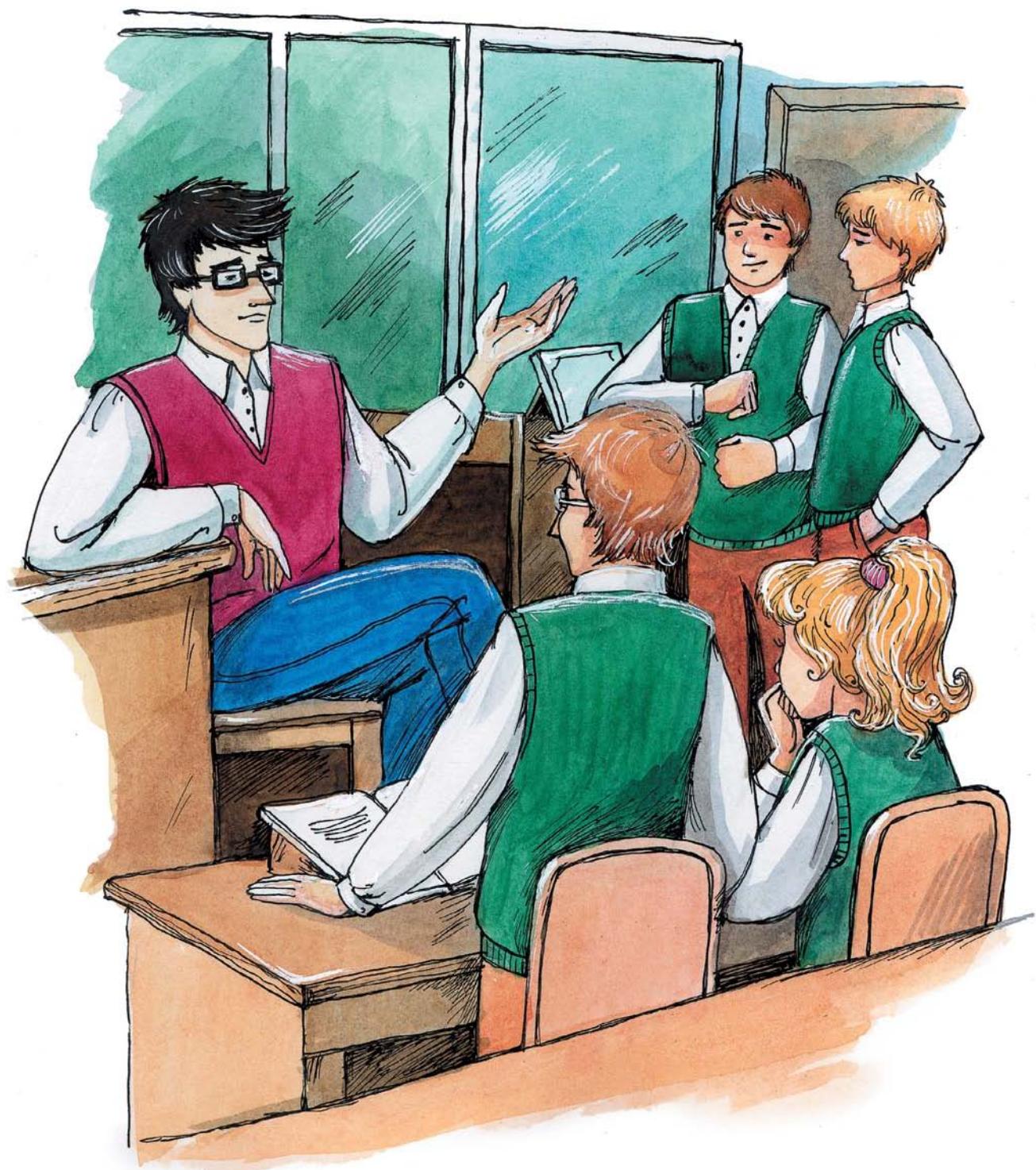
И папа стал рассказывать о греках. А уж о древних греках он знал всё. После чего подростки один за другим стали снимать косынки и, когда урок закончился, выходили из класса как обычные и нормальные школьники, а девочки кланялись учителю и больше не делали вид, будто работают секретаршами.

Папа позвонил жене судьи из учительской, и она через некоторое время вышла в сад к Авроре и позвала её:

— У меня к тебе просьба. Хотя она странная. И я не знаю, сможешь ли ты её выполнить... Дело в том, что я не могу отлучиться из дома, у меня в печи стоит торт, но я заберу к себе Сократика и ты можешь за ним не присматривать.

— Что вы хотите, чтобы я сделала? — спросила Аврора.

— Сходи в магазин и купи там пять килограммов мясного фарша, десять килограммов картошки, шесть кочанов капусты, четыре бутылки смородинового сока, три килограмма пшеничной муки, пять пачек дрожжей, два килограмма сахара и пяток яиц, — сказала жена судьи. — Вот список продуктов, а вот деньги, которые я даю вам взаймы. Но, пожалуйста, скажи мне, сможешь ли ты всё это принести домой?

- Наверное, нет, — сказала Аврора.
- Сможешь, если меня послушаешь. У меня на чердаке есть старая детская коляска. Ты возьмёшь её, и у тебя всё получится.
- Это, наверное, папа попросил всё это купить? — с удивлением спросила Аврора.

— Ну конечно. Всё-таки папа у тебя — замечательный человек, и я думаю, нам надо сделать всё точно, как он попросил. Подожди минуточку!

Жена судьи пропала, а потом снова появилась уже с детской коляской. Коляска была очень большая, из тех, которыми пользовались много лет назад, Аврора видела их на картинках и на фотографиях. Сверху она походила на большую корзину и ездила на больших колёсах.

- Сократ покатит, — тут же заявил о себе братик Авроры.
- Конечно. Я отдам коляску тебе, после того как Авророчка сделает всё, о чём попросил её папа. Вот деньги, Аврора. Пойдём, Сократик, у меня на чердаке есть и для тебя кое-что особенное.

Большая коляска Авроре очень понравилась. Пока что она была пустая, но вот когда она будет заполнена! Никто бы не заподозрил, что в ней лежит младенец. Аврора сбежала в дом и принесла шерстяной коврик, лежавший на её постели. Она положила его в коляску и только после этого посчитала, что коляска снаряжена полностью.

— Идём, Сократик, взглянем на торт, чтобы он у нас не подгорел, — сказала жена судьи. — А потом отправимся на чердак и найдём там то, о чём я тебе заранее не скажу. После того как Аврора придёт из магазина, ты можешь катать коляску сколько угодно.

— Вот если бы сейчас у меня была Стокфиссо, — вздохнул Сократ, — она бы в коляске поездила.

— Ничего, мы найдём ей замену, — сказала жена судьи. — Как ты думаешь, торт испёкся?

- Он ещё бледный, — оценил Сократ.
- И мне так кажется. А сейчас идём на чердак, но нужно подниматься на него тихо-тихо, чтобы не мешать работе Томаса и других.
- Хорошо. — Сократ обожал красться тихо и ходить на цыпочках. Вот почему он остановился на лестнице, выразительно взглянул на жену судьи и шикнул на неё: — Тише!

Жена судьи кивнула и шикнула, в свою очередь, на него и это показалось ей до того смешно — шикать друг на друга, когда никто не собирался шуметь.

Тогда Сократ шикнул на неё во второй раз, и жена судьи засмеялась опять, так что ей пришлось сесть на ступеньку лестницы: она сдерживала смех, но всё равно издавала ртом такие странные звуки, что Томас выбежал из конторы, чтобы посмотреть, в чём дело.

- Что такое? — спросил он. — Ты обо что-то ударила?
- Нет-нет, — стонала жена судьи. — Это я смеюсь, а я не должна смеяться, чтобы не мешать тебе, вот и всё.
- Может, нужно что-нибудь отнести? — спросил Томас.
- Нет-нет. Я уже отнесла вниз старую детскую коляску, а сейчас пошла за лёгкой вещицей.

Она взяла Сократа за руку и пошла вверх по лестнице на чердак, и теперь уже Сократ не шикал на неё, ему бы только справиться с крутой лестницей.

Когда они поднялись, жена судьи отправилась к громоздкому комоду и вытянула из него один ящик. В нём лежали маленькие подушечки, самые обыкновенные и неинтересные. В следующем ящике лежали бухгалтерские книги и тетради. Сократ вопросительно взглянул на них и спросил:

- Мы положим их в коляску?
- Нет, я опять ошиблась ящиком. Посмотрим в третьем.

В нём что-то лежало. Что-то упакованное в бумагу, но было не видно, что это такое. Казалось, в ящике кто-то лежал, потому что под бумагой показалось нечто похожее на голову и руки.

- Это Чучело, — сказала жена судьи. — Давай на него взглянем, Сократик!

Она сняла с ящика бумагу, и Сократ увидел ни на что не похожее создание. Оно было тряпичное, с чёрными волосами на голове, голубыми глазами и огненно-красным носом, а одето оно было в синюю куртку с красной окантовкой, жёлтые туфли с чёрными помпончиками и розовые чулки. Лицо Чучела расплывалось в широкой и чуть испуганной улыбке.

— Я сшила его для младшего сына, — сказала жена судьи, — и, представь себе, он его испугался. И назвал Чучелом. Пришлось нам через некоторое время пойти на чердак и спрятать его, вот почему он лежит в комоде, где проспал много лет.

— Сто лет, — уточнил Сократ.
— Нет, не сто, — сказала жена судьи, — а много.
— Сто лет интереснее, — настаивал Сократ.
— Ну ладно, — сказала жена судьи, — пусть будет сто. Чучело проспал сотню лет.

— Тогда в коляске он больше не будет спать, он будет сидеть в ней и наблюдать за всем, что творится вокруг.

— Пусть сидит себе в коляске и по сторонам посматривает, — согласилась жена судьи, — но тогда ему нужна будет кепочка, чтобы у него голова не мёрзла. — И она вытянула откуда-то клетчатую, с козырьком кепку. В ней Чучело выглядел ещё оригинальнее. — Подержи его, пока я убираю бумагу! — попросила жена судьи.

— Хорошо. Я его совсем не боюсь.

Казалось, Сократ признал Чучело сразу. Он сильно сжал его, а потом поставил на пол. Чучело оказался не таким маленьким, он доходил головой до груди Сократа и маломеркой не был.

— Давай сначала погуляем с ним по саду, — предложила жена судьи. — У нас же ещё нет коляски. И я забегу на кухню: наш торт, наверное, уже нужно спасать.

Тем временем Аврора выполняла папины поручения. Катить коляску вниз было легко, и все встречные оглядывались на неё.

— Вы нянчите в ней ребёнка? — спросил кто-то Аврору.

Аврора покачала головой и поспешила дальше. В мясной лавке ей сказали, что им нужно пойти и пропустить мясо — столько фарша они в магазине не держат, — но в конце концов она его получила, а потом купила и всё остальное, и, когда все продукты в коляску сложили, под ковриком образовалась настоящая горка.

Теперь могло показаться, что в коляске едет большой ребёнок, ребёнок с ногами, торчащими наружу. Ну и пусть! Гораздо хуже было то, что коляска оказалась тяжёлая. Аврора катила её немного, потом немного отдыхала и снова катила. Наконец она завела коляску в сад судьи, а там всё ещё гуляли Сократ, жена судьи и Чучело. Сократ, увидев Аврору, очень обрадовался.

— Как хорошо, Аврора, что ты приехала! — сказал он. — Чучело так устал, что больше гулять не хочет.

Жена судьи помогла Авроре разгрузить коляску, она оказалась свободной, и Чучело наконец-то смог в ней расположиться.

- А зачем нам столько еды? – спросила Аврора.
- Ну это тайна твоего папочки, – сказала жена судьи. – Ты узнаешь об этом, когда он придёт домой.

Сократ совсем не удивился, когда увидел на кухонной скамье целую гору картошки и капусты, он ведь был очень занят, показывая Чучелу ту часть света, которая отгораживалась от остального изгородью сада судьи. Бедняга Чучело, он пролежал в комоде целую сотню лет! Скоро для него всё изменится. Он будет спать не дольше, чем сам Сократ, а может, и меньше.

Классный праздник

Когда папа вернулся домой из школы, он не выглядел больше таким единственным, хотя Аврора заметила, что он всё-таки был чем-то озабочен. Он помахал рукой Сократу и ей и побежал в дом, а потом вышел обратно и сказал:

- Отлично, Аврора! И как тебе только удалось доставить домой такую массу продуктов?
  - Жена судьи дала мне их старую детскую коляску. С ней сейчас играет Сократ.
  - Папа, папа! – закричал тот. – Иди посмотри на Чучело!
- Папа поздоровался с игрушечным человечком, и Сократ вынул его из коляски, чтобы показать папе в полный рост. Но папа тут же сказал:
- К сожалению, Сократик, я не могу больше стоять здесь без дела. Ведь к нам на обед придут девятнадцать детей.
  - Ой! – сказала Аврора. – И ты будешь один готовить обед на всех?
  - Ничего подобного, у меня есть и другие дела.

Аврора зашла в дом и удивилась. Ведь когда папа вошёл в их коридорчик, он первым делом вынул из карманов два пакета и высыпал на маленький столик множество крючков и гвоздей. После этого он поднялся на второй этаж, взял большие матрацы из спальни, разложил их на полу в гостиной

и расстелил на них плед. И ещё он убрал из гостиной стол и стулья и даже садовую скамейку придвигнул к самой дальней стене. Потом он собрал все подушки в доме, разложил их на полу, сходил в сад и принёс оттуда две тяжёлые рамы, которые раньше стояли у входа в старый погреб судьи. Ещё он достал молоток, гвозди и отвёртки, несколько досок и наконец пошёл в подвал и вынул из гнёзд предохранители, так что во всём доме погас свет. Папа зажёг две стеариновые свечи, и тут пришла мама.

— Что здесь происходит? — спросила она. — Почему вы сидите в темноте? Может, у нас выбило предохранитель?

— Мы их сами выключили, — сказал папа.

Он пробормотал маме что-то на ухо, и мама ему ответила:

— Поняла. Ох, я такая голодная. Нас что, не будут сегодня кормить обедом?

— Придётся повременить, — сказал папа, — на твоём месте я бы съел пока кусочек хлеба.

— Вот как. Может, мне вернуться в контору?

— Ни в коем случае. Ты мне нужна. Я хочу, чтобы класс познакомился со всей нашей семьёй. С тобой, Авророй и Сократиком, хотя именно сегодня ему совсем некогда.

Тем не менее, когда девятнадцать мальчиков и девочек прошли через калитку и поднялись к их домику, Сократ включил скорость своей коляски на полную мощность и вихрем подкатил к остальным.

Девочки и мальчики взглянули на дом и зашептались:

— Смотри, как здесь темно. Может, он нас пригласил не всерьёз?

Но Аврора уже стояла в дверях, приговаривая:

— Добро пожаловать к нам. Пожалуйста, проходите!

Девочки и мальчики, спотыкаясь в темноте, миновали коридорчик и вошли в гостиную, а папа, указывая на матрацы, сказал:

— Пожалуйста, садитесь! Знакомьтесь, это моя жена Мари, дома мы зовём её мамой, а в Фабельвике она известна больше как помощница городского судьи. А сейчас послушайте, что я придумал. Все вы ходите в школу и получаете в ней много знаний, но потом, когда вы становитесь взрослыми и обзаводитесь собственными домами, оказывается, что многого вы не умеете. Мальчики не умеют готовить, а что касается девочек, то редко

кто из вас может забить гвоздь, или прибить крючок, или ввернуть предохранитель, если погаснет свет. Вот почему сегодня я заготовил на кухне пять килограммов фарша, много капусты и картошки и вместе с мальчиками попробую приготовить для нас угощение. А Мари с девочками прибьёт несколько крючков и вешалок в коридоре и изготовит для нас примитивный стол, за который мы сядем ужинать.

— Но первым делом вам нужно ввернуть предохранители, — посоветовала мама, — иначе у нас всё равно ничего не получится.

— Вот вам электрический фонарик, пожалуйста, — предложил пapa.

Мама махнула рукой девятым девочкам, и они пошли в подвал, который, конечно, не был рассчитан на такое многочисленное общество, и там все они попробовали поработать с предохранителями. Свет включался и выключался. Казалось, маленький домик Теге подмигивал Фабельвику своими окнами. Наконец все по очереди попробовали вворачивать предохранители и поднялись в гостиную.

— Нам позволили пользоваться кухней в доме судьи, — сказал пapa, — и мы тем самым получили возможность быстро приготовить еду. Давайте поделимся так. Четверо мальчиков займутся фаршем и фрикадельками, четверо — картошкой и ещё двое — капустой. Немного поработав, мы будем между собой меняться, чтобы все научились готовить всё.

Очень скоро на кухонной скамейке выросла гора фрикаделек — в виде шариков, колбасок и даже четырёхугольников. Аврора стояла и ждала, когда горки подрастут, потом она перекладывала их на поднос и вихрем перебегала с ним через сад в кухню, где её ждала жена судьи с большими сковородками и мальчики, которые учились жарить фрикадельки. Тем же путём путешествовала картошка, и ещё жена судьи поставила трёх мальчиков пекь пшеничные булочки.

Пока часть девочек забивала в стенку крючки, другая вместе с мамой и Сократом изготавливала из досок, рамы и фанеры стол. Они стучали молотками так отчаянно, что, казалось, ещё немного — и они разобьют весь маленький домик.

Стол они, конечно, изготовили низенький, который стоял по углам на кирпичах, но он прекрасно подошёл к матрацам и подушкам. Папа накрыл его двумя простынями и принёс бумажные тарелки и свечи. А Аврора

повсюду разбросала сухие жёлтые и красные листья. Получился настоящий праздничный стол. Еду они приготовили вкусную, и, поскольку школьники работали вместе с хозяевами, все они с семьёй Теге перезнакомились, стали шутить и смеяться, так что, когда Аврора закрывала глаза, шум и гам в её ушах раздавался со всех сторон. Сократ почти всем, не останавливаясь, рассказывал о Чучеле, а когда все до одной фрикадельки съели, Аврора быстро сбегала на кухню большого дома и принесла пшеничные булочки, которые к этому времени уже были готовы.

За столом царilo веселье, а потом папа произнёс:

— Я скажу вам всё как есть. Мы не такие богатые, чтобы угождать вас всех очень часто, но если к нам кто-нибудь случайно заглянет, мы его булочкой не обделим.

Они сидели и разговаривали долго, пока с моря неожиданно не послышались три весёлых гудка.

— Это «Молодец», — сказала Аврора.

— Да, это «Молодец», — испуганно произнёс папа. — И среди нас ведь есть кто-то, кто должен ехать домой на катере?

— Чучело тоже пойдёт смотреть на катер, — сказал Сократ, — он ведь «Молодца» никогда не видел.

— Хорошо, — сказал папа. — Тогда мы все к нему прогуляемся.

«Молодец», наверное, немало перепугался, когда увидел, как к нему спускается такое большое общество. Прими он их на борт всех, сопротивляться волнам ему было бы нелегко. Но взошёл на борт всего один мальчик. А все остальные стояли и махали ему на прощание рукой. А потом все разошлись. Мама с папой, Аврора, Сократ и Чучело тоже пошли домой по пустынной улице. На море было очень темно, но «Молодец» совершил один и тот же рейс, наверное, уже тысячи раз и точно знал, где на его пути лежат под водой коварные скалы, и путешествовать на нём было безопасно.

Когда Аврора и Сократ уже лежали в постелях, к ним зашёл папа.

— Спасибо вам за сегодняшний праздник, — сказал он. — Получилось хорошо, но что это ты так странно лежишь, Сократик?

Сократ прижался к одной стороне кровати. Ведь рядом с ним лежал Чучело и, раскинув в стороны руки, занимал почти всё место.

— Наверное, Чучелу надоело лежать в комоде так много лет, — сказал пapa, — может, он хочет сесть на твою лошадку и поскакать на ней.

— Нечего ему от меня скакать, — ответил Сократ, — Чучело не едет в Африку.

— Но он же всегда возвращается назад. Иногда он скакет по дороге, иногда — по воздуху. Особенно когда едет далеко. Иногда он будет брать тебя с собой, а иной раз, если ты ехать не захочешь, ты ляжешь здесь и будешь спать дома.

— Расскажи о том, как бы я съездил с ним, — попросил Сократ, сел на постели и взглянул на пapa.

— Хорошо, — согласился пapa, — но только когда Чучело сядет на лошадку. С этого ведь всё начинается.

Аврора тоже села на постели. Завёрнутая в одеяло, она походила на большую круглую каплю.

— Это случилось ночью, на море бушевал шторм и дул сильный ветер. Сократ только-только лёг спать, как Чучело вскочил на его лошадку. «Слушай,

Сократ, – сказал он, – сегодня ночью мне хочется прогуляться и посмотреть на море. Ведь когда я лежал в комоде, я слышал его только издалека и никогда не видел.

«Хорошо, – сказал Сократ. – Вообще-то я собрался поспать, но, если хочешь, я охотно с тобой поеду».

«Тогда садись впереди меня на лошадь», – сказал Чучело.

«Только я надену сначала свой толстый свитер».

«И ещё зюйдвестку», – посоветовал Чучело.

Сократ подготовился к путешествию, наклонился над Авророй, которая уже почти спала, и сказал:

«А ты, Аврора, присматривай за родителями. Мы скоро вернёмся».

После этого лошадка с Сократом и Чучелом улетела через окно. Снаружи дул ветер, и Сократ сказал:

«Что это всё время гремит?»

«Это гремит черепица на крышах в Фабельвике, – объяснил Чучело. – Ветер дует так сильно, что ей хочется освободиться, хотя большая её часть лежит спокойно, ведь если ты – настоящая черепица, тебе в голову не придет освобождаться... Чтобы не плюхнуться вниз и не разбиться вдребезги».

«А что я слышу сейчас?»

«Это кричат люди. Они закрывают окна, – объяснил Чучело. – Шторм может сорвать их с петель, и тогда они разобьются».

«А что я слышу сейчас?»

«Это скрипят деревья. Ты слышишь, как дует ветер. А теперь, Сократ, полетим над морем!»

Сократ крепко вцепился в гриву лошади, и они полетели над морем. Вода в нём кипела, как в котелке, волны катились и сталкивались так сильно, что вверх с них брызгала пена, но лошадь летела так высоко, что морской душ обдавал её редко.

«Куда мы едем сейчас?» – спросил Сократ.

«На острова Верё и Рёст. Один раз, когда я лежал в комоде, я отчётливо слышал, как жена судьи сказала, что она с удовольствием съездит на Верё и на Рёст».

«Это те самые точки на карте?»

«Да, это они», – ответил Чучело.

На полпути к островам Сократ с Чучелом увидели небольшую лодку, которая на волнах прыгала и плясала. Иногда она стояла носом против волны, иногда лежала поперёк неё, и Сократ сразу понял, в чём дело.

«У неё заглох мотор, – сказал он. – Ой, как плохо приходится рыбаку в такую погоду!»

«Да, ничего не скажешь, – посочувствовал Чучело. – Давай поможем ему».

Чучело вынул из внутреннего кармана своей синей куртки верёвку, покрутил её над головой и закинул на лодку.

«Закрепить конец на лодке!» – крикнул он, и рыбак внизу понял его.

«Есть закрепить конец на лодке», – послышалось снизу.

«Ну вот, у него всё получилось», – довольно сказал Сократ.

«Да, получилось, – сказал Чучело, – мы отбуксируем её к земле».

Но, когда они приблизились к острову Верё, волна стояла такая высокая, что о том, чтобы причалить к берегу, нечего было и думать.

«Летим к Рёсту, – предложил Чучело, но, когда они прилетели к нему, буря разразилась ещё сильнее, и Чучело сказал: – Я не вижу иного выхода. Нужно ехать на УтРёст¹».

Лошадь летела дальше. И тут неожиданно непогода стихла. Лошадка летела всё спокойнее и наконец плавно опустилась на зелёный и мягкий луг. Вода в море возле него стояла спокойная, и в ней отражалось солнце. Лодка причалила к берегу, и Сократ с Чучелом слезли с лошадки и оглянулись вокруг.

«Вот бы сюда Аврору!» – сказал Сократ.

«Я вмиг слетаю за ней», – предложила лошадка.

«Как раз о такой лошадке я и мечтал», – сказал Чучело.

В ответ лошадка заржала, улетела и через минуту вернулась с Авророй. Та даже не успела одеться, так и осталась завёрнутой в одеяло, только позади торчали косички – так быстро она скакала.

«А где же бакланы? – сразу же спросила она. – Разве мы не на УтРёсте? Ты же помнишь сказку о трёх бакланах, Сократик?»

«Смотри! Вон сидят три птицы, – указал Сократ, – хотя сейчас они о чём-то задумались, так что мы не будем мешать им».

---

¹ УтРёст – название сказочного острова.

«Они смотрят за море», – предположила Аврора.

«Нам тоже надо домой, – сказал Сократ, – ведь там в бурю за папой с мамой тоже надо присматривать».

«Спасибо за помощь, – поблагодарил рыбак. – Вот вам домой рыба на кухню, заберите её в подарок! Огромное вам спасибо».

Они поскакали домой, а рыбу положили в кухне на подоконник.

– Ну вот, нам пора спать, – сказал Сократ и зевнул.

– Да, это точно, – согласилась Аврора.

– Конечно, – сказал папа. – Чучело так и остался на лошади. Он долго думал о приключениях, которые пережил с Сократиком.

И папа незаметно вышел из комнаты. Удивительно, но утром на подоконнике кухни с внешней стороны дома они нашли две большие трески.

– Так их же подарил нам этой ночью рыбак, – вспомнила Аврора.

– О чём это она говорит? – спросила мама.

– О чём? Чучело его знает, – отмахнулся папа.

Потом кто-то сообщил папе, что рыбу им подарил кто-то из мальчиков его класса в благодарность за праздничный обед, который он устроил школьникам, хотя Авроре, Сократу и Чучелу больше нравилась другая легенда – о том, что треску преподнёс им в подарок рыбак, которого они спасли в море неподалёку от УтРёста.

– Мы ещё поездим на лошадке с Чучелом? – спросил Сократ.

– Обязательно, – обещал папа.

Ледяные горки

абельвик открыл папу. Сначала все признали его как мужчину, который нянчил детей и подшивал шторы, потом как учителя средней школы и, наконец, как искусственного музыканта, под окном которого собирались люди, слушавшие его игру на пианино. В результате папу попросили выступать в местном оркестре, который собирался два раза в неделю по вечерам в школе.

Дни становились всё короче, и в конце почти каждого дня папа рассказывал о путешествиях Чучела. Наступило Рождество, и папа очень

обрадовался, что теперь он сможет отдохнуть. В сочельник к ним в дом пришли жена судьи с Томасом, и они все вместе походили хороводом вокруг рождественской ёлочки. Правда, кроме судьи и его жены, никаких других гостей семья Теге не принимала. Так они праздновали до пятого дня Рождества. Авроре и Сократу нравилось, что папа и мама по утрам никуда не спешили. Мама ходила, конечно, в контору в первую половину дня, но проводила в ней всего несколько часов, и необязательно – с самого раннего утра. Аврора с Сократом тоже не одевались сразу, как только просыпались, папа надевал им на ноги толстые носки, и они могли в них бегать и даже танцевать, а потом завтракали с мамой перед её уходом. И после этого они уже никуда не спешили. Папа садился за пианино, Аврора садилась к нему на колени, и они вместе играли одну простенькую мелодию, пока к пианино не поспевал Сократ. Он тут же давил на басовые клавиши, что конечно же огорчало: тоненькая мелодия, таким образом, полностью пропадала.

– Сходи лучше, приведи Чучело, – говорил папа, – пусть он тоже концерт послушает.

Сократ убегал, приводил Чучело, сажал его на стул и говорил:

– Вот это, как ты знаешь, пианино. Сейчас на нём будут играть папа с Авророй, а потом – мы с тобой.

И папа с Авророй играли дальше.

Как-то раз в этот момент постучали в дверь, и Сократ с Чучелом побежали её открывать.

- Скажите, Аврора дома? – произнёс голос.
- Ну да, она дома, – ответил Сократ.
- Войдите! – прокричал папа. – Это, наверное, вы, Ракель с Юханной?
- Да, мы только хотели спросить, не хочет ли Аврора покататься на коньках? – спросила Юханна.
- На коньках? – озадаченно протянул папа. – А что, у вас есть каток? Или лёд на озёрах или в каналах? У нас здесь только море, а оно не замерзает.
- Нет, не замерзает, – согласилась Юханна. – Но мы не ходим на море, мы ходим на дорогу.
- На дорогу? – удивился папа. – Но, дорогие мои, разве это не опасно из-за машин?
- Нет, мы ведь ждём, пока не станет светло.

- Вот как. — Кажется, папе ответ девочки не понравился.
  - У меня нет коньков, — сказала Аврора. — И у Сократа тоже.
  - Очень жаль. Ну мы тогда пойдём.
- И они ушли. А Аврору игра на пианино больше не занимала.
- Я, наверное, оденусь и выйду на улицу, — сказала она. Ладно, пусть у неё нет коньков, но посмотреть, как катаются другие, тоже интересно.
  - Да, одевайтесь! — сказал папа. — Побегайте на улице, пока ещё светло.
- Но Сократ уже обещал Чучелу сначала поиграть на пианино. Он взял Чучело к себе на колени, сел за пианино и начал его учить. Но Чучело хотел играть сам, и это тоже было неплохо. Ведь Сократу не терпелось бежать на улицу и играть вместе с Авророй.
- Они всё ещё одевались, когда снова раздался стук в дверь, и на этот раз к ним пришла жена судьи.
- Аврора, ты не сбегаешь для меня за сметаной? Ко мне придут две знакомые, а я боюсь выходить на улицу, там сейчас слишком скользко.
  - Юханна говорит то же самое, — сказала Аврора.
  - И что она говорит?
  - Что на дороге лёд, и они бегают по ней на коньках.
  - Мы тоже так раньше делали. Но тогда ещё здесь не было так много машин. Хотя в Фабельвике они ещё не очень опасны. Если не выходить на Главную улицу. Дорога, которая проходит мимо нашей калитки, вполне подходит. Машины на неё почти не выезжают, а когда выезжают, то ездят медленно из-за того, что она скользкая. Так что надевай коньки, Аврора! Но, может, ты сначала принесёшь сметану?
  - У меня нет коньков. Я просто иду смотреть на других.
  - Ой, как же это? — сказала жена судьи. — Ты пока сбегай за сметаной, а я поищу на чердаке, может, там что-нибудь найдётся. В детстве мы все катались.
  - Вы пойдёте на чердак? — Сократ заинтересованно взглянул на неё.
  - Да. Ты хочешь со мной? — Жена судьи очень хорошо понимала, что творится в голове у Сократа, когда на лице у него появлялось такое выражение.
  - Да, — сказал Сократ и послушно взял её за руку.
- А Аврора, положив деньги в варежку, уже упорхнула, как ветерок.

Только бы ей принести эту сметану до того, как они спустятся с чердака, ведь чердак – это самое интересное место в доме. Там всегда что-нибудь находится.

Но сегодня на дороге не разбежаться, она совсем обледенела и больше подходила для бега на коньках, чем в сапожках.

К счастью, в магазине оказалось мало народа. Аврора купила сметану и отправилась домой. Она вошла в дом судьи, оставила сметану на кухне и взобралась по лестнице на чердак.

Естественно, она споткнулась на первой же ступеньке и немного ударила. Ну да ладно, она потерпит. Только бы они не ушли оттуда. Она приоткрыла дверь. Вот он, этот таинственный и огромный чердак! Свет на потолке горел, но всё равно плохо освещал тёмные закоулки. Стояла тишина. Аврора даже на секунду подумала, что оказалась на чердаке одна, но тут же услышала голоса, чьё-то бормотание. Кажется, она услышала голос Сократа.

- Эй, вы здесь?
- Я тут, – откуда-то прозвучал ответ.
- Привет! – крикнула Аврора. – Это пришла я!
- Очень хорошо, Аврора, – сказала жена судьи, появляясь справа. – Может, ты поднимешься вот на этот ящик и посмотришь там, наверху? У меня от этого хлама кружится голова.

Аврора взобралась на ящик и обнаружила массу интересных вещей. Тут были и маленькие санки, и небольшие лыжи, и ещё что-то блестящее, загнутое на конце.

- Это снегурки, – сказала жена судьи. – Поищи ещё один конёк и пару коньков с зажимами.

- Я спущу вниз всё, что тут есть, – сказала Аврора. – И их найду.
- Тут она нашла коньки на сапогах, но они были для неё велики.
- Это мои коньки! – восторженно воскликнула жена судьи. – Ты представить себе не можешь, сколько радости они мне принесли.
- Здесь есть ещё что-то, похожее на ключ.
- Ну конечно, это ключ для крепления коньков на обуви, – сказала жена судьи. – Хорошо, что ты его нашла. Он нам пригодится. Сократ будет бегать на снегурках, а ты – на сапожках с коньками.

Тут Аврора нашла ещё один конёк без загиба кверху.

— Сейчас мы всё это заберём, — сказала жена судьи, — мои коньки тоже, я хочу показать их подругам.

Из коньков получилась целая связка, и жена судьи решила нести все три пары. Она побоялась, что Аврора и Сократ могут на крутой лестнице оступиться.

— Садись на ступеньку, Сократик, и жди, — сказала жена судьи и стала спускаться.

Какое-то время ей это хорошо удавалось, но потом вдруг один конёк выскользнул из связки, и жена судьи попыталась поймать его на лету. В результате все коньки с бренчанием и звоном попадали на лестницу и запрыгали по ней. Шум при этом поднялся неимоверный.

Дверь конторы открылась, и судья Томас, мама и другие служащие выбежали посмотреть, что случилось.

- Ты упала? — спросил судья.
- Нет, я удержалась.
- Чем вы, собственно, здесь занимаетесь? — спросил Томас.
- Мы катаемся на коньках, — заявила ему жена. — То есть это коньки на нас катаются. А потом они сбежали. Это они упали, мы же спокойно спускаемся вниз. С нами всё в порядке.
- А я здесь сижу, — желая поддержать жену судьи, сказал со своей ступеньки Сократ.
- Неужели ты хочешь встать на коньки? — спросил жену Томас.
- Не знаю ещё. Пока что я принимаю гостей, а коньки сняла с чердака детям.
- Понятно. Я тут немного перепугался, подумал, что это ты свалилась с лестницы.
- Ничего подобного. В следующий раз, когда я свалюсь с лестницы, я честно об этом тебе скажу.
- Ну ладно, успокойся, — сказал Томас и исчез за дверью.

Перед тем как пойти за ним, мама кивнула Авроре с Сократом, а оставшиеся служащие стали собирать упавшие коньки, что продолжалось довольно долго.

Когда наконец они снова оказались на кухне, жена судьи сказала Авроре:

- Скажи мне по-честному, ты когда-нибудь на коньках стояла?
- Да, стояла. В Голландии. А Сократ тогда сидел на салазках.
- Я умею кататься на салазках, — вставил своё слово Сократ.
- Я думаю, вам поможет папа.

Увидев коньки, он удивился ужасно. С коньками Авроры всё получилось прекрасно, они к её сапожкам привинчивались, а вот с Сократовыми пришлось повозиться. Его снегурки закреплялись на обуви ремнями, и ремешки местами сильно поизносились. Пришлось их заменять верёвочками, что, конечно, было непрочно. А Сократ сидел на стульчике и восхищался снегурками.

Папа проводил детей до дороги, которая проходила рядом с калиткой. На прощание он сказал:

- Ну вот, здесь безопасно. Следи за Сократом, Аврора, а я пойду позанимаюсь немного и приготовлю поесть.

— Хорошо, — согласилась Аврора. Она даже не взглянула на папу, настолько занята была своими ногами. Лёд на дороге местами бугрился, коньки то вскакивали вверх, то срезались вниз, а ноги от напряжения дрожали, как тоненькие вязальные спицы.

Она слышала, как далеко внизу кричали, катаясь, Юханна и другие дети. Наконец их с Сократом заметили, и дети поднялись наверх. Юханна стала показывать Авроре всё, что она на коньках умеет, а это было немало — ведь она и бегала по дорожкам на скорость, и выписывала на льду фигуры.

— Гляди на меня, Аврора! — говорила она, скользя на одной ноге, а другую откидывая назад и нагибаясь вперёд всем телом. Это было красиво, и Аврора порядком приуныла: ей стоило немалых усилий просто держаться на ногах, не говоря уже о том, чтобы кататься, выписывая фигуры.

— Знаешь, — сказала она Юханне, — давай играть в то, что мы сейчас в Голландии?

— Это как? — спросила Юханна.

— Вот мы сейчас на дороге, а это всё равно что на канале в Голландии. Там ведь везде проходят каналы, и, когда на них стоит лёд, все катаются на коньках. И убегают далеко.

— Ну на этой короткой дороге мы далеко не убежим. Чуть дальше она круто спускается к складу сушёной рыбы.

— А на каналах в Голландии нет горок. Они совсем гладкие.

— Ну и что? Ты думаешь, что это так важно, что ты была в Голландии? Вот мой дядя, тот проехал много раз вокруг всего света.

— А Аврора не важничала, — возразила ей Ракель. — Она просто сказала, чтобы мы вообразили себя в Голландии.

— Ага, только эта страна называется Нидерланды, — поправила её Юханна. — Так говорит мой дядя. Мы, конечно, можем вообразить, что катаемся по каналу, а он спускается вниз. Поехали!

И вправду, кататься вниз с горы было страшно и интересно. Они летели так, что свистело в ушах, а ноги, те даже дрожали. Они ехали согнувшись и визжали, а Юханна крикнула:

— Берегись, вон идёт машина!

Им удалось затормозить, и они пропустили машину мимо, а потом полетели снова. И скатились до самого склада сушёной рыбы.

— Вот как мы прокатились, Аврора, — сказала Юханна. — Такого на твоих каналах не видели.

— А где Сократик? — вдруг вспомнила Аврора.

— Сократик? — переспросила Юханна. — Он был там, наверху.

Все вместе поднялись наверх. Это оказалось труднее. Пришлось взбираться, втыкая кончики коньков в лёд. Хотя это тоже было интересно. Только бы Сократ оставался сейчас у калитки! Но его там не было. Зато туда на полной скорости прибежала на коньках жена судьи. Для уверенности она держала в одной руке лыжную палку.

— Вы видели Сократика? — спросила у неё Аврора.

— Нет. Разве он не был здесь вместе с вами?

— Мы съехали с этой горки к складу сушёной рыбы.

— Ну что ж, будем его искать, — сказала жена судьи.

Они снова съехали с горы, впереди мчалась жена судьи. Теперь она не держала лыжную палку сбоку, а тормозила ею между ногами и одновременно кричала:

— Прочь с дороги! Водители машин, осторожнее! Сзади едут дети!

Когда они подъехали к зданию рыбного склада, жена судьи сказала:

— Дверь открыта. Давайте туда заглянем!

Теперь внутри не было столько рыбы, как в первый раз, когда Аврора сюда приходила. Только у одной стены протянулось несколько штабелей, а на противоположной, подальше, лежал маленький мальчик.

— Сократик, — воскликнула Аврора, — ты здесь!

Но Сократ не отвечал ей, только смотрел на море.

— Ты не заболел, милый? — спросила жена судьи.

Сократ удивлённо взглянул на неё, но и на этот раз не ответил.

— Сократик, нам нужно сейчас же домой, папа ждёт, — сказала Аврора.

Тут Сократ тяжело вздохнул:

— Ты не понимаешь. Я же сушёная рыба и разговаривать не могу.

— Вот теперь я понимаю, — сказала жена судьи. — Но ты ведь можешь немножечко поиграть в Сократа, чтобы я увидела, как ты на коньках катаешься?

Сократ взглянул на неё, потом уставился на свои коньки, улыбнулся и перестал притворяться сушёной рыбой.

Жена судьи и Сократ поехали на коньках. Получалось это у них замечательно, женщина держала Сократа крепко, и иногда даже он скользил не на сапожках, а на привязанных к ним коньках. Когда они оказались дома, Аврора сначала не хотела рассказывать папе о том, как они искали Сократа, но, когда папа снимал с него коньки, тот сказал:

— Я вспомнил о Стокфиссо сегодня. Интересно, она добралась до Африки? И сегодня я был сушёной рыбой.

Пришлось Авроре рассказать папе обо всём.

Вечером папа сходил к полицейскому, взял у него указатели дорожных знаков, и через день движение на дороге от калитки усадьбы вниз до рыбного склада было закрыто для машин с обеих сторон.

На указателях было написано: «Движение машин запрещено», что в общем-то было правильно, ведь сюда сбегались покататься на коньках дети со всего Фабельвика, и скольжение на дороге было замечательное. Теперь малыши больше не боялись машин, и водители тоже вздохнули с облегчением, ведь срочно затормозить на такой скользкой дороге было почти невозможно.

Закутанная в плед дама

Вечером, когда папа ушёл на репетицию оркестра, мама поднялась на-
верх и пожелала детям доброй ночи.

— Вы сможете отправиться на прогулку с Чучелом сами? — спросила она. — Мне ещё нужно убрать на кухне и приготовить до прихода папы что-нибудь поесть.

— Мы уже поели, — сказала Аврора, — так что мы не против.

Сократ сидел на своей постели и с интересом взглянул на Аврору:

— Ты поедешь со мной и с Чучелом вечером?

— А почему бы и нет.

— Тогда поедем в Голландию? — попросил Сократ. — Чучело там ещё не был.

— Хорошо, — согласилась Аврора, — только пускай лошадка наденет твои снегурки.

— Она наденет, — сказал Сократ и полез за ними.

Надевать снегурки на копыта оказалось делом нелёгким. Но они с ним справились. Аврора закрепляла их точно так же, как это делал папа. Она заменила порвавшиеся ремешки на верёвочки, и лошадка к поездке была готова. Чучело оседлал её и сказал:

— Сейчас мы поскакаем туда, где я не был. На свете есть множество таких мест, но подождите, со временем мы побываем во всех.

Аврора сняла со своей кровати одеяло. Сократ не понял, зачем оно ей понадобилось, но ничего не сказал, так как ужасно хотел снова попасть в Голландию. Ведь он побывал там ещё совсем маленьkim и мало что помнил. Хотя дома о Голландии говорили так часто, что Сократу казалось: он эту страну помнит.

— Сначала поедем в Амстердам, — сказала Аврора, — туда, на каналы, где мы катались и играла музыка.

— И-го-го! — заржала лошадка и вылетела в окно.

Сначала они поскакали вдоль берега, а потом — над Вест-фьордом. Светило северное сияние, и они хорошо видели под собой фьорд. Судёнышки под ветром покачивались, но наверху Аврора, Сократ и Чучело летели ровно. Вот они перелетели за горы. И вся Норвегия осталась позади.

- Сейчас мы летим над Данией, — сказала Аврора.
  - А я думал — над Германией, — сказал Чучело.
  - Она скоро появится, — сказала Аврора и уже видела всю Голландию.
- Лошадка опустилась на канал в Амстердаме. К счастью, вода в нём была скована льдом.
- Ты говорила, горожане на каналах гуляют на свежем воздухе и катаются на коньках, — сказал Сократ. — Но я никого не вижу.
  - Это потому, что сейчас ночь. И канал в это время полностью наш.
  - Но нам придётся обойтись без музыки, — сказал Чучело.
  - Конечно, — ответила Аврора. — Я ведь так и предсказывала.
  - Я жду не дождусь, когда же ты скажешь, зачем тебе одеяло? — спросил Чучело.

- Ещё увидишь. Посмотри на жилую баржу! В ней сейчас спят люди.
- В комоде я часто слышал о домах, которые стоят на воде, — сказал Чучело, — но никогда ещё о жилых баржах. Но, наверное, так и полагается жить за границей.
- Вот сейчас ты увидишь, зачем мне одеяло. Наша лошадка бежит на коньках впервые. Вот зачем ей понадобится парус. Держи одеяло, Сократик, и натяни его в одну сторону, а я натяну в другую.

Хорошо, что они это сообразили, дул сильный ветер, и лошадка заскользила по каналу, оставляя за собой след снегурок.

- А сейчас заиграет уличный орган, — сообщила Аврора, и, когда они хорошенъко прислушались, откуда-то издалека отчётливо зазвучала музыка. — Вы знаете, куда мы сейчас едем? В Дельфт! — сказала Аврора.
- Это хорошо, — согласился Сократ. — Мы навестим ту даму, у которой жили в гостях. Как же её звали? Да, Гиннекен!
- Мы заберём её с собой, — предложила Аврора, — она ведь никогда ещё не была в Нурланне.

Они прискакали в маленький город под названием Дельфт и нашли Гиннекен, которая лежала и мирно спала в постели, так что уговаривать её не пришлось, её просто завернули в плед и посадили на лошадку, которая могла становиться каких угодно размеров, так что никому на ней тесно не было. После этого они отправились обратно в Фабельвик, потому что лошадка соскучилась по дому.

Когда на следующее утро к ним в комнату зашёл пapa, он понял, что они опять путешествовали с Чучелом. Одеяло Авроры лежало на лошадке, а на копытах лошади сидели снегурки.

— Сейчас я попробую угадать, где вы побывали. Вы ездили в Тириллтон и бегали на коньках?

— Ничего подобного, — сказал Сократ, — мы были в Голландии. А сейчас ты сидишь на Гиннекен! — закричал он.

Пapa сидел на стуле и на пледе, который на нём лежал.

— О чём это вы? — воскликнул он и испуганно вскочил со стула.

— Мы её привезли с собой, — сказал Сократ, — и завернули в плед, чтобы она не замёрзла.

— Ах вот как, — сказал пapa. — Тогда прошу меня извинить. Я не знал, что там кто-то сидит.

— Да и откуда ты мог бы знать? — сказала Аврора. — В другой раз мы возьмём тебя и маму с собой...

Больше о путешествии они не упоминали. Аврора с Сократом без слов договорились об этом между собой. О путешествиях с Чучелом знали только они, мама и пapa — больше никто. Ведь путешествия были чем-то волшебным, и, если бы они стали рассказывать о них другим детям, лошадка перестала бы с ними ездить. Да и Чучело говорил им о том же: «Это строго между нами». Вот почему никто в Фабельвике не знал, что они путешествуют по ночам.

— Ну вот, сегодня с утра я опять вас брошу, — однажды сказал им пapa. — Мы в школе должны прибрать столовую перед праздником новогодней ёлки. Вы тоже на него пойдёте. Он состоится через несколько дней. Ты согласна, Аврора? Мама с работы вернётся рано, так что одни вы останетесь ненадолго.

— Хорошо, — сказала Аврора, но, когда пapa, забрав с собой ноты и пакет с бутербродом, ушёл, она немного задумалась. Когда пapa уходил, всегда наступала странная тишина, будто дом чуть вздыхал, но потом оправлялся и жил дальше с той мыслью, что не пройдёт много времени, как пapa вернётся.

Снаружи всё ещё было темно, но сегодня весь лёд растаял, наступила оттепель и шёл мелкий дождь.

— Сократ, ты помнишь Гиннекен? — спросила Аврора. — Она была такая добрая, очень высокая, с короткой стрижкой, но я помню её главным образом как очень добрую.

— Бедняга Гиннекен, — сказал Сократ, схватил плед и аккуратно повесил его на стул в гостиной.

Но он тут же забыл о Гиннекен. Аврора поставила стулья один за другим, и Сократ тут же понял, во что они будут играть сейчас — в рейсовый теплоход! Аврора воткнула лыжную палку между двумя стульями, палка изображала трубу теплохода, и ёщё Аврора принесла две табуретки из кухни и два стула с верхнего этажа, они будут изображать кают-компанию, койки, камбуз и грузовую палубу.

Труднее всего было соорудить мостик, на котором будет стоять капитан. Тут ей пришлось поставить на кухонную табуретку маленькую скамеечку, чтобы мостик возвышался над теплоходом. Получилось неважно. Когда Аврора взошла на мостик, он тут же стал так шататься, что она поняла, капитана ей не сыграть, да и Сократу тоже, тут больше годится Чучело. Он спокойно стоял на мостице и ничуточки не дрожал.

— А я буду гудком, — сказал Сократ и сразу же загудел.

А Аврора представила себя многими людьми сразу. Она была и поваром, который готовил обеды для пассажиров, и грузчиком, который ставил ящики на палубу и убирал их с неё, и штурманом, и начальником машинного отделения. Конечно, ей приходилось говорить на разные голоса, а Сократ всё гудел и гудел, поэтому они не сразу услышали, как жена судьи поступала в дверь.

«Что они делают? Наверное, там собралась большая компания?» — думала она перед входной дверью.

— Берегись! Едут четыре ящика с банками и два мешка с картошкой! Машина поломалась, но мы её починим, нужно только держать судно против волн!

Аврора замолчала, чтобы перевести дух, и только тут услышала стук в дверь. Она забыла, что стоит на палубе судна, и бесстрашно пошла открывать дверь... На пороге стояла жена судьи с подносом, накрытым белой салфеткой.

— Привет! — сказала она. — Я знала, что вы дома, и решила забежать и угостить вас булочками, но сейчас же должна бежать, этим утром у меня столько работы. Сегодня ведь у нас канун Нового года и вы придёте к нам в гости. Привет вам от мамы. Она скоро придёт.

— Отлично! — сказала Аврора. — Нам булочки пригодятся, пассажиров на рейсовом теплоходе надо кормить.

— Обязательно, — сказала жена судьи и взглянула на стулья. — Я думала, вас здесь десятеро, а вас только двое.

— И ещё Чучело, — добавил Сократ, — и ещё Гиннекен. Она сидит вон на том стуле и смотрит на нас.

Жена судьи взглянула на стул с пледом и поняла, что там, похоже, сидит Гиннекен.

— Ну всё, я побежала домой, — сказала она. — Счастливо!

Аврора и начальник гудка съели много булочек, а потом Аврора взяла старую газету, обернула её вокруг руки и перехватила резинкой. Получилась подзорная труба. Она встала на носу судна, откуда была видна калитка. Но что же там происходит?

А там стояла толпа детей и одна дама, и все дети указывали туда, где стояла Аврора, и дама кивала им головой. Дама была очень высокая и худая. Вот она пошла к дому.

— Сократик! — крикнула Аврора. — Смотри! Там Гиннекен!

— Нет-нет, — сказал Сократ. — Она сидит вот на этом стуле. Бедная Гиннекен!

— Неправда! Вон она идёт! Настоящая!

Тут в дверь постучали, и в комнату вошла Юханна.

— Тут пришла одна дама, она ни слова не говорит по-норвежски, но разговаривает похоже. Она держит в руке бумажку, и тот парень с пирса, Альфред, сказал, что на бумажке написано ваше имя и мы должны проводить её к вам.

— Привет, Аврора! — сказала дама по-голландски.

— Гиннекен! — прокричала Аврора.

— Гиннекен! — повторил Сократ.

Он ухватил плед, затащил даму в гостиную и укутал её пледом, а Аврора её спросила, не хочет ли она булочку, потому что, к счастью, ещё оставалась одна, последняя.

Теперь Аврора только радовалась, что они с Сократом и Чучелом съездили в Голландию прошлой ночью. Ведь она сразу же Гиннекен узнала. Но как Гиннекен попала сюда? К счастью, тут подошла мама, а мама с ней разговаривать умела. Так они узнали, что Гиннекен доехала на рейсовом теплоходе до Свульвера, но дальше до Киркенеса она не поехала, сошла в Свульвере на берег, написала имена папы и мамы и название Фабельвик на бумажке, и кто-то проводил её до рейсового катера «Молодец», а «Молодец» довёз её до Фабельвика, и тот парень с пирса, Альфред, попросил детей проводить её к ним.

— Скоро придёт и Эдвард, — сказала мама, — а я побегу готовить обед.

Хорошо, что мама сразу же за него взялась, ведь немного погодя через калитку галопом проскакал пapa. Он работал всё утро и ужасно проголодался.

— Привет! — крикнул пapa. — А обед готов?

— Скоро будет готов, — сказала мама, — но сначала зайди и поздоровайся с нашей гостью.

— С гостью? — удивился пapa.

— Да, с Гиннекен, — сказала мама и с хитрецой кивнула: вряд ли пapa, настолько сегодня занятый, сразу узнает Гиннекен.

— Ну да, конечно. Она же сидит, накрывшись пледом на стуле.

Он сказал это с той же хитрецой, что и мама.

— Ты об этом знаешь? — удивлённо спросила мама.

— Я же разговаривал с детьми утром, — с гордостью сказал пapa. — Они рассказали мне о путешествии и показали лошадку на снегурках. Они уже побывали и в Амстердаме и в Дельфте. И, ты не поверишь, я сел на Гиннекен! Я ведь совсем не думал, что плед означает что-то другое. Это был просто плед, наброшенный на стул. Ты бы видела выражение лица Сократика. «Ты сел на Гиннекен! — закричал он. — И совсем её раздавил!»

И пapa рассмеялся до слёз.

Мама смеялась тоже, но тут же поспешила добавить:

— Помоги мне накрыть на стол!

Пapa зашёл в гостиную, а гостиная, как мы знаем, за это время превратилась в рейсовый теплоход, и на одном стуле спиной к папе сидела дама. Пapa сказал:

— Понятно. Гиннекен всё ещё здесь. Ой, как похожа она со спины на живую!

Тут Гиннекен поднялась со стула, а пapa застыл на месте и открыл рот.

Даже если бы какой-нибудь дом в Фабельвике отправился в путешествие по воздуху и уселся на шпиль церкви, пapa не выглядел бы удивлённее, чем в эту минуту.

— Поздоровайся, пapa! Будь повежливее, — строго сказала Аврора. — И закрой, пожалуйста, рот и поклонись!

Папа поклонился и потом, приходя в себя, заговорил, после чего вышел к маме и заговорил снова. Когда она ему всё объяснила, он вернулся в гостиную, взял Гиннекен за руку и приветливо, с чувством пожал её.

Но всё равно встреча оказалась своеобразной. А Аврора, Сократ и Чучело посчитали, что иной она быть не могла. И по-видимому, Гиннекен считала так же.

В ночь под Новый год

А воре и Сократу разрешили в тот вечер, когда к ним приехала Гиннекен, лечь спать попозже. Поэтому они могли вновь отправиться с Чучелом в путешествие, но Аврора с Сократом на этот раз с ним не поехали и, проснувшись на следующее утро, стали его расспрашивать:

— Где ты был этой ночью, Чучело? Ты был здесь всё это время или путешествовал?

— Пустяки, мы всего только отправились на Луну, — сказал Чучело. — Последнее время о путешествиях на Луну только и говорят, поэтому мы решили съездить туда, до того как до конца обследуем всю Землю.

— У тебя был лунный скафандр? — спросила Аврора.

— Мы с лошадкой не придаём большого значения внешности, — сказал Чучело и с гордостью бросил взгляд на свою синюю куртку и розовые чулки.

— Вы привезли с Луны образцы? — продолжила расспрос Аврора.

— Нет, я решил их не брать. Что получится, если все побывавшие на Луне возьмут с неё по кусочку? Так на Луне Луны не останется. Нет, я этого не делал и заранее выехал домой, потому что сегодня день особенный.

— М-да, — сказала Аврора, — сегодня день перед Новым годом, и мы пойдём к жене судьи и Томасу в гости.

— Для меня большая честь посетить этот дом, — сказал Чучело, — но, уверяю тебя, я ни за что не поднимусь на чердак и даже не взгляну на комод.

— Да, но у нас в комнате тоже стоит комод, — сказала Аврора.

— Он не такой, как тот, на чердаке, — возразил Чучело.

— Пойдём сейчас и взглянем на Гиннекен? — предложил Сократ.

— Папа сказал, что нам не нужно её будить, — сказала Аврора. — Хотя, может быть, она уже проснулась?

Они тихо спустились по лестнице и пробрались в гостиную. Сократ сначала дал взглянуть на Гиннекен Чучелу, а потом наступила очередь Авроры.

— Она не спит, — прошептала Аврора, — у неё открыты глаза. И мы можем войти.

В гостиной было холодно, топить печку, в то время как Гиннекен спала, не решились. Она натянула одеяло до кончика носа, и хотя на голове у неё были жёсткие и короткие волосы, в них видны были бигуди. Наверное, для встречи Нового года Гиннекен решила принарядиться.

— Даг, мине даме, — сказала Аврора, как ей казалось, на хорошем голландском языке.

— Даг, мине Гиннекен, — сказал Сократ.

— Добрый день, — постаралась ответить им по-норвежски Гиннекен. — Ик так хорошо спала.

— Мы пока выйдем к папе на кухню, — сказала Аврора.

Когда они позавтракали, папа сказал:

— Сегодня мы пропустим обед, мы же пойдём вечером в гости, а на дневное время у меня особые планы.

— И какие же? — спросила Аврора.

— Я схожу на прогулку.

— А мы можем с тобой пойти? — спросила Аврора.

— Нет.

Аврора до того удивилась, что встала два раза и два раза села.

— Это ведь самый последний день в году, — объяснил папа. — В двенадцать часов начинается Новый год, поэтому я схожу на небольшую прогулку и поразмышляю. Это будет прогулка мысли, и я пойду на неё один.

— А что будет делать Гиннекен? — спросила Аврора.

— Она пойдёт к жене судьи и посмотрит, как готовится к приёму гостей норвежская дама, — сказал папа. — Мама в конторе, но она скоро вернётся, и, насколько я её знаю, она тоже отправится на небольшую прогулку поразмышлять.

— Тогда поразмышлять пойдут сразу четверо, — сказала Аврора. — Сократ и я, мы тоже пойдём.

— Нет, пойдут пятеро, — сказал Сократ, — Чучело заявил, что он пойдёт тоже. Он и я, мы отправимся в сад, потому что Чучело не любит долгих прогулок после той, о которой ты уже знаешь, — сказал он и взглянул на Аврору.

Папа ушёл. Аврора видела, что он направился вверх от Фабельвики, а это означало, что он пойдёт дорогой между гор.

Нет, туда она не пойдет. Она пойдёт к пристани. Может, пришёл «Молодец»?

Но, когда Аврора подошла к морю, катера она не увидела, он, наверное, подойдёт позже.

Интересно стоять здесь одной. Ни светло ни темно, и совсем рядом всё время бормочет море. И тут Аврора услышала голосок, который изо всех сил старался зазвучать сильно и энергично.

— Так у вас есть груз на борту? Давайте его сюда! Не до полуночи же нам ждать?

Что такое? Аврора оглянулась. И тут под навесом увидела мальчика. Он был ростом с неё, и она поняла, во что он играет. Он играл в Альфреда с пирса. У Альфреда была борода, а этот мальчик делал вид, будто её поглощивает, хотя никакой бороды у него не было.

Он играл так похоже, что Авроре тоже захотелось присоединиться к его игре. В конце концов, можно оставить все эти мысли о новом и старом году, играть было интереснее. Только бы он принял её в игру. Что бы придумать, чтобы он не разозлился и не ушёл? Она взяла старый ящик, который лежал на пристани, и сказала:

— Слушай, Альфред, ты поможешь погрузить этот ящик на катер?

Ей никто не ответил. Тогда Аврора прямо взглянула на мальчика и сказала ему:

— Я — штурман с «Молодца», можно мне поиграть тоже?

Мальчик подумал и сказал:

— Ну ладно, играй, но, если кто-нибудь сюда явится, я сразу уйду.

Аврора понимающе кивнула. Эту игру она знала давным-давно.

Происходило то же самое, что и с Кнутом в Тириллтопене. Он тоже не хотел разговаривать с ней при посторонних, только дома.

— Да, спасибо тебе за старый год, — сказал мальчик и потянул себя за «бороду». — И передавай привет всем!

— Тебе тоже спасибо за старый год.
— Мне скоро уходить в море, — сказал Альфред и сел на ящик рядом с Авророй.

— А я думала, что ты хочешь остаться на берегу.
— Нет-нет, я так сжился с морем, что в ночь под Новый год не хочу оставаться на берегу.
— Аврора! — послышались голоса. — Аврора, ты здесь?

Аврора ничего не ответила, но она отчётливо слышала, что её зовут Юханна и Ракель, которые в это время тоже гуляли.

А мальчик, где он? Его как не было. Хотя он только что сидел рядом.
— Ты здесь? — снова сказала Юханна. — Мы заходили к тебе домой и хотим тебе кое о чём сказать. Ничего, конечно, хорошего. Аврора, ты не должна играть с Фруа!

— Фруа? — переспросила Аврора. — Так его зовут?
— Нет, его зовут Фритьоф Руальд, — объяснила Юханна, — но мы зовём его Фруа. Ты не должна разговаривать с ним, Аврора. Моя мать не здоровается с его матерью, потому что они не из тех людей.

Аврора только-только хотела спросить, что плохого в тех людях, как прибежал папа.

— Аврора, поторопись домой, — сказал он, — тебе ещё принимать ванну, мы же собираемся в гости. Спасибо вам, Юханна и Ракель, за старый год. Надеюсь, мы увидимся в новом.

— Спасибо вам за то же, — сказала Юханна. Она стояла, переполненная всем, что ей не терпелось высказать Авроре. Но придётся подождать.

— Побежали, Аврора! — сказал папа.
— Среди твоих знакомых есть люди, с которыми ты не хочешь здороваться?
— Нет. Если я знаю человека, я с ним здоровлюсь. Я, кстати, здоровлюсь и с теми, кого не знаю.
— Понятно. Я познакомилась с мальчиком, а Юханна говорит, что её мать не здоровается с его матерью.
— Не обращай на это внимания, — посоветовал папа. — Он приятный?
— Да. Мы хорошо с ним играли.

— Тогда будем надеяться, ты встретишься с ним ещё. А сейчас нам нужно спешить. Ты знаешь, как называет Гиннекен вечер под Новый год? Ацдер-яништауинс, и это значит по-голландски «вечер старого года».

— Значит, мы идём в гости на вечер старого года, — сказала Аврора.

— Идём поскорей, и надень своё новое платье! Тогда я возьму тебя в листовёртки. Ты знаешь, кого музыканты называют листовёртками? Это те женщины, которые перелистывают перед ними ноты. Сегодня я буду играть в тюрьме перед заключёнными. Перед тем как пойти в гости, я загляну к ним.

— Хорошо, — сказала Аврора. В листовёрку, сама не зная того, она уже несколько раз играла.

Когда они пришли в тюрьму, они поздоровались со всеми, кто там был. Всего пятнадцать человек, считая двоих, кто за заключёнными присматривал, ещё одна женщина готовила им еду. Никого больше Аврора не видела.

Аврора знала всех заключённых, потому что уже была здесь. Один из них, который сидел в тюрьме очень долго, смастерили Авроре кораблик, другой изготовил для неё небольшую табуретку. Но, как говорил папа, не у всех золотые руки, и поэтому он хотел организовать для заключённых в новом году настоящую школу. Хотя сейчас, в вечер старого года, он решил только поиграть для них, а Аврору взять листовёрткой. Она сидела на стуле рядом с папой и каждый раз, когда он кивал, переворачивала лист с нотами, чтобы его пальцы не отрывались от клавиатуры. Папа так усердно кивал, что Авроре необязательно было читать ноты.

Концерт получился долгий, потому что папа обещал выполнить просьбу каждого. Один заключённый пожелал «Лунную сонату» Бетховена, другой — что-нибудь из морских вальсов, третий — какой-нибудь из псалмов и ещё один — музыку к народному хоппса-танцу с прискоками. Папа исполнил просьбу каждого.

— Спасибо за старый год, — сказал наконец папа, — встретимся в новом. Может, тогда кому-нибудь захочется поучиться музыке.

Авроре даже не хотелось уходить оттуда, так там было уютно, но папа сказал, что теперь им нужно сесть за стол и хорошо поесть.

— Ты ведь, Аврора, впервые окажешься на празднике во взрослой компании.

Хотя не такая уж компания была взрослая. После того как все поели, и взрослые, и дети приняли участие во множестве разных игр. Но когда часы приблизились к половине двенадцатого, жена судьи сказала:

- Вы все знаете, что в Фабельвике в ночь под Новый год все ходят в церковь. Поэтому и я приглашаю всех туда пойти.
- Наверное, Сократик уже устал? – сказал папа.
- Да и Аврора тоже, – сказала мама. – Она на ногах весь день. Я пойду с малышами домой?
- Най ик, – сказала Гиннекен. И она говорила серьёзно. Гиннекен так очаровали нурланнский воздух и здешние красоты, что она совсем измоталась. И теперь она решила пойти домой с детьми.
- В Голландии в канун Нового года люди сжигают рождественские ёлки, – сказала мама, – и Гиннекен говорит, что тогда они устраивают фейерверки, а суда дают гудки. Ты хочешь, Аврора, пойти с Гиннекен домой? А я пойду с папой.
- Хочу, – сказала Аврора.

Сократ заснул сразу, как только пришёл домой, а Аврора мешкала изо всех сил, ей очень хотелось дождаться двенадцати часов. Они с Гиннекен надели ночнушки, завернулись в шерстяные покрывала, сели у окна и стали в него смотреть. И Гиннекен получила всё, к чему она привыкла на родине.

Сначала само небо запустило вверх фейерверк в виде северного сияния. Потом забили церковные колокола, и ровно в двенадцать часов загудело одно судно. Это подал сигнал «Молодец», который так разнообразил гудок, что казалось, изображал из себя целый хор, который гудел в честь Нового года.

Маленький дирижёр

В первое утро нового года Аврора спала дольше обычного, хотя всё же не слишком долго. И она, Сократ и Гиннекен встали одновременно. А мама с папой всё ещё спали, потому что после посещения церкви отметили праздник ещё у десятка знакомых, их пригласивших. Так что высаться

им было нужно. Гиннекен затопила печку в гостиной, Аврора приготовила завтрак, Сократ принёс со второго этажа Чучело, хотя с лошадкой всё же не справился, ему помогла отнести её вниз Гиннекен.

Когда они поели, Сократ взглянул сначала на Чучело, а потом на Гиннекен. Он подошёл к Авроре:

- Аврора, мы расскажем о нашей тайне Гиннекен?
- Пожалуй. Пусть Гиннекен знает её, она ведь не может здесь, в Фабельвике, никому рассказать о ней, кроме папы и мамы, а они её знают.

Тогда они оба взглянули на Гиннекен, и она тут же поняла, что её хотят посвятить в какую-то тайну.

– Ты поедешь с Сократиком и Чучелом на лошадке, – сказала Аврора. – А я с вами не поеду, у меня сегодня другие дела.

- Тогда у меня освободится больше места для Гиннекен, – сказал Сократ.
- Поезжайте в Тириллтопен! – посоветовала Аврора. – Пусть она познакомится с ним, усадьбой в лесу, бабушкой и всеми другими. Заодно передай от меня привет Розе, Самоварной Трубе, Нюсси и Биттелиттен, если их увидите.

– Обязательно, – сказал Сократ и сел на лошадку за Чучелом.

Гиннекен села последней. Ей поездка уже нравилась, и она ничуть не жаловалась, что сидела позади всех и ей приходилось на скаку держаться за лошадиный хвост.

– До свиданья, – сказала Аврора и вышла из дома. Но она не отправилась в сад или к Юханне и Ракель. Нет, ей захотелось повидать того мальчика, с которым было так интересно общаться вчера.

Сегодня был ясный день, и уже светало. Папа говорил, что теперь будет светлее с каждым днём, но всё равно пройдёт ещё немало времени, пока солнце не засияет на целый день.

Она опять пошла к пристани. Вдруг там окажется тот самый мальчик? Увы, там его не было, но там стоял Альфред с пирсом. Он уже закрыл сарайчик с навесом и собирался домой. Но какой же он сегодня был красивый! Он вымыл бороду, надел белую рубашку, а поверх неё – ещё вязаный свитер и к тому же куртку. Альфред, наверное, считал, что первый день года должен быть торжественным.

– Привет, Аврора. С Новым годом!

- Ага. С Новым тебя годом тоже! Ты видел сегодня Фруа?
- Нет, я его сегодня не видел. Но вот вчера, вчера он был здесь, это я помню.

Тогда Аврора пристань покинула. Она шла по улице Фабельвика, которая называлась Главной, хотя ничего особенно главного в ней не было. Забавно, но в некоторых витринах магазинов всё ещё продолжалось Рождество. Хотя, сказать по правде, Рождество это уже стало старым.

Аврора проходила мимо небольших домиков, когда из одного услышала знакомый голос. Во двор домика вела калитка из досок, но Аврора прижалась к ней носом и в небольшую щель увидела, что в середине двора стоял бот, самый что ни на есть настоящий бот. Аврора открыла калитку и громко сказала.

- А я уже здесь. С Новым годом!
- Фруа сначала посмотрел на неё сердито, но почти тут же сказал:
- Заходи и взгляни на бот! Он целиком и полностью мой. Мне его отдал Альфред. Они сначала хотели разрубить бот на дрова, но я упросил их отдать его мне.

Бот и в самом деле был очень старый и местами прогнивший, но всё равно красивый. Фруа починил его кое-где и сверху покрасил, так что выглядел бот вполне основательно.

- Ты тоже можешь пойти на нём, — сказал Фруа, — но только если я буду шкипером.

Ну да, Аврора это знала, она могла стать на таком боте только боцманом, или матросом, или даже первым рыбаком, если только такое звание существует, или ещё коком. Неожиданно она сказала:

- Я сбегаю домой и принесу еды, нам же нужно будет есть, когда мы выйдем в море и начнём ловить рыбу.
- Отлично, матери сейчас нет, она работает в гостинице, и мы забыли купить хлеба.

Аврора выбежала со двора. Но только она пошла по дороге, как встретила Юханну и Ракель.

- Аврора, — спросила Юханна, — где ты была?
- Мне сейчас очень некогда, — ответила Аврора, — но если вы побежите так же быстро, как я, то мы побежим вместе.

Ракель и Юханна бегать умели, хотя высказать то, что ты хочешь, на бегу непросто.

— Аврора, — сказала Юханна, — ты не должна бегать с Фруа, понимаешь? Разве ты не знаешь... нет, ты не знаешь, что его отец сидит в тюрьме.

— Вот как. Тогда я его, наверное, знаю. Я ведь знаю там всех, я много раз была в тюрьме с папой. И была там только вчера. А сейчас бегу домой кое за чем.

— А мы постоим и подождём, — сказала Юханна. — И узнаем, куда ты побежишь потом.

Аврора забежала домой, и, к счастью, папа уже проснулся и сидел пил кофе.

— Слушай, папа, — сказала Аврора. — Объясни мне, почему Юханна говорит, что я не должна бегать с Фруа из-за того, что его отец сидит в тюрьме?

— Ох как сложно, — сказал папа. — Дай-ка мне поразмыслить! Не знаю, что ты на это скажешь, — продолжал он, подумав. Потом папа сказал что-то Авроре на ухо, и Аврора серьёзно ему ответила. Папа завернул ей в пакет бутерброды и дал ещё бутылку сока и две чашки.

Юханна с Ракель всё ещё стояли и ждали её, и Аврора сказала им:

— Хотите я скажу вам, что сказал мне папа? Он сказал, что все люди иногда поступают неправильно и кое-кто из них попадает за это в тюрьму, а другие в тюрьму не попадают, что бы они ни творили, и ещё он сказал мне, что тем, кто плохо говорит о других, в тюрьме самое место.

— Да? — удивилась Юханна. — Он так сказал? Ладно, больше мы разговаривать с тобой не будем, нам ещё нужно сходить кое к кому из знакомых. А ты, Аврора, ты придёшь на новогоднюю ёлку в пятницу? Там будет играть оркестр и будет весело.

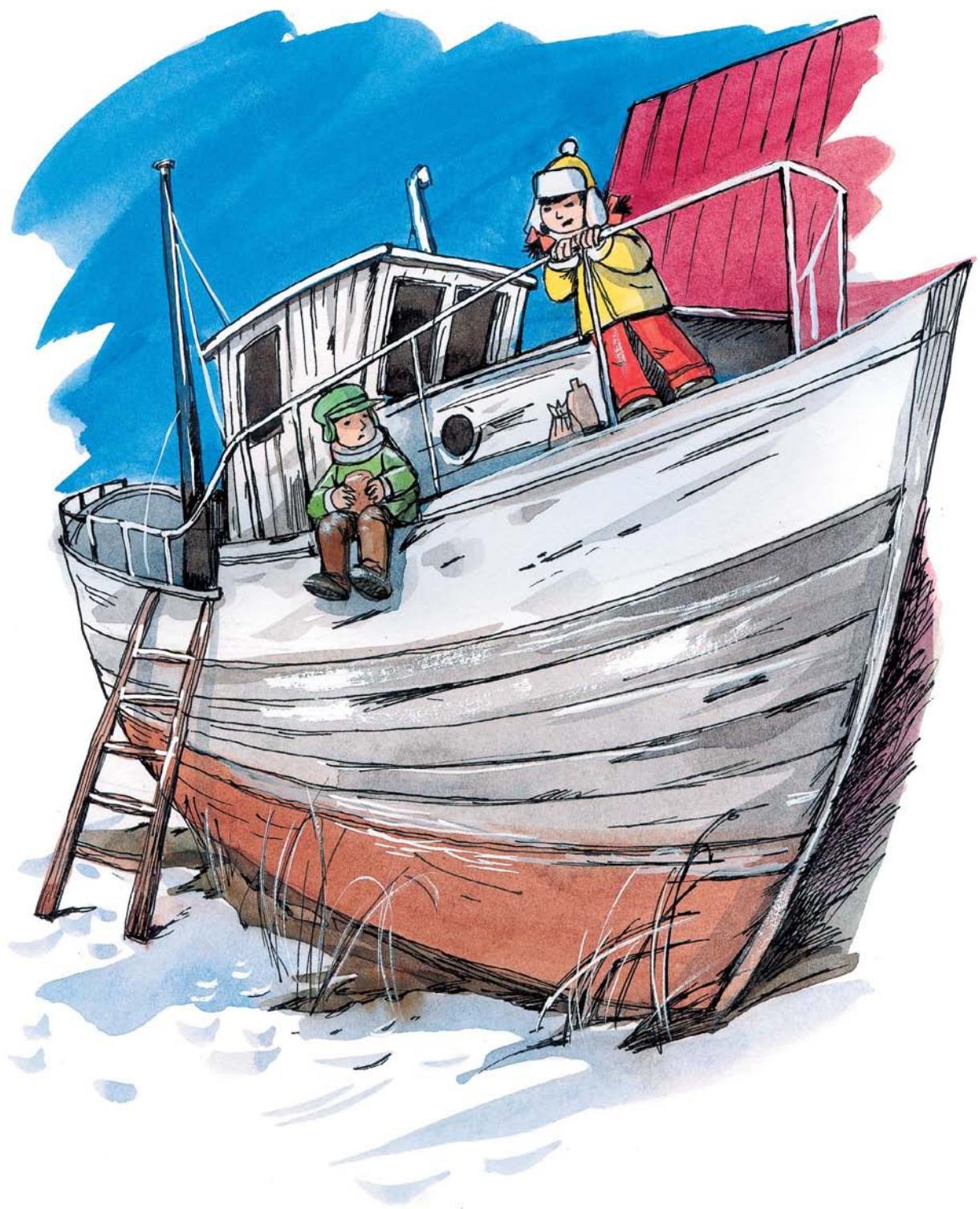
— Ну конечно я приду. Пока!

Аврора побежала изо всех сил, и не прошло много времени, как она оказалась у калитки дома Фруа.

Но когда она вошла во двор с большим ботом, Фруа стоял там, повернувшись к ней спиной, и не говорил ни слова.

— Вот я и снова здесь, — сказала Аврора, — и я принесла много еды.

— Не стоило, ты ведь говорила с Юханной и Ракель и сейчас обо всём знаешь.

— О том, что твой отец в тюрьме? Я об этом знаю. Как он, кстати, выглядит? Он носит красный свитер?

— Ну да, — сказал Фруа, — и отец очень большой.

— Ну тогда я знаю его. Я ведь была там вчера. Я была там уже много раз. Если бы я знала, что он твой отец, я бы передала ему привет от тебя. Ты пойдёшь на ёлку в пятницу, Фруа?

— Кто, я? — спросил Фруа и снова нахмурился. — Нет, на такие праздники я не хожу, на них бывает слишком много народа.

— Ну ладно, — сказала Аврора. — А сейчас пойдём в море и порыбачим, а потом поговорим ещё.

Когда они зашли далеко в море, им стало не до отца Фруа, ёлки и всего другого. Волны в море стояли такие высокие, что Фруа сказал:

— Возьми конец, Аврора, и привяжись к мачте, чтобы не выпасть в море.

Аврора сделала, как он сказал, и всё-таки поймала трески килограммов на пятьдесят. А когда она их поймала, то пошла на камбуз и подготовила обед шкиперу. А тот сказал ей:

— Такого хорошего кока у меня давно не было. Надеюсь, ты проработаешь у меня до конца сезона?

— Конечно, — сказала Аврора. — Я ещё приду к тебе в другой день, но не завтра. Завтра мы будем показывать Гиннекен Фабельвик, а в пятницу у нас новогодняя ёлка. Ты придёшь на неё?

— Не знаю. Но в субботу мы, если захочешь, пойдём на боте в море.

— Захочу, — пообещала Аврора и пошла домой.

На следующий день они показывали Гиннекен Фабельвик, чтобы та познакомилась с ним по-настоящему. А ещё через день папа с утра до вечера занимался приготовлениями к новогодней ёлке.

— Я сходил ещё кое-куда, кроме школы, — сказал он и загадочно улыбнулся. — Но куда, я тебе пока не скажу.

После этого он пошёл к маме и Гиннекен и шёпотом попросил их:

— Вы поможете мне сшить одежду для Деда Мороза? Одну на старого Деда Мороза, а другую — на совсем ещё молодого его помощника, ростом с Аврору?

— Жена судьи говорила, что у них есть что-то вроде этого на чердаке, — сказала мама. — Мы поднимемся туда и посмотрим.

На этот раз побывали на чердаке только Гиннекен с мамой, и Аврора с Сократом по этому поводу не переживали. Они ничего об этом не знали. Сократ ещё ни разу не ходил на ёлку, поэтому большой зал школы, множество детей и сама огромная новогодняя ёлка привели его в восторг. Внизу сидел оркестр, и папа тоже. Оркестр играл так мощно, что звуки музыки отражались от стенок зала и тем самым усиливались. Но, когда дети стали танцевать вокруг ёлки и самые младшие стали ходить во внутреннем маленьком хороводе, Сократ вдруг испугался и запаниковал.

— Гиннекен! — закричал он. — Гиннекен!

Гиннекен в это время самым благополучным образом стояла во внешнем круге хоровода. Она же была очень высокой и водила хоровод там. Но она услышала крик Сократа, пробралась к нему и взяла его за руку. Но Сократ продолжал кричать:

— Аврора!

Но Аврора как приклеенная ходила в хороводе между Ракель и Юханной, и они не отпускали её.

— Мама! — кричал Сократ.

Пришлось маме тоже пробираться во внутренний круг. Когда остальные дети услышали крики Сократа, они тоже стали звать мам, нянечек, пап и тётушек, и их крики слились в один суматошный хор. Пришлось выстраивать хоровод заново. Теперь во внешнем круге ходили самые маленькие дети со взрослыми, а во внутреннем — остальные.

Прошло не меньше четверти часа, прежде чем разобрались, кто в каком хороводе должен ходить. И тут вдруг перед оркестром возник маленький помощник Деда Мороза и стал им дирижировать. У него, хоть он был ещё маленький, росла очень длинная белая борода. Он хорошо махал палочкой и точно попадал в такт музыке.

Гиннекен знала много рождественских песенок, которые пели все, но она пела их по-голландски, и это так заинтересовало малышей, что они умолкли совершенно и только слушали её.

Когда Гиннекен спела, поднялась настоящая кутерьма, малыши вдруг все захотели держаться в хороводе за руку с Гиннекен, и она, наверное, никогда ещё в жизни не пользовалась такой популярностью, как в эти минуты.

Прозвучали почти все новогодние песни, которые закончились всем известной «В лесу родилась ёлочка». Сократ знал все её слова и понимал, что поёт Гиннекен, а когда все дети закончили петь, они стали хлопать в ладоши Гиннекен и заодно себе тоже.

- Ты должна приехать к нам летом, — сказала Гиннекен мама.
- Спасибо, я приеду, — ответила та по-голландски и по-норвежски.

После этого детей угостили булочками с лимонадом, а взрослых — кофе, и все немного поиграли. Малышей больше всего развеселил бег наперегонки по широкому залу. А те из них, кто был постарше, просто стояли и разговаривали.

— А кто же играл маленького помощника Деда Мороза? — спросила Юханна. — Сначала я думала, что это ты, Аврора, но ты не могла быть его помощником, ты же стояла вместе с нами.

— Не знаю. Папа сказал, что устроит нам сюрприз, но мы так и не разгадали какой. Ведь борода у маленького помощника была такая длинная.

— Ну да, — сказала Юханна, — и ещё его шёлковая высокая шапочка и остальная дед-морозовская одежда. И потом, он дирижировал точно и хорошо. Ты слышала, как он всегда попадал в такт? Наверное, перед этим он долго упражнялся.

- Скорее всего. Но где же он?

Маленький помощник исчез, и папа с ним — тоже, но оркестр по-прежнему сидел и играл.

Когда все поели, наигрались и жена судьи рассказала, как справляли Новый год в старые времена, вперёд выступил человек и сказал, что все дети должны выстроиться в один ряд, потому что сейчас к ним выйдет сам Дед Мороз.

— И ещё от Деда Мороза пришёл срочный приказ. Вместе с детьми должна встать дама, которую зовут Гиннекен.

Мама прошептала Гиннекен его слова по-английски, и Гиннекен кивнула, взяла Сократа за руку и присоединилась к детям.

После этого оркестр сыграл марш, и к детям вышли Дед Мороз с помощником. Дед Мороз шёл тяжело и опирался на палку, а рядом с ним шёл его помощник, тот самый, что дирижировал.

- Вот он опять, — сказала Юханна.

Дед Мороз нёс большой тяжёлый мешок, он кивнул маленькому помощнику и сказал:

— Этим займёшься ты.

И представьте себе: его помощник знал, как зовут в Фабельвике всех до одного детей! Все подходили и ждали, что им подадут. Юханна, Аврора и Ракель держались за руки. Неужели он знает, как их зовут?

— Сейчас-сейчас! Есть здесь девочка, которую зовут Юханна? — воскликнул маленький помощник Деда Мороза. — Тебе положен вот этот мешочек с подарками, пожалуйста! А тебя зовут Аврора, это ведь ты так ловко пра-вишь лодкой на море, правда?

Тут Аврора сразу узнала, кто это. Она взглянула на него, и он ей кивнул.

— А сейчас очередь Ракель, — продолжал он.

Единственная, кого он не знал, была Гиннекен, и тогда слово взял сам Дед Мороз.

— Здравствуй, Гиннекен! — сказал он. — Мы в Фабельвике все очень рады тебе. Приезжай снова!

И он вручил Гиннекен картину, на которой был изображён Фабельвик, море возле него и горы вокруг.

— Тысяча благодарностей, — сказала Гиннекен. — Тысяча, тысяча благодарностей.

— Теперь ты знаешь, кто такой маленький помощник Деда Мороза? — спросила Юханна.

— Да, — сказала Аврора. — Теперь я знаю, кто это, — Фруа.

— Ох, — сказала Юханна, — представь себе, он подарил мне целый мешочек подарков, хотя я не сказала о нём ни одного доброго слова.

— Ты уже сказала. Ты говорила, что он дирижирует точно и хорошо.

— Да, говорила, и я говорила правду. А это значит, что меня за это в тюрьму не посадят.

— Конечно нет. И в следующий раз, когда я буду играть с Фруа, ты тоже будешь играть с нами?

— Да, если мне разрешат дома, — сказала Юханна с очень серьёзным выражением на лице.

— А ты скажи им то же, что говорил мой папа, — посоветовала Аврора. — И родители тебе разрешат.

После этого все разошлись по домам. Домой пошли и Дед Мороз со своим помощником. Фруа уже снял с себя длинную белую бороду и стал всё тем же мальчиком, который играл с Авророй.

А в сторонке на стуле сидела Гиннекен и немного грустила оттого, что завтра утром она уезжала из Фабельвика.

— Гиннекен едет обратно на свою работу, — говорил папа, — но я уже написал моей маме, Лужице и бабушке. Пусть они получше примут её в своём кружке шитья в лесном доме, чтобы она увезла с собой из Норвегии самые лучшие воспоминания.

— Так она впервые увидит Тириллтопен? — спросила Аврора.

— Разве ты не знаешь, что она уже была там вместе с Чучелом и со мной? — с гордостью произнёс Сократ.

— Лишний раз ей не повредит, — сказал папа.

На следующий день они попрощались с Гиннекен на пристани. Перед тем как «Молодец» отчалил, к ним, запыхавшись, подбежала с чемоданчиком в руке жена судьи.

— Я тоже поеду, — сказала она. — Я слышала о том, что Гиннекен собирается посетить кружок шитья и повидать бабушку вместе со всеми приятными дамами, которые побывали здесь летом. Томас говорит, что поездка была бы мне очень полезна.

«Молодец» дал ещё один долгий гудок в честь Гиннекен и ушёл вместе с ней и женой судьи.

— Я рад, что Гиннекен побывала у нас, — сказал пapa, когда они побрели назад. — Ты когда-нибудь думала, как она одинока? Гиннекен представила, как грустно ей будет сидеть дома на Рождество. И она решила провести его на рейсовом теплоходе, где встретила его вместе с другими пассажирами.

— Вот почему она приехала к нам, — сказала Аврора. — И теперь считает наш дом почти своим. Она приедет к нам летом, совершенно точно, она ведь нам обещала.

— Год назад нас ещё в Фабельвике не было, — сказал пapa, — а сейчас мы прожили здесь уже почти год.

— И ещё проживём год, — сказала мама, — и я этому рада, потому что года, чтобы узнать и понять здесь всё, не хватает.

— Мы не будем здесь жить постоянно? — спросила Аврора.

— Мы об этом ещё не знаем, — ответил ей пapa, — но я знаю точно, что осенью ты пойдёшь в школу и будешь учиться здесь вместе с Юханной, Ракель и Фруа, а если мы вернёмся обратно в Тириллтопен, то ты будешь учиться вместе с Нюсси. Тебе хорошо, ты знаешь оба места.

— Можно, я пойду немного погуляю? — спросила Аврора, когда они вернулись домой.

— Хорошо, иди! — сказал пapa.

— А куда ты пойдёшь? — спросила мама.

— К Фруа. Мы ведь пойдём с ним в море на боте.

— Тогда возьми с собой бутерброды, — предложил пapa.

— Хорошо, тогда я возьму пакетик побольше, потому что вместе с нами пойдут, наверное, ещё Ракель и Юханна.

Сократ долго стоял, глядел на неё и молчал.

— Всё в порядке, Сократик, — сказала Аврора. — Ты тоже можешь присоединиться к нам, только тогда тебе придётся слушаться шкипера.

— Ну ладно, — согласился Сократ.

— Тогда присвойте ему звание юнги, — сказал пapa.

Он забежал в дом, приготовил большой пакет с бутербродами, и Аврора с Сократом отправились вниз от своего дома и прошли через узенькую калитку во двор с большим ботом.

— Хорошо, что вы пришли вовремя, — сказал Фруа, — ведь скоро мы отправляемся.

— Я должна была захватить еду, — сказала Аврора.

— И это тоже хорошо. Мать приготовила для нас большой хлеб. А сейчас мы отходим.

— Подождите нас! — прокричал кто-то. И откуда ни возьмись перед ними встали Юханна с Ракель. — Вы нас возьмёте?

— Ясное дело, возьмём, — ответил Фруа. — Мне нужен экипаж. Аврора будет присматривать за машиной. Ракель будет коком, а ты, Юханна, будешь вахтенным дозорным на мачте.

— Это хорошо, никто не умеет лазить так же ловко, как она, — сказала Аврора.

Юханне её слова ужасно понравились, и она сказала:

— Теперь ты разговариваешь в точности как все мы здесь.

— Но я же здесь живу, — сказала Аврора, выговаривая слова с явным фельвицким произношением.

И они отправились в море. А с таким экипажем на боте, как этот, у них непременно будет хороший улов.

Содержание

АВРОРА НА ТЕПЛОХОДЕ

Один-единственный корпус «Ц»	7
Тириллтопен и остальной мир	16
День лужайки	23
Перемены	33
Только Нильс путешествует в одиночку	40
Рейсовый теплоход на север	47
«Гага» даёт гудки	53
Мари-мореплавательница	61
Папа на Лофотенских островах	69
«Молодец»	75
За кроватями	82
На суше и на море	89
Расстроенная южанка	101
«Молодец» всегда к вашим услугам	105

АВРОРА ИЗ ФАБЕЛЬВИКА

Стокфиссо	115
Тroe одиноких и брошенных	122
Первая премия за поиск сушёной рыбы	132
Венецианский вельможа	141
Туман	148
Осенний танец	157
«Маленькому голодному мальчику»	164
Чучело	172
Классный праздник	180
Ледяные горки	187
Закутанная в плед дама	197
В ночь под Новый год	204
Маленький дирижёр	211

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

**ВЕСТЛИ Анне-Катрине
АВРОРА НА ТЕПЛОХОДЕ**

Повести

Ответственный редактор *А. Ю. Бирюкова*

Редактор *С. В. Рахманова*

Художественный редактор *Ю. В. Разумеева*

Технический редактор *С. А. Панкратьева*

Корректоры *Т. С. Дмитриева, Е. В. Туманова*

Компьютерная вёрстка *Н. А. Козель*

Подписано в печать 20.01.2022. Формат 84 × 100¹/₁₆.

Гарнитура «SchoolBook». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 4000 экз. D-VES-29484-01-R. Заказ № .

Дата изготовления 22.02.2022.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Mashaon

115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции,
предназначенной для детей и подростков».